

Самые красивые девушки

Виктория Лопатко

Прежде чем пожелаешь узнать себя, оторвавшись от родительского дома, оглядись вокруг. Вдруг поблизости бродит одинокий волк. И не заметишь, как окажешься в стае оборотней и побежишь вслед за вожаком, поджавши хвост. Но если тебе повезёт, "охотник" защитит тебя: если не будет слишком поздно.

Часть первая — глава первая

Часть первая

Виктория

— Осторожней, так можно и в историю угодить.

Чёрт возьми, какая же я неуклюжая, под ноги не смотрю, поэтому часто спотыкаюсь. Спасибо молодому человеку, который вовремя предложил мне руку помощи, иначе я свалилась бы прямо в лужу.

— Извините, — промямлила я и взглянула на своего спасителя. Молодой человек, лет около тридцати, высокий, ухоженный, хоть и одет без изысков — джинсы, майка, толстовка нараспашку. Наверное, всё дело в дороговизне вещей, которые на нём, к слову, сидят великолепно.

— Передо мной не за что извиняться, — пожав плечами, ответил он. — Просто смотрите под ноги.

Ладно, теперь буду осторожней. Но, как обидно, что он просто ушёл. Говорят, что судьба неспроста сталкивает людей в банальных ситуациях, чтобы им было легче найти друг друга. Но, видимо, я не его судьба. А вот он заставил забиться моё сердце. Даже голова закружилась. Какой-то он особенный, что ли.

Ах, что попусту травить себя, если знаю наверняка, что случайная судьбоносная встреча — это не обо мне. Никогда я не пользовалась успехом у парней раньше, а теперь, когда мои подруги уже давно обзавелись семьями в отличие от меня надеяться не на что.

Я вздохнула, взглянула вслед своему спасителю, от которого уже и след остыл, и снова продолжила путь.

Я иду домой, чтобы сообщить маме о своём решении, уехать в небольшой городок Средние Борки, что расположен в северной части Тамбовской губернии. Диплом фельдшера в кармане, значит, имею право распоряжаться своей жизнью на своё усмотрение. Мамина опека угнетает, если честно. Раз я не замужем, значит, можно обращаться со мной как с подростком? Нет, я больше не желаю отчитываться за каждый свой шаг, хватит.

Предварительно я подала заявку в Боркскую больницу и получила ответ — приглашение на работу. Этот городок мне знаком, я родилась в Средних Борках. Когда мне исполнилось десять лет, родители мои решили расстаться, и мама увезла меня в Тамбов. Мы с ней стали жить в Областном центре в небольшой квартирке, которую маме предоставили по месту работы: она устроилась в клинику, старшей медицинской сестрой. Мама работала, что называется, без сна и без отдыха, чтобы хоть как-то прокормить нас. Отец помогал, но его помощи едва хватало, чтобы платить по счетам. В то время он работал шофёром и его зарплата оставляла желать лучшего. Это теперь он механик в автомастерской и, как говорит моя бабушка, живёт, и нужды не знает. Но и нам с мамой грех жаловаться на жизнь. Когда мама снова вышла замуж, наша жизнь изменилась к лучшему. Владимир Иванович, мой отчим, хоть человек серьёзный и строгий, но ко мне относился по-отцовски, да и маме с ним было хорошо, я видела это. На первых порах я переживала, ведь я ни с кем не хотела делить свою маму, но смирилась, потому что понимала, что ей надоело мыкаться одной, перебиваясь от аванса до зарплаты, но потом поняла, что ничего не потеряла, а даже обрела с появлением в нашем доме хозяина.

А в Средних Борках остались мой отец и моя бабушка Анфиса, почему бы мне не

пожить у них, для разнообразия. Но в большей степени меня привлекает свобода, наконец-то, я обрету самостоятельность. Жить у отца не очень хорошая идея, поэтому, я договорилась с бабушкой Анфисой, чтобы она приютила меня. Конечно, бабушка с радостью согласилась принять меня. Она обижается на мою маму, за то, что та предала её сына, а меня бабуля любит, как и прежде, я знаю.

Значит, еду. Мама устроила скандал, но Владимир Иванович быстро успокоил её. Он тоже не одобряет моё решение, но препятствовать мне запретил.

Не знаю, сколько продержусь, год, или и того меньше, но день настал и я покинула родные пенаты.

Глава первая

Средние Борки это небольшое селение, расположившееся в устье реки Серп, что протекает на севере Тамбовской губернии. Бескрайние леса, широкие луга, волки, да сказательное наследие предков — вот, пожалуй, и все достопримечательности Борок. Но неприметный уголок, в недавнем прошлом, оставил свой «кровавый» след в истории. В Борках в середине прошлого века открыли ферму и стали разводить волков. Ферму построили в лесу, подальше от глаз людских: волк животное благородное и гордое, и хоть немало бед приносит зверь лесной, местные относятся к этим хищникам с уважением.

Ферма работала исправно. Из шкур шили тёплую обувь и полушубки. Говорят, теплее меха не найти и для северных регионов волчья трофеи были спасением. Жители Борок пытались защитить зверя, но попытки были пресечены властями. Но со временем, всё же нашлись добрые люди, которым удалось убедить власти закрыть «живодёрню». Уцелевших волков выпустили на волю. Местные говорят, что звери не ушли в дальний лес, что мол, остались и теперь бродят по округам. А народ придумал байку, будто волки теперь мстят людям, но от их укусов человек не погибает, а принимает облик зверя. Это, конечно, байки, но чужаки опасаются и в городок без надобности не суются, оттого местные варятся в собственном соку и на большее в этой жизни не претендуют. Вот, пожалуй, и всё, что я могу сказать о моём родовом гнезде, куда вернула меня судьба, по доброй воле и без принуждения.

Восемнадцатого сентября я приехала в Борки. Бабушка, как и было, обещано, выделила мне светлую просторную комнату с ремонтом, новой мебелью и окнами на улицу. Дом у бабушки крепкий и добротный. Его построил мой дед с прицелом на века. Так и есть. Отец немного подправил фасад, обновил крышу и теперь дом снова выглядит, как новый.

— Отец твой мебель купил и ремонту сделал, чтобы тебе уютней жилось, — сказала бабуля и вышла из комнаты, позволив мне спокойно распаковать вещи.

Комната уютна светлая, тёмные портьеры, от назойливых солнечных лучей и новая мебель, что немаловажно: не выношу запах старины, потому никогда не хожу в музеи. Вполне достойно, чтобы чувствовать себя, как дома. Мне приятно, что меня ждали.

За обедом бабушка предупредила, что вечером придёт мой отец, и что я должна буду проявить уважение к нему. Ну, она могла и не предупреждать — я соскучилась и с нетерпением жду встречи с папой. В последний раз мы виделись года два назад, когда он приезжал в Тамбов. Мы встретились на нейтральной полосе, в кафе и просидели там часа три за разговорами. Он так и живёт один. Это даже странно, неужели до сих пор любит мою маму?

— Стёпка интересовался, когда ты приедешь. Ждёт, не дожждётся никак. Может, приглядишься к нему? Годков-то тебе уже почитай, больше двадцати пяти, стало быть, в

девках засиделась. А Степан видный парень и деньги у него водятся.

— Бабуля, я приехала не мужа искать, а себя. Хочу понять, кто я в этой жизни. А Стёпка мой друг и ничего серьёзного между нами быть не может. А ты, я вижу, уже всем сообщила, что я еду?

— Никому ничего не сказывала, честное слово. Стёпка заходил кран починить, так я ему намекнула, что ты вроде как решила вернуться в родной городок.

Ох, бабушка, я ведь ненадолго приехала: не знаю, выдержу год или раньше сбегу. Дома мне казалось, что я поступаю верно, но теперь, когда воочию увидела этот богом забытый уголок, чувствую, что погорячилась.

А Стёпку я помню — долговязый паренёк со светлыми кудрями. В последний раз мы с ним виделись лет десять назад. Я приезжала к бабушке погостить на летних каникулах. Мама с отчимом уезжали по делам, а меня определили к бабушке в Борки. Степан пытался ухаживать за мной, но я чётко ему дала понять, что кроме дружбы ничего больше ему предложить не могу.

— Стёпка мне, как брат, — озвучила я свои мысли.

— Ну, брат, не брат, а парень он хороший. Автослесарем работает. И деньги у него водятся.

— Бабуль, у тебя свет клином сошёлся на деньгах, — пожурила я бабушку. — Есть и другие причины жить в этом мире.

— Говорить можно всё, а на деле, без денег никуда. Вот сама посуди, захочешь куда поехать, или какой другой интерес появится, а денег нет. Что будешь делать?

— Бабушка, давай о чём-нибудь другом поговорим, а то, я только приехала, а ты меня уже со двора гонишь.

— Да не гоню я тебя, — забеспокоилась бабушка. — Это я так переживаю. Нет, детка, я то рада, что ты приехала. Давление меня замучило совсем и печень «шалит». Телефон есть, но пока врач приедет, я уж сама себе помогу. А теперь у меня в доме своя собственная «неотложка».

— Конечно, бабушка, помогу.

— В мать, значит, пошла, — покачав головой, сказала бабушка. — Эта профессия, от Бога. Только бы характер её не переняла, ох, и взбалмошная она, всё у неё «круть-верть». — Я строго взглянула на бабулю. При мне ничего плохого про маму слышать не хочу. — Да ты ешь, а то остынет, — пододвигая ко мне тарелки, захлопотала бабушка. Ну, вот и хорошо. Я маму в обиду никому не дам.

— Ешь, детка, ешь — стала приговаривать бабушка. — А то вон, какая, худющая, одни глаза на лице остались. А в детстве-то щекастенькая была.

Бабуля расстаралась — щи сварила, пирожков с ливером испекла, котлетки приготовила с картошечкой. В детстве я любила бабушкины котлетки — они такие маленькие, аккуратненькие и очень вкусные.

На радость бабушке я съела столько еды, сколько ещё никогда в жизни не ела. Соскучилась по бабушкиным «вкусняшкам».

— Я тут с посудой разберусь, а ты пойди, отдохни, — сказала бабушка, когда я положила вилку и откинулась на спинку стула. — На работу-то когда выходишь?

— В понедельник. У меня три дня есть осмотреться, обвыкнуться. Давай-ка, я сама с посудой разберусь, а ты пойди, отдохни, — предложила я. Кажется, я съела слишком много еды и теперь мне надо двигаться, чтобы сжечь лишние калории. — Ты готовила, а я убираю

— это справедливо.

— Помощница моя. Как справишься, так приходи ко мне в комнату, расскажу тебе новости последние, по житьё-бытие наше.

Кухня у бабушки тоже обновилась. Шкафчики пахнут новизной. Хочется верить, что бабушка с отцом ради меня старались, дом в порядок привели, мебель подкупили.

А папа так и живёт в нашем доме, который когда-то выстроил для меня и мамы.

Дом по-прежнему крепкий и добротный: похоже, над ним не властно время.

Когда-то на том месте стояла хижина. Отец выкупил землю и построил терем. Местные ходили любоваться, такой дом вышел чудесный. Папа много работал, чтобы накопить достаточную сумму денег, если мне не изменяет память, то, он даже уезжал куда-то на заработки. А потом мама ушла от него. Почему так случилось, не понимаю. Что они не поделили.

Но, что случилось, то случилось и уже ничего не исправить. Ясно одно, я уже скучаю без мамы. Вот так же перед отъездом я мыла посуду после ужина, а мама сидела за столом и тихо плакала. Она отговаривала меня, как могла, даже предложила мне остаться одной в нашей квартире, а они с Владимиром Ивановичем, моим отчимом переедут в загородный дом: конечно, я отказалась. Дело не в том, что они мне, или я им мешаю — просто я хочу попробовать себя в деле, почувствовать ответственность.

Теперь не знаю, правильно ли я поступила, или может, нужно было послушать маму?

Я быстро управилась с посудой, а остатки еды убрала в холодильник. А в холодильнике я обнаружила страшный беспорядок. Ох уж, эти старики, им жалко выбрасывать продукты, а потом оказываются на больничной койке с пищевыми отравлениями. Чувствую, мне ещё предстоит воевать с бабулей: столько несвежих продуктов. Вот, к примеру, интересно узнать, сколько лет творогу? Главное, что всё прикрыто, но ведь продукт уже испорчен. К старости, люди теряют обоняние в разы, им сложно уловить запах испорченного продукты. Только если уже явная просрочка.

Ладно, с этим потом разберусь.

— Встречай жениха, Вика, — позвала меня бабушка. — Степан пришёл.

Бабушка «чудит» и это очевидно. Ну, с чего она решила, что Степан в женихи набивается? Мы давно с ним всё выяснили и расставили все точки над «и».

— Проходи, Стёпа, — крикнула я.

И тут я увидела высокого широкоплечего «дядю Стёпу»: а я думала он всё такой же субтильный парнишка, со светлыми кудрями, каким я помнила его.

— Иди сюда, — пробасил Степан.

Степан заключил меня в медвежьи объятия — вот это силища.

— Эй, раздавишь, — в шутку взмолилась я.

К нам подоспела бабуля.

— Ну, что я тебе говорила? Парень какой, а?

Стёпа смутился.

— Ты совсем не изменилась, — окинув меня взглядом, сказал Стёпка и снова покраснел. — Только подросла, а так, как и прежде, девочка с косичками.

— Это я заплела, чтобы волосы не мешали посуду мыть, — стала оправдываться я, потому что мне важно, чтобы местные воспринимали меня серьёзно — я не на отдых приехала, а врачевать, значит, человек я серьёзный и ответственный. — А вот ты очень изменился, эта гора мышц, — рассмеялась я.

— У нас открыли Центральный дом досуга, там и секции спортивные есть. Я занимаюсь вольной борьбой.

Городок убогий, здесь и ЦДД в радость. Куда ещё пойти бедному селянину. Наверное, там и кино показывают и танцплощадка есть.

Бог мой, куда меня занесло? Да ещё в осеннюю пору. Переживу ли зиму, не знаю.

— Напой гостя чаем, а я пойду, не буду вам мешать, — сказала бабуля и ушла восвояси.

Как неловко. Даже не знаю, о чём говорить со Стёпкой. Он, конечно, парень интересный, но этот местный менталитет — то ли убогость, то ли ущербность, и никуда от этого не деться. Я помню, как мне самой было трудно на первых порах в Тамбове. Девочки не хотели со мной дружить — считали меня бестолковой деревенщиной: теперь я понимаю их. Только года через два я «пообтесалась» и жить стало легче.

— Ну, садись, — предложила я гостю. — Будем чай пить.

— Лучше пойдём, пройдемся, — предложил Стёпка. — Покажу тебе наши Средние Борки.

О, так даже лучше, это я с удовольствием. Я ведь хотела осмотреться, привыкнуться.

В городке я не заметила особых перемен. Разве что ЦДД появился на Центральной площади. Ну да, современное здание в стекле, а ещё три двухэтажных дома на Молодёжной улице выстроили. А, в общем, уныло, убого и безлюдно. Даже странно идти по пустым улицам. Как будто я оказалась в городке, пережившем апокалипсис. Только бы зомби из укрытий теперь не начали выбираться, или ещё какие-нибудь монстры.

Я улыбнулась своим мыслям.

— Тебе странно? — спросил Степан. — А мы привыкли. Многие уехали из Борок, но не я.

— Почему ты остался? — удивилась я.

— Мне и здесь хорошо, — с достоинством ответил Степан. — От добра, добра не ищут.

Ну, что же, каждому своё. Степан привык к размеренной жизни, для него суета это слишком.

— Помнишь, я по лестнице к вам в дом забрался? — предался воспоминаниям Стёпка, когда мы проходили мимо отцовского дома. Дом и теперь возвышается над другими домами — высокий из-за фундамента. Папы теперь нет дома, а так бы я зашла к нему. Наверное.

— И перепутал мою комнату с родительской спальней, — продолжила я. — Мой отец отвёл тебя домой, и тебе досталось по полной программе, за то, что по ночам из дома убегаешь.

— А ведь мы договорились вместе смастерить подарок для Надежды Кузьминичны — нашей первой учительницы.

— Точно, — вспомнила я события давних лет. — Мы собирались сплести корзинку и наполнить её цветами из нашего сада. Помнишь, какие красивые цветы росли в нашем палисаднике, астры, георгины.

— Интересно, как бы мы плели корзинку? — задумался Стёпка. — И ведь верили, что у нас всё получится.

— На то оно и детство, чтобы верить.

Я долго верила, что мои родители обязательно помирятся, и мы снова будем жить вместе, но не сложилось.

— Пойдём, подойдём к нашей школе? — предложил Стёпка. — На лавочке под вербой посидим.

Сидеть на лавочке под вербой возле школы мне не хочется, и я стала искать альтернативное предложение.

— А кафе у вас есть? Я бы теперь съела мороженое.

— Мороженое? — почему-то удивился Стёпка.

Господи, только не говорите мне, что в городке нет мороженого.

— Я предложила что-то непристойное? — в шутку удивилась я.

— Нет, — растерянно моргая, произнёс Стёпка. — Просто... — Степан так и не решился сказать, что его встревожило, а я не стала настаивать. — Пойдём, я угощу тебя, — наконец, согласился он.

— Вот так-то лучше, — похвалила я парня и обрадовалась, что тревога по поводу отсутствия мороженого оказалась ложной.

По всему видно, что кафе «Сказка» открылось недавно: подход к нему захламлен и тротуарная плитка в процессе укладки. Но, главное, что кафе уже работает.

Посмотрим, чем нас порадуют в местном пристанище сладкоежек.

А в кафе ни одного посетителя, что и следовало ожидать. На улице никого и в общественных заведениях пусто. Может, местные в ЦДД проводят все дни напролёт. Это ведь чудо, по их меркам. Развлечение, что надо.

Мы выбрали столик у окна, и к нам тут же подскочила официантка: именно подскочила. Светловолосая девушка с «гулькой» на макушке, в чёрной коротенькой юбочке и белоснежной блузке. Я обратила внимание на её обувь — каблук сантиметров двенадцать, не меньше: как она не устаёт прыгать на них весь день? Ногу можно подвернуть, да и в целом, здоровье подпортить. Вся стопа при ходьбе не задействована, и центр тяжести смещается — отсюда всякого рода воспалительные процессы, варикозное расширение вен и прочие «бляки». Ох, вспомнит она эти каблуки лет через двадцать, да будет поздно.

Девушка предложила нам меню и стала в сторонке, в ожидании заказа.

— Фисташковое мороженое и апельсиновый фреш, пожалуйста, — попросила я.

— А мне пломбир и лимонад, — сказал Стёпка.

— Не любишь свежавыжатый сок? — поинтересовалась я.

— Нет, я не люблю новомодные словечки, — потупив взгляд, признался Степан.

Он ведёт себя, как ребёнок, честное слово. Я неожиданно почувствовала себя взрослой тётей, которая привела мальчика в кафе, угостить мороженым. Что с ним стало, с моим другом Стёпкой? Совсем одичал в Борках.

— У тебя девушка есть? — поинтересовалась я.

— Была.

— И что случилось? Вы расстались?

Стёпка ужасно стеснительный и в этом его проблема. Какой девушке будет интересно с таким парнем. Мы любим сильных, властных мужчин, а слабость нас отпугивает. От инстинктов никуда не деться.

— Да, расстались, — кивнул он.

В детстве этот паренёк был весёлым, задорным мальчиком с веснушками на носу и оттопыренными ушами. Теперь он симпатичный, высокий и мужественный молодой человек, но только с виду, а в душе он так и остался неуверенным в себе юнцом.

— Помнишь Юльку? Она жила через дом от вас — стал откровенничать Стёпка.

— Конечно, помню. Я шила одежки для своих кукол, а она воровала их. И ведь потом ничего не докажешь — твердит, что это её вещичка и всё тут.

Стёпка тепло улыбнулся.

— Мы дружили с десятого класса, а потом она уехала с родителями в Москву на постоянное место жительства.

— Понятно, — кивнула я.

— Но ты мне всегда нравилась больше, — поспешил признаться Стёпка. — Но ты уехала.

— Я знаю, — ответила я и улыбнулась по-доброму. Прямо беда какая-то, девушки, к которым Стёпка питает симпатию, непременно уезжают из городка.

Эх, Стёпка, к сожалению, или к счастью, ты не подходишь под описание мужчины моей мечты. Мне нужен брутальный мужчина. Чтобы у него была изюминка или тайна. Ну, не знаю, что-то, что могло бы меня удивить...

— Значит, решила вернуться в родные пенаты? — сменил тему Степан.

— Да, как-то так, — сбивчиво ответила я. — Ненадолго, но всё-таки.

Глупые вопросы и не менее глупые ответы. Прямо мука какая-то. Сейчас съем мороженое, выпью фреш и попрошу Стёпку проводить меня домой.

— Как долго ты здесь пробудешь? — поинтересовался Степан.

— Год или два. Не знаю, как получится. Но склоняюсь к году, потому что дольше вряд ли продержусь.

— Ну, это мы ещё поглядим, — хитро улыбнулся Стёпка. Я не стала отвечать, пусть думает, что угодно, но я знаю, что так и будет. — Почему от матери уехала?

Прямо допрос устроил. Я же не пристаю к нему с расспросами.

— Решила набраться опыта, прежде чем стану работать в большом коллективе. Не хочу подводить маму. Она старшая медсестра в хирургическом отделении, почётный работник.

— Ну, да, — кивнул Стёпка. — Будешь в нашей больнице работать?

— Да, — кивнула я. — Представь, что, возможно, я буду делать тебе уколы.

Я рассмеялась, а Стёпка смутился.

— Что? — ещё задорней рассмеялась я. — Ты такую ситуацию не рассматривал?

В кафе вошли посетители, парень с девушкой. Ну вот, хоть кто-то появился, а то, как-то не по себе в пустом зале. Молодые люди сели чуть поодаль, выбрав столик в центре зала. Интересная пара, да и на местных они не похожи. И одеты, как-то причудливо. То есть, не причудливо, а нереально круто. Вещи на них дорогие и уж точно не в местных магазинах куплены.

— Кто это? — поинтересовалась я.

— А, это «гоблины», — отмахнулся Степан.

Чёрт возьми, этот парень... это он помог мне избежать конфуза, когда я запнулась на ступеньках и чуть не угодила носом в лужу. Теперь он смотрит на меня и широко улыбаясь, разговаривает со своей спутницей. Не может быть, он смеётся надо мной? Наверное, рассказал девушке о том, как я чуть было не растянулась перед ним.

— Как ты их назвал? — от волнения слишком громко спросила я.

— Местные их так называют, — с усмешкой на губах объяснил Степан. — Они года два назад переехали в наш городок. Кажется, из Сибири. Но ты ведь в курсе, что с «чужаками» у нас проблема, не принимаем мы «пришлых».

Это мне известно. В Борках и маму мою долгое время не принимали, пока она не вышла замуж за местного. А теперь осуждают её и опять же говорят, что «чужаки они и есть чужаки — ненадёжные». Могу представить, как этим людям должно быть сложно, выживать

здесь. Да, на тамбовщине не любят чужаков и это факт. Не принимают, осторожничают и считают себя выше других однозначно.

— А имена у них есть? — поинтересовалась я.

— Да, конечно. Парня зовут Владом, а девушку Ольгой.

— Интересно.

— Ольга симпатичная девушка, но она взбалмошная какая-то. С нервами у неё не всё в порядке, кажется.

Девушка меня мало интересуется, а вот молодой человек, хоть он смеётся надо мной, но меня так и тянет снова взглянуть на него и я не отказала себе в удовольствии. Волосы тёмные сияют чистотой, глаза... чёрт, глаза тёмный омут, а губы — чётко очерченные и такие манящие. Лицо мужественное и милое одновременно — странное сочетание, но так и есть.

А девушка типичная блондинка с большими голубыми глазами. Она тоже хороша, но всё же уступает парню в красоте.

— А почему их называют «гоблинами»? — поинтересовалась я. Из сказок мне известно, что гоблины, это маленькие человечки, которые живут в подземелье.

— Они держатся, как-то обособлено. Не общаются ни с кем. Не работают, а денег у них куры не клюют. Поселились у леса и заповедник устроили рядом с домом. Там у них волки живут. Говорят, что звери к самому дому подходят, и они их кормят.

— Волки к дому подходят? — удивилась я.

— Волки и в городе рыщут, особенно зимой, — поделился со мной Стёпка.

— И не страшно вам? — Меня даже передёрнуло, когда я представила, что могу встретить зверя на улицах городка.

— Мы не боимся волков, а они не трогают нас, — с гордостью поведал мне Стёпка.

Степан до корней волос местный. И рассуждает по-местному. Небось гордится, что остался в Борках и не уехал «за счастьем», как это сделали другие.

— Они вместе? Ну, они пара? — спросила я.

— Нет, они родственники. Ты что, увлеклась парнем? — забеспокоился Стёпка. — Не советую. Они же сектанты. Я их, между прочим, побаиваюсь даже. Как-то Влад приехал к нам в Автомастерскую. Дяди Паши, отца твоего, не было в тот день, и я взялся посмотреть его машину. Поломка пустяковая оказалась, но пока я чинил его автомобиль, он глаз с меня не сводил. И взгляд такой платонический, как будто он меня съесть хочет.

— Но ведь не съел? — в шутку заметила я.

— Что?

— Ничего, проехали. И, кстати, мне пора. Скоро отец придёт, а меня не будет дома, разве это прилично?

— Он сегодня в село соседнее уехал, — объяснил Стёпка. — Так бы он встретил тебя. Все уши прожужжал: «Доча едет, доча едет»

— Значит, Влад свой автомобиль доверяет чинить только моему отцу? — спросила я.

— Только ему, — подтвердил Степан.

— Наверное, мой папа нравится «гоблинам» больше, чем ты.

Стёпка ничего не ответил. Он заплатил по счёту, и мы вышли из кафе.

О прекрасном незнакомце я решила забыть: разве он обратит внимание на фельдшера из местной больницы.

— В следующий раз я угощаю, — предупредила я.

— Разве девушка может угощать парня? — удивился Степан.

— Эй, ты из какого века? — покачав головой, в шутку спросила я. — Девушки теперь могут всё.

Стёпка вызвался проводить меня домой, а я не стала возражать, мало ли. Вдруг, волки, и правда, по улицам бегают. Я не трусиха, но со зверем лицом к лицу встретиться бы не хотела. По вечерам лучше одной на улицу не ходить.

Тихий, заплутавший в Тамбовских лесах городок. Его-то и городом трудно назвать — частный сектор и только одна улица с тремя двухэтажными домами. Сейчас я нахожу городок убогим, а в детстве мне казалось, что лучше места не найти. А сколько здесь грибов по осени — идёшь, а они сами в корзинку просятся.

А вот и дом местной ведьмы, тётки Устиньи. Вспомнилось, как бабуля брала меня с собой на «посиделки». Пять-шесть старух, собирались у ведьминога двора на скамейке и начинались разговоры. А иногда старушки истории разные вспоминали. Одна мне запомнилась с тех далёких времён. Тётка Устинья её рассказала. Помню, так испугалась, что не спала несколько ночей подряд. Будто в наших лесах завёлся оборотень. По ночам выл так, что от ужаса на голове волосы вставали дыбом. Откуда беда такая случилась, никто понять не мог. Пошли местные охотники с поклоном к местной ведьме тётке Дарье, мол, помоги, ты ведьма тебе и бороться с магией. Тогда ведьма сказала им так: «Палите из ружья, куда попало, вот и пристрелили спутницу оборотня по ошибке. Теперь ждите беды, а я вам не помощница». От Дарьи охотники ушли ни с чем — отказалась ведьма помогать. Тогда взяли они ружья и, когда стемнело (а оборотень давал о себе знать только к полуночи) вышли на охоту. Не все вернулись к утру. Трое мужиков сгинули и с тех пор о них ни слуха, ни духа. Ведьма сказала, что оборотень «откупную» взял. Ну, за спутницу утраченную, охотников, которые сгинули он, обратил в оборотней себе в компанию. Так с той поры нет-нет, да и исчезнет кто-нибудь. Две подружки убежали в лес за грибами, там и сгинули. Искали их, но тщетно, вот и решили, что их оборотень прибрал к рукам, обратил ради забав.

— Спасибо, что не мешал мне думать, — пошутила я, когда мы со Стёпкой подошли к бабушкиному дому.

— Ничего, мне и молчать с тобой нравится.

Стёпка смущённо улыбнулся и, попрощавшись, ушёл домой. Чудной он какой-то.

Папа ждал меня у бабули. Он так растрогался, когда увидел меня, конечно, взрослая дочь, вернулась в родные пенаты. За разговорами мы просидели допоздна. Вспоминали прошлое, делились новостями. Он всё ещё настаивает на том, чтобы я перебралась к нему. С весны твердит, что я должна жить дома, а не у бабули. Оказывается, моя комната так и стоит не тронутая. Там мои игрушки, мои книжки, детские рисунки. Папа обещал сделать ремонт в комнате, купить всё необходимое, если только я соглашусь жить с ним под одной крышей.

Лучше мне соблюдать нейтралитет. Что скажет мама, если я переберусь к отцу?

Перед сном я разложила в ванной на полочке туалетные принадлежности, приняла душ, расчесала свои спутанные кудри и вернулась в свою комнату. Плюхнулась на кровать и укрылась одеялом: в комнате прохладно, а я не переношу холод, теперь бы мне согреться и заснуть, но от мыслей никуда не деться. Задумалась, чем завтра займусь. Обязательно попрошу Степана, чтобы помог мне разобраться с интернетом: я привезла с собой ноутбук, но интернет-то не подключен. И хорошо, если бы Стёпка согласился отвезти меня в лес: хочу пройтись по знакомым с детства местам. Тем более теперь, когда в лесу особая пора слегка грустная и невероятно романтичная. Люди склонны считать, что осень, это

исключительно тоскливое время года, с проливными дождями и холодными ветрами. Но ведь кроме слякотной осени есть ещё золотая пора.

Я долго не могла заснуть. Мешала тишина. Мне не хватало городской суеты, которая не прекращается даже далеко за полночь. А у нас в Тамбове, на Советской улице байкеры ночные гонки устраивают, рёв стоит невообразимый, а мы умудряемся уснуть и спать спокойно до утра.

Да, шума мне здесь точно будет не хватать.

Глава Вторая

С утра на улице липкая морось и туман. Дождь в городке без тротуаров — это катастрофа. Хорошо, что бабушкин дом стоит неподалёку от Центральной площади, куда дошли удобства цивилизации, а вот отойди чуть подальше и «хорошая жизнь» заканчивается. По пути к больнице есть участок, который без резиновых сапог не одолеешь. А я привезла с собой гардероб одежды, которую мне не придётся здесь носить и обувь, в которой ходить просто нереально. Ну, с одеждой я, как-нибудь разберусь, но сапоги резиновые надо покупать.

Мой первый рабочий день начался со скверной погоды и горечи разочарований. Не хочу выходить в дождь и не хочу идти на работу. Хочу обратно, в Тамбов. А тут ещё каждую ночь снится мама и я ужасно скучаю без неё. По телефону она говорит, что волнуется, просит подумать, и если только я соглашусь, то она в один день переведёт меня в свою клинику. Очень заманчивое предложение, но что-то останавливает меня, и пока я не могу понять, что именно.

— Завтрак на столе, — предупредила бабушка. — Обязательно поешь, я проверю, когда вернусь.

— И куда это ты собралась с утра пораньше? — поинтересовалась я.

— Я должна накормить завтраком твоего отца и проводить его на работу.

Бабушка приглядывает за моим папой и это так трогательно. Ему под пятьдесят, а для неё он сын, который требует внимания и заботы.

— Бабуль, а почему он до сих пор один? — решила спросить я.

— Потому что от него жена сбежала в город, — ответила бабушка и вышла из дома.

Зачем спросила? Мне не нравится, что папа до сих пор один. Ума не приложу, почему такой интересный мужчина никого не нашёл до сих пор. Это даже странно. Неужели до сих пор хранит верность моей маме.

Завтрак состоял из бутерброда с маслом и сыром и чашки чая. В принципе, это я могу одолеть, чтобы не расстраивать бабулю: вообще-то я не привыкла завтракать так рано, но если учесть, что это, скорей всего вся моя еда на сегодняшний день — я не смогу есть в больничной столовой, — то лучше мне поесть. А ещё, надо купить кофе. Чай по утрам мне не придаст бодрости.

Кое-как «доплыла» до больницы. Ноги насквозь промокли, хоть ботильоны из натуральной кожи. Тут чернозём, а, значит, грязь липкая и чёрная. Пришлось возле крыльца обтирать обувь влажными салфетками — весь пакет извела.

Переоделась в «сестринской» и приступила к работе. Персонал в больнице — все приветливые люди. Приняли меня, как родную, тем более что многие помнят мою маму. Словом, я оказалась под опекой бывших маминых коллег. Особо меня не утруждали, но я сама рвалась в работу. Отделение у нас небольшое — двадцать коек. Работы немного, но я всё равно устала с непривычки: одно дело практика и совсем другое дело, когда ты работаешь в полную силу и ответственность, конечно. К моим обязанностям добавилась работа в процедурном кабинете. Но я не стала возражать, за работой скорее дежурство проходит.

Домой вернулась «выжатая», как лимон. Сразу отправилась под душ, а потом ушла к себе в комнату и растянулась на кровати. Но недолго длилось моё счастье — пришла

бабуля. Она села на краешек постели и стала поглаживать меня шершавой рукой по волосам.

— Умаялась, — ласково сказа она, поглаживая шершавой рукой мои волосы. — Как тебя, хоть, приняли?

Я не стала рассказывать, что в больнице помнят мою маму, поэтому меня приняли, как родную. Не думаю, что упоминание о маме понравятся бабушке.

— Хорошо приняли, — сдержанно ответила я.

— Вот и славно, — довольной улыбаясь, сказала бабушка. — Отца твоего все уважают, вот и к тебе отнеслись по-доброму. — Пусть будет так, я не стану убеждать бабушка, что дело не в папе, а в моей маме. — Отец твой обещал зайти, ты выйдешь?

Если честно, я бы теперь уснула, но и с папой тоже хочется повидаться.

Бабушка накрывает на стол в гостиной, а я думаю, почему не в кухне? Там уютно, а когда мы садимся обедать или ужинать в гостиной, у меня аппетит пропадает: комната кажется пустой и холодной. К тому же гостиная проходная — из неё выход в другие комнаты и в прихожую.

— Твой первый рабочий день отмечать будем, — улыбнувшись, объяснила бабушка. — Ты не беспокойся, я сама управлюсь потом с посудой.

Конечно, я стала помогать ей, а вскоре пришёл отец.

— Мам, зачем так много еды? На ночь, вообще вредно есть, правда, дочка?

Каждый раз папа смущается, когда называет меня дочкой. Наверное, ему странно видеть меня взрослой. После того, как мама увезла меня в Тамбов, мы с отцом виделись очень редко. Мама не позволяла мне гостить ни у отца, ни у бабушки, за исключением одного лета, когда она с моим отчимом уехала в Москву на повышение квалификации. Отец приезжал навестить меня, но в последнее время мы общались только по телефону.

— Садитесь к столу, — не обращая внимания на замечание сына, сказала бабушка.

Мы сели за круглый стол, который я помню ещё с детства. Бабуля и правда постаралась, наготовила, как на «Маланьину свадьбу». Я выбрала вареники с творогом. Взяла два (они у бабушки крупные и пышные) и полила их сметаной.

— Ешь, ешь, дочка, — подбодрил меня отец. — Тебе надо немного мяса нарастить на кости, худенькая ты у нас, словно веточка. Ты мама, уже постарайся, помоги девочке набрать вес. Гляди, она у нас, как берёзка в поле, от ветра, небось, качается.

— Они теперь специально худеют, мода у них такая, — отозвалась бабуля. — А раньше так было, замуж никто не брал худышек. Ну, какая из неё работница? — рассмеялась она.

— Неужели и, правда, невест выбирали, как свинину на рынке, чтобы пожирней была? — удивилась я.

Бабушка насупилась. Кто меня за язык дёрнул? Послушала и забыла, так нет, мне нужно своё слово вставить: бабушка у меня толстушка и в молодости не была худой.

— Красавица ты наша, — расчувствовался отец. — Ты, мать, не говори, коль не знаешь, — одёрнул он бабушку. — Женихи у порога в очередь выстроились, вот какая невеста у нас выросла.

— Стёпка, что ли? — хмыкнула я.

— Зачем нам Стёпка, и другие засматриваются, — подняв указательный палец вверх, сказал папа. — Влад тобой интересовался.

Влад, это тот парень, которого я заприметила в кафе, когда мы со Стёпкой ели мороженое. Серьёзно?

— Но я с ним даже не знакома, — смущённо пробормотала я.

— А вот он тебя знает, — поддразнил меня отец.

— Ну, я видела его в кафе, когда мы со Стёпкой зашли мороженым полакомиться.

— Он интересовался, надолго ли к нам приехала? Почему перебралась в наш городок?

— Паша, не морочь девчонке голову, нам только «гоблинов» не хватало, — возмутилась бабушка.

— А ты я смотрю, Стёпку внучке сватаешь? Так не по Сеньке шапка, — строго произнёс отец. — Нам только волчатников не хватало.

— Зачем обижаешь парнишку? — вступилась за Стёпку бабушка. — Он причём тут? Дети за отцов не отвечают, а уж за дедов, да прадедов тем более.

О, понеслось. Они что, с ума сошли? Я к ним ненадолго приехала, а они мою жизнь устраивают. Дай бог до весны мне продержаться в этих краях, а они меня замуж выдают.

— Дед его волков обдирал. Живодёр, — процедил сквозь зубы отец. — Ладно, если бы на охоте подстрелил, это другое дело, но чтобы вот так...

Ого! Поверить не могу. Отчего же тогда Степан такой скромный уродился, если в семье такая жестокость творилась. Выходит, дед Степана на фабрике волчьей работал. Ну, дела.

— Пусть так, всё лучше, чем с «гоблинами» связываться, — не успокаивается бабушка.

— Бабуль, а ты знаешь, кто такой «гоблин»? — как бы, между прочим, спросила я.

— Нет, не знаю и знать не хочу. Гоблины они и есть гоблины.

— Гоблины живут в пещерах и не переносят солнечный свет, а эти живут в лесу и на солнышке греются, — в шутку сказала я.

— Вот и я говорю, что странные они, — не стала уступать бабушка.

Не понимаю, что сделала семья, если горожане так неприветливы к ним.

— Завидуют они пришлым, вот и глумятся, — вмешался отец. — А по мне, так они хорошие и щедрые люди. И, знаешь мама, они благотворительностью занимаются. Больнице и школам помогают. В садики молоко бесплатно поставляют.

— По-твоему, так они прямо «манна небесная» для нашего городка, — едко заметила бабуля.

Интересно, к чему весь этот разговор?

— А Влад он человек состоятельный, не в пример твоему Степану, — поставил точку отец.

Вот, что волнует папу — моё безбедное будущее. Что ж, я не могу злиться на него, он заботится обо мне, по-своему. Пусть так банально, но ведь я ему не безразлична.

— Так, что ты думаешь, дочка? — не отстаёт он.

— Я ничего не думаю, папа, — ответила я и встала из-за стола. — А вообще-то, думаю. Через год я вернусь домой, в город и устроюсь в клинику Архиепископа Луки. Потом поступлю в институт на заочное отделение и стану специалистом.

— Правильно внученька, — похвалила меня бабуля. — Теперь не модно рано замуж выходить. Тридцать теперь ещё не возраст, а раньше в эти годы мы считали себя зрелыми женщинами и у нас уже «семеро по лавкам» сидели.

— Так, может, хватит обсуждать меня? — в шутку прикрикнула я. — И мне пока только двадцать пять, а к тридцати я определюсь и повзрослею, обещаю.

Папа недолго был у нас. Он куда-то торопился и я смею думать, что он торопился к женщине. Сегодня он выглядел счастливым и ухоженным: чистая рубашка, брюки выглажены, туфли новые. Я бы хотела, чтобы папа нашёл своё счастье. Не так мало их,

одиноких женщин мечтающих найти свою половинку. А тут симпатичный мужчина сорока восьми лет и свободен — это непорядок.

— Как думаешь, отец пошёл на свидание? — подмигнув бабуле, спросила я.

— Ох, как бы так, я бы успокоилась уже. Четырнадцать годков ходит бирюком.

— Я тоже хочу, чтобы папа определился уже. Дом у него хороший. Автомобиль новый.

Да он и сам мужчина в самом расцвете сил.

— Ну, я в постель, а ты тут занимайся, чем хочешь, только сначала убери со стола, -

зевнув, сказала бабуля. Конечно, она устала сегодня с готовкой, возраст берёт своё. —

Только не выбрасывай всё подряд, — жалостливо попросила она. — Оставь хоть что-нибудь.

О, бабушка поняла, что со мной спорить бесполезно. К тому же, ограничение в еде сделали своё дело — печень меньше стала беспокоить бабулю и она теперь прислушивается к моим советам. Но я не буду слишком бесцеремонной, пожалуй, оставлю вареники на завтрак и котлеты тоже уберу в холодильник.

Перед сном я думала о парне с неприметным именем Влад. Наверное, его полное имя

Владимир, или Владислав. Но он заинтересовался мной и это мне льстит. Я даже посмела предположить, что понравилась ему.

Но все эти мысли ни к чему, я не хочу здесь заводить романы. Мне бы год продержаться, а все остальное ерунда.

С утра за мной зашёл Стёпка. Я только успела привести себя в порядок и выпить чашку кофе, а он тут, как тут. Конечно, бабушка его впустила в дом. Для неё он первый помощник и спаситель, а, значит, перед ним всегда дверь открыта.

Степан приказал мне собираться, потому что решил взять меня с собой на городское мероприятие в луга, где пройдут гонки по бездорожью. Стёпкина бесцеремонность иногда обескураживает. С чего он взял, что может распорядиться моим личным временем? Я собиралась провести день на диване с книгой, укутавшись в плед, а в городке оказывается событие и мой друг никак не может обойтись без меня.

— Гонки, это типа ралли? — поинтересовалась я.

Кажется, Стёпка почувствовал иронию в моих словах и это его зацепило. Он ответил мне с неким вызовом.

— Ну, да. А что, мы, не люди что ли?

— Стёп, о таких вещах нужно предупреждать. Я не готова ехать за город.

— Это не далеко, километров пять от городка.

В самом деле, чего дома сидеть? Надо искать развлечения, заводить знакомства, приспособливаться к ситуации, в которой я оказалась по собственной глупости.

— Ладно, жди меня.

После дождя такая грязь на улице, а за городом могу представить, что творится. Достала из шкафа старые джинсы, свитер тёплый, а вот куртка у меня одна — испачкаю, потом стирать придётся. Благо, это не проблема — отец установил бабуле стиральную машину-автомат. А вот, что на ноги надену, это вопрос.

— Вот тебе внученька, ботиночки резиновые на каблукке. — Посмеиваясь, бабушка вынесла мне «экстремальную» обувь. — Нам, за счастье была такая обувь когда-то, а теперь вот и тебе пригодились мои сапожки.

Миленько. Надо же, резиновые полусапожки на каблуках: чуть велики, но это не беда, главное, что не жмут.

Едем со Стёпкой за город. Погода хорошая, хоть и сыро, шоссе мокрое. Как они

собираются ездить по бездорожью? Грязи там, наверное, по уши. А я терпеть не могу грязь и уже мысленно запикиваю в стиральную машину вещи, которые сниму сразу же, как только вернусь домой.

Смотрю в окошко, люблю пейзажем. Красивые тут места, живописные. Луга широкие и просторные, леса тёмные и дремучие, а небо синее-синее, а сегодня на нём ни облачка. Воздух по-осеннему свежий и насыщенный.

— Красивые места здесь, — озвучила я свои мысли.

— Потому я никуда и не уехал. Здесь спокойно, а мне нравится тихая неприметная жизнь. Суета не для меня.

Я тоже не люблю суету, но вялотекущее существование меня не привлекает. Я вглядываюсь в «сумеречные дали» и пытаюсь разглядеть знаки судьбы. Почему сумеречные? — в сумерках ничего не видно, разве только очертания предметов. Не хочу знать, что будет завтра и каждый день, как в омут с головой.

— Я привык к однообразию, — продолжил рассуждать Степан. — Важно знать, что всё тихо, спокойно и стабильно.

— А мне не нравится «трясина», — щурясь от солнца, которое светит в ветровое стекло, сказала я.

Хорошо, что солнышко выглянуло, может, подсушит немного землю. Хотя вряд ли, по осени солнце уже не такое жаркое, остывает, отдаляясь от земли.

— Ты называешь спокойную жизнь трясиной? — удивился Стёпка.

Я не стала отвечать Стёпке — каждому своё. Стёпка родился для того, чтобы просто жить,

а мне этого мало, мне нужен простор, воздух, движение. Вот потому у нас со Стёпкой ничего не получится, мы слишком разные, как небо и земля, как чёрное и белое.

Вот если бы Влад обратил на меня внимание. Он не из «серой» массы и это очевидно. Я чувствую, что он другой — он особенный. Ещё тогда, когда он помог мне, не позволив свалиться в лужу, я почувствовала, что он особенный.

Пока я мечтала, закрыв глаза, Стёпка съехал с трассы и наш автомобиль «поскакал» по бездорожью. И не просто «поскакал» — из-под колёс летели комки грязи, а машину кидало из стороны в сторону, как на аттракционе «Весёлые горки». Так и будет трясти, или мы когда-нибудь выедем на грейдер. Но вот, Степан въехал на пригорок и это правильно — мы прямо из автомобиля сможем наблюдать за гонками. Странно, что Степан не участвует в гонках, он сильный и смелый, и городок свой любит, а вот в мероприятии не захотел принять участие.

— А ты почему не участвуешь? — удивилась я.

— Раньше на семёрке гонял, а когда купил этого красавца, отошёл от дел. Жалко такой автомобиль в грязь гонять.

— Ладно, будем зрителями. А за кого болеть будем? — поинтересовалась я.

— Я за Игорька, а ты сама выбирай из числа участников, или ко мне присоединяйся.

Я стала вглядываться в автомобили, которые выстроились цепочкой перед стартом. Неужели они добровольно «нырнут» в лужу, которая поблёскивает в месте, огороженном флажками? По всей видимости, это не единственная лужа на трассе. Машины на старте не первой свежести — такие не жалко гонять по бездорожью.

— Я буду болеть вон за вон тот автомобиль, под номером восемь.

Эта машина самая приличная из всех других. И выглядит круто, не так, как другие.

— Вот это поворот, — присвистнув, сказал Стёпка. — В самую точку попала! Под номером восемь зарегистрирован «гоблин».

— Я ведь не знала, и мой выбор случайный.

Почему бытует мнение, что случайностей не бывает — вот вам пример. Чувствую, все эти совпадения неспроста происходят. Только этого не хватало. Я, конечно, мечтаю о любовных приключениях, но тут не хотела бы ввязываться в интригу. Привязанности тянут нас ко дну, а я мечтаю выплыть и, как можно дольше оставаться на поверхности.

— Посиди пока в машине, — попросил Стёпка. — Пойду что-нибудь попить куплю.

— Иди, Стёпа, я подожду, — не выходя из мыслей, ответила я вскользь.

Стёпка глубоко вздохнул, возвёл глаза к небесам и ушёл к палаткам, где полным ходом шла торговля напитками и всевозможной выпечкой.

А тут весело. Музыка играет, народ шумит, волнуется. Автобусы выстроились в ряд, ждут болельщиков, чтобы увезти их после в городок. А вон и наши дежурят, и пожарники, и полицейские на каждом шагу. Хорошо, что я согласилась поехать со Стёпкой. Мне не стоит засиживаться дома, если хочешь выдержать здесь хотя бы год.

В ожидании Стёпки я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Подумать только, Влад участвует в гонках. Его автомобиль самый броский из всех других. И не жалко ему такую тачку по ухабинам гонять. Почему же говорят, что «гоблины» сторонятся людей и ни с кем знаться не хотят? Вот пример — Влад тянется к местным, участвует в городских мероприятиях. Как всегда, людям нужно кого-то ненавидеть. Причём их ненависть не знает границ, они готовы сжечь на костре неудобных, как в Средние века. Иногда мне кажется, дай толпе волю, они так и сделают.

— Не спи, скоро стартуют.

Вернулся Стёпка. Он купил квас, лимонад и целый пакет булочек. Зачем так много? Я, к примеру, не голодна.

Хорошо, что Степан заехал на пригорок, отсюда видно всё, как на ладони. А я даже ног не испачкала — сижу в автомобиле и наблюдаю за происходящим со стороны.

— А приз какой? — поинтересовалась я.

— Призовой фонд — двадцать пять тысяч рублей.

— Немало. Почему ты не участвуешь? Тебе не нужны деньги?

— Мне зарплаты хватает, — сказал Стёпка и открыл бутылку с квасом. — Ты будешь пить квас или лимонад?

— Лучше лимонад.

— Булочки вкусные, попробуй, — предложил Стёпка.

— Ммм, сдобные, мои любимые, — обрадовалась я. Я не ела их целую вечность. В Тамбове такой выпечки не найти, а в Борках выпечка всегда была вкусная, а уж эти булочки просто чудо.

— Я это помню, — буркнул Стёпка. — На большой перемене я бежал в буфет, чтобы занять очередь и для тебя.

— Ты всегда был для меня, как брат. Заботился обо мне даже в детстве.

— Так и есть, — неохотно согласился с моими словами Стёпка. — Ладно, болей за своего Влада, а я буду болеть за Игорька.

— А кто такой, Игорёк?

— Просто отличный парень. Ты его не знаешь, он с семьёй приехал в тот год, когда вы с матерью в Тамбов перебрались.

После взмаха флажком, автомобили один за другим ринулись по бездорожью, выбрасывая из-под колёс комки грязи — увлекательное зрелище. Машины мчатся, подпрыгивая на кочках, их заносит в стороны, грязь летит во все стороны. Я уже не понимаю, кто, где — потеряла из виду серый автомобиль, потому что все машины теперь испачканы грязью.

— Давай, Игорёк, давай, — кричит Стёпка. Как он понимает кто, где? Это увлекательно, но я понятия не имею, куда смотреть.

— Вылезай, — приказал Стёпка.

Я повиновалась, хоть и испачкала сапоги. Стёпка помог мне взобраться на капот, а потом я села на крышу с позволения хозяина автомобиля. Ради меня Степан на всё готов, даже машину испачкать грязью. И, что мне с ним делать?

А на крыше очень даже удобно, не только видно, но и слышно. Рёв стоит жуткий.

— Теперь тебе видно? — спросил Стёпка.

— Класс, — в полном восторге крикнула я. — Я всё вижу и слышу.

— Игорёк идёт вторым, — сказал Стёпка.

Вот теперь я разглядела автомобиль Влада.

— Эй, давай, давай, — завизжала я, потому что номер «восемь» лидирует в заезде. — Как долго они будут ездить? — спросила я.

— Восемь кругов, — крикнул Стёпка.

Знать бы ещё, каким образом вести счёт. Но всё равно я кричу и визжу, размахиваю руками, болею за Влада. Жаль, что он этого не знает: и не узнает, к сожалению.

Восемь кругов это, как оказалось, очень долго. Я уже устала кричать и визжать: просто сидела и наблюдала за происходящим вокруг. Столько народа собралось и в основном молодёжь. В руках болельщиков флажки, шарики, плакаты типа «Вперёд, Славик!», «Вовчик — мы с тобой!» и ни одного плаката в поддержку Влада. Если бы я знала, что он участвует в соревнованиях, я бы подготовилась, как следует.

— Погода сегодня удалась, — заметила я. — Небо чистое, тепло, солнышко светит.

— Всё, последний круг, — заорал Стёпка.

Влад снова вырвался вперёд. Его основной соперник Игорёк. Они оба ведут заезд и можно сказать соревнуются между собой, потому что другие машина отстали от них на половину круга.

— Всё! — завизжала я, когда автомобиль под номером восемь первым пришёл к финишу.

— Вот, чёрт! — во всё горло заорал разочарованный Стёпка.

— Он не чёрт — он «гоблин», — хлопая в ладоши, радостно заметила я.

— Да, чёрт с ним с «гоблином», я вчера весь день потратил, с машиной возился, а он не смог обойти не первой свежести ауди.

Ну, я со Стёпкой не соглашусь, автомобиль у Влада очень даже ничего.

— Перестань, — бросилась я успокаивать Стёпку. — Это так весело. Неважно кто проиграл, а кто выиграл — это классно!

— Тебе понравилось? — отвлекся от переживаний Стёпка.

Вот так уже лучше — мне нравится весёлый Стёпка.

— Не то слово, — слезая с крыши, крикнула я. — Спасибо тебе, Стёпка. Ты делаешь мою жизнь насыщенной. Если бы не ты, я, наверное, уже давно сбежала бы домой.

— Рад стараться, — отшутился Стёпка. — Награждение будем смотреть? — спросил он.

— Мне сегодня в ночь, на дежурство.

Да, я бы хотела остаться, но времени уже много, а мне ещё отдохнуть надо.

— Тогда едем домой, — согласился Стёпка. Он расстроен и не желает смотреть, как будут награждать победителя заезда.

Проезжая мимо участников соревнования, я увидела Влада. Он стоял у своего автомобиля, а рядом с ним Ольга, его кузина. Я позавидовала девушке, потому что хотела бы теперь быть на её месте.

глава третья

Здание больницы с виду неброское: больницу узнаешь издалека — серое здание в форме буквы «п», скверик со скамейками, берёзки, липы и обязательно плакучая ива у крыльца. В этом есть смысл, или простое совпадение не понятно. Вот ту, в этом белёсом, кирпичном здании мне и предстоит «осмыслить своё предназначение». Не знаю, надолго ли меня хватит?

Территория больницы огорожена высоким кованым забором. Центральный вход под массивным навесом: надеюсь, он не рухнет, когда я буду проходить под ним. Я глубоко вздохнула и вошла в главный корпус. К моему удивлению, внутри уютно и нет устойчивого затхлого запаха, как это бывает. Ну, да, пахнет больницей, так куда же без этого, но не затхло, а вполне терпимо. Стены в коридорах чистые, потолки ровные и белые. Общую картину портит линолеум — выцветший и местами протёртый до дыр, а в целом неплохо.

Охранник, пожилой мужчина с нереально огромным животом, указал мне, как пройти в отдел кадров. Интересно, его живот это ожирение или проблема с эндокринной системой? Работает в больнице и мог бы обследоваться. Хотя, ему далеко за пятьдесят, значит гормональный сбой.

— Чем могу вам помочь? — поинтересовалась дама с пышной причёской и яркой помадой на губах. Я застала её за поливом цветов, которыми заставлен весь подоконник и ещё на стенах висят горшочки в плетёных подвесках. Кабинет уютный, хоть и маленький.

Мне ждать, пока она их все польёт?

— Я Виктория Павловна Архипова. Вот направление, — бесцеремонно вмешалась я в процесс заботы о растениях.

— Ах, да, — спохватилась дама и поставила кувшин с водой на небольшой столик у окна. Она подошла к рабочему столу и стала что-то лихорадочно искать в стопке бумаг. — Я вас ждала. Вы оставьте трудовую книжку, а я потом её заполню. Просто напишите заявление и распишитесь вот здесь, в журнале.

Я взяла ручку, предложенную дамой, и поставила свою подпись. Потом принялась писать заявление, конечно, сделала ошибку, и пришлось снова переписывать.

Вот и всё, теперь никуда не денусь. Отчего-то стало грустно, а к горлу подступил комок: неужели, сейчас расплачусь?

— Надеюсь, вам у нас понравится, — почему-то заискивающе сказала дама.

«Ох, нет, не думаю».

— А я помню вашу маму. Вы с ней похожи, такая же стройненькая, зеленоглазая, только у вашей мамы стрижка была короткая, а у вас волосы до пояса. Я Алевтина Степановна, может Анна рассказывала обо мне?

— Да, она говорила, что у неё тут много подруг осталось.

— Помнит нас, Анюта, — покачивая головой, сказала дама. — И мы её не забываем. Она такая хохотушка была. Передавайте ей привет.

Я вымученно улыбнулась, поблагодарила Алевтину Степановну и выбежала из кабинета. Скорей, на улицу — такая тоска легла на душу, хоть волком вой. Что называется, к месту.

Меня определили в кардиологию: кто бы сомневался, они помнят мою маму, а ещё сработал красный диплом, конечно. Что же, вперёд, в самостоятельную жизнь и нечего «нюни» распускать. Разве я не этого хотела?

В моём расписании сказано, что я заступаю на дежурство во вторник, в 8.00. Работа, конечно, не то, о чём я мечтала, но на первых порах сойдёт. Следить за больными во время дежурства и записывать улучшения или ухудшения в журнал наблюдений для лечащего врача. Очень хорошо, что на работу выходить во вторник: в запасе появился ещё один день на «осмотреться», значит, сегодня можно пойти со Стёпкой в лес. Надеюсь, он найдёт для меня немного времени.

— Конечно, я для тебя всегда свободен, — обрадовался Степан, когда я позвонила ему и попросила отвезти меня на прогулку в лес.

К лесу мы добрались на машине, оставили её у кромки леса, а дальше по тропинке пошли вглубь.

Я забыла этот лес. Всё, кажется, чужим и даже деревья пугают меня. А ведь когда-то, мне каждая тропинка была знакома. Помню детьми мы приходили сюда пешком. Набирали полные корзины еды и уходили в поход с утра и часов до трёх дня. По осени возвращались из леса с грибами, с черникой, а летом земляникой объедались.

— А помнишь, как мы с тобой заблудились? — вспомнил Стёпка, когда мы подошли к Волчьему оврагу, тут и стояла когда-то волчья ферма. Как раз в низине оврага, закапывали ободранные тушки волков. Даже думать об этом неприятно, а ведь этим страшным делом, кто-то занимался. Но это было давно, а теперь это просто овраг, поросший высокой пожелтевшей лесной травой.

— Не мы, а я заблудилась. Ты шёл за мной следом, не выпускал из виду. Так что, это я тебя завела в чащу.

— Так и есть, — согласился Степан.

— А потом мы с тобой пошли на юг, ориентируясь по соснам, — вспомнила я. Меня папа учил, как выбраться из леса, если заблудишься.

— И ведь вышли, — радостно сказал Стёпка, как будто это случилось сейчас, а не много лет назад.

— Точно, — подхватила я его настроение.

Я с наслаждением вдохнула лесной воздух: пахнет «прошлым». Аффективная память напомнила мне, как было хорошо когда-то.

— Красиво здесь, — заметила я.

— Конечно, красиво, — согласился Степан. — Осень. Люблю осень, — добавил он.

Не могу не согласиться с ним. В лесу карнавал красок — золотой, пурпурный, жёлтый и кое-где остатки зелёного цвета, всё смешалось в невероятной картине написанной самой природой. Воздух тёплый, но уже чувствуется дыхание поздней осени.

Стёпка постелил на траву подстилку, которую специально взял с собой. Я легла на спину, устремив взгляд к волшебным кронам деревьев, сквозь которые проглядывают рваные кусочки неба. Облака плывут устало, неторопливо. Птицы щебечут, сосны поскрипывают, а где-то дятел стучит длинным клювом по дереву. Звуки эхом разносятся по лесу и снова возвращаются, но уже иного порядка — звучные и отрывистые.

Стёпка сел рядом на подстилку и достал из рюкзака лимонад.

— Хочешь пить? — предложил он.

— Нет, не люблю сладкие газированные напитки, ещё больше пить захочется. А где они живут и с кем? — поинтересовалась я.

— Кто?

Степан не понял, о ком идёт речь или сделал вид, что не понял? Ох, хитрец.

— Ну, Влад и Ольга. Они ещё так молоды.

— А-а-а, «гоблины», — неохотно отозвался Степан. — Ну, не так уж они и молоды.

Владу двадцать семь, а Ольге двадцать восемь.

— Надо же, — удивилась я. — А по ним не скажешь. А живут они с кем и где?

— Не слишком ли много вопросов? — забеспокоился Стёпка и поднялся на ноги. Так я и знала, Стёпка почувствовал опасность соперничества, вот глупый, поэтому на вопросы мои отвечает без особого энтузиазма.

После недолгой паузы он всё-таки ответил.

— У них дом на Новой улице, у самого леса. Там такие хоромы. Обрати пойдём, я тебе покажу их дом. Его издали видно. — Степан глубоко вздохнул. — Непонятно, откуда у них столько денег.

— Сам сказал, что они из Сибири приехали, оттуда, по всему и деньги — не без иронии заметила я. Не люблю, когда люди считают чужие деньги. Нехорошо это, бестактно.

Из Степана приходится вытаскивать «клещами» интересующую меня информацию. Ну, если ему неприятно говорить о «гоблинах», значит, закроем тему.

— Влад живёт с родителями, а Ольга его двоюродная сестра с ними приехала. Ах, их не поймёшь, странные они, — отмахнулся Стёпка. — Лучше с ними не связываться — сектанты они, не иначе.

— Ну и бог с ними, — прекратила я разговор, который не пришёлся по нраву моему другу. — Давай, что ли грибов поищем?

Я поднялась на ноги, а Степан собрал подстилку.

— И то верно, — согласился Степан и стал искать палку, чтобы легче грибы было искать. — А, помнишь, когда-то наши родители дружили семьями? Мы вместе ходили в лес за грибами. Они грибы собирали, а мы кузнечиков ловили в банку.

Я тоже нашла себе толстую веточку, чтобы листья ворошить.

— Помню, конечно, — отозвалась я.

— А ещё, когда наши родители собирались по праздникам, мы закрывались в комнате и строили «халабуду» под столом. В твоей комнате лучше получалось, у тебя стол был большой и тряпья сколько угодно.

— Да, Стёпка, хорошее было время, беззаботное.

— А что теперь мешает быть беззаботными?

— Заботы, Стёпа, — оторвавшись от поиска грибов, сказала я. — Пришло время подумать о будущем. Нужно строить карьеру.

— Карьера, это так важно? — сглотнув, спросил Степан.

— Конечно, — безапелляционно ответила я.

Вот в чём наше различие. Мы стремимся куда-то, торопимся, а здесь тишь, да благодать: куда выведет. Живут, не зная забот, что называется.

— Важнее важного? — не отстаёт Стёпка.

— Стёпа, отстань от меня, давай грибы искать, — отмахнулась я.

Нельзя быть таким назойливым кавалером. Чувствую, назревает серьёзный разговор. Лучше мне «уйти в сторону», иначе потом хлопот не оберёшься. Стёпка увлечён мной и это очевидно, а я ему кроме дружбы ничего не могу предложить.

— Ничего, что я тебя от работы отвлекла? — спросила я.

— Ничего. Вечером отработаю. У нас, можно сказать, ненормированный рабочий день. Иногда приходится задерживаться допоздна, если срочный заказ, а иногда бездельничаем с

утра до вечера.

— Значит, я могу рассчитывать на тебя?

Знаю, что мне будет одиноко здесь, а так хоть на друга смогу положиться.

— В любое время, — улыбнувшись, сказал Степан и высыпал рюкзак горсть польских белых грибов.

— Кстати, спасибо за интернет. Так быстро подключили, — поблагодарила я друга. — Если бы не ты, я бы ещё неделю ждала очереди.

Вчера утром попросила Стёпку провести интернет в дом, и уже через час пришёл рабочий, и подключил мой ноутбук к интернету. Конечно, я весь вечер зависала в сетях, переписывалась с друзьями, написала «отчётное» письмо маме, с интернетом стало жить проще.

— Пользуйся. У меня везде есть друзья. Если что нужно, звони, не стесняйся.

— Значит, со всеми проблемами я, как и моя бабуля, могу обращаться к тебе.

— Я привязался к вашей семье, вы мне, как родные, — смущённо улыбнувшись, сказал парень.

Ну вот, я же говорила, что он мне как брат, так и есть. Стёпка и сам это понимает, поэтому смущается, когда пытается за мной ухаживать. Надеюсь, он поймёт, что кроме дружбы между нами ничего быть не может, и жить станет легче и ему и мне.

Домой вернулись в три часа: привычка с детства, наверное, возвращаться из леса к этому времени. Грибов нашли мало. Мы отдали их моей бабуле, которая несказанно обрадовалась.

— Завтра приглашай Степана на пирог, — сказала она.

О, бабушкин пирог с грибами я помню с детства. Вообще у бабушки очень вкусные пироги получаются, тесто воздушное и ароматное. Мы с мамой пытались заняться выпечкой, но из этой затеи мало что вышло. Но мы обе готовим вкуснейшие шоколадные торты и это лучшее наше достижение в кулинарии.

Я проводила Степана, и мы с бабулей сели обедать. А потом за разговорами не заметили, как день плавно перекатил в вечер. Мы разошлись по своим комнатам, и я села за ноутбук.

Потихоньку я обживаюсь. В моей комнате всё по-своему устроила — кровать передвинула так, чтобы засыпая, я могла видеть небо. Но вчера в окошко заглянула луна, и мне стало особенно тоскливо. В какую глухомань меня занесло, даже подумать страшно. С одной стороны лес, с другой луга и даже не все автобусы заезжают в Борки. Ноутбук — это мой спаситель, он, связующее звено между цивилизованным миром и мной, оказавшейся в ловушке собственного идиотизма.

Десять часов вечера, а мне захотелось перекусить чего-нибудь. Иду на кухню. А в холодильнике полная разруха. Эти бутерброды стоят уже три дня, мы их готовили к ужину, когда папа приходил. Конечно, я отправила их в мусорное ведро, хоть и знаю, что с утра бабушка выскажет мне, что я расточительная и что я не голодала, как они когда-то. Ну, что ж теперь коли мы не голодали, травиться?

Сделала бутерброд с сыром и заварила чай. Ко мне на кухню пришла бабушка. Она стала жаловаться на боли в печени.

— Тяжесть такая и вон, погляди, как её раздуло.

Реально, печень проглядывается.

— Бабушка, я уже говорила, что твои враги — жареное, жирное и желток. С

завтрашнего

дня я ввожу ограничение на некоторые продукты. Отныне растительная клетчатка, растительные жиры, белки будут хозяйничать на нашей кухне. А сейчас съешь две ложки

сахара и боль утихнет.

— Да я уже таблетку приняла, — посетовала бабуля.

— Не помешает, — улыбнувшись, успокоила я бабулю.

Бабушка взяла ложку и зачерпнула сахару из сахарницы, как я велела. Но съела не две, а одну ложку. Ладно, ей достаточно и этого.

— Умненькая ты у меня, — похвалила меня бабушка. — Но расточительная. Опять продукты выбросила. Вчера суп вылила, сегодня бутерброды полетели в мусорное ведро.

Ну, началось. Я предполагала, что мне предстоит воевать с бабулей на счёт просроченных продуктов, вот и результат.

— Бабушка, испорченные продукты подлежат уничтожению.

— Не голодали вы, вот и мечете налево да направо.

Вот она проблема «отцов и детей» — живите так, как жили мы. Только я никогда с этим

не соглашусь. Мои дети не будут знать тех лишений, которые испытывала я. Кстати, моя мама именно так и поступала — всё для дочери, чтобы потом, не было обид и упрёков.

— Бабуль, разве это плохо, что мы не голодали? Я понимаю, что вам трудно жилось, но ведь теперь всё изменилось. Ну, зачем травиться, если можно пойти и купить свежие продукты. И ещё совет: не нужно готовить больше, чем мы можем съесть.

— Никогда не знаешь, кого на порог принесёт, вот я и готовлю с запасом.

А это по её мнению не расточительство. Бесполезный разговор. Бабушку не переубедить, но контроль с холодильника я не сниму.

Ближе к ночи пошёл дождь. Вот так всегда, наметишь, что завтра надеть, а природа диктует свои правила: придётся одеваться по погоде.

Никак не могла уснуть: мешал дождь и шорох ветра. В доме стало холодно и неудобно. Мысли предательски нащёптывали, что я совершила глупость, уехав из дома. Сглотнув образовавшийся комок в горле, я повернулась на бок, натянула одеяло до подбородка и уснула.

глава четвёртая

С утра на улице липкая морось и туман. Дождь в городке без тротуаров — это катастрофа. Хорошо, что бабушкин дом стоит неподалёку от Центральной площади, куда дошли удобства цивилизации, а вот отойди чуть подальше и «хорошая жизнь» заканчивается. По пути к больнице есть участок, который без резиновых сапог не одолеешь. А я привезла с собой гардероб одежды, которую мне не придётся здесь носить и обувь, в которой ходить просто нереально. Ну, с одеждой я, как-нибудь разберусь, но сапоги резиновые надо покупать.

Мой первый рабочий день начался со скверной погоды и горечи разочарований. Не хочу выходить в дождь и не хочу идти на работу. Хочу обратно, в Тамбов. А тут ещё каждую ночь снится мама и я ужасно скучаю без неё. По телефону она говорит, что волнуется, просит подумать, и если только я соглашусь, то она в один день переведёт меня в свою клинику. Очень заманчивое предложение, но что-то останавливает меня, и пока я не могу понять, что именно.

— Завтрак на столе, — предупредила бабушка. — Обязательно поешь, я проверю, когда вернусь.

— И куда это ты собралась с утра пораньше? — поинтересовалась я.

— Я должна накормить завтраком твоего отца и проводить его на работу.

Бабушка приглядывает за моим папой и это так трогательно. Ему под пятьдесят, а для неё он сын, который требует внимания и заботы.

— Бабуль, а почему он до сих пор один? — решила спросить я.

— Потому что от него жена сбежала в город, — ответила бабушка и вышла из дома.

Зачем спросила? Мне не нравится, что папа до сих пор один. Ума не приложу, почему такой интересный мужчина никого не нашёл до сих пор. Это даже странно. Неужели до сих пор хранит верность моей маме.

Завтрак состоял из бутерброда с маслом и сыром и чашки чая. В принципе, это я могу одолеть, чтобы не расстраивать бабулю: вообще-то я не привыкла завтракать так рано, но если учесть, что это, скорей всего вся моя еда на сегодняшний день — я не смогу есть в больничной столовой, — то лучше мне поесть. А ещё, надо купить кофе. Чай по утрам мне не придаст бодрости.

Кое-как «доплыла» до больницы. Ноги насквозь промокли, хоть ботильоны из натуральной кожи. Тут чернозём, а, значит, грязь липкая и чёрная. Пришлось возле крыльца обтирать обувь влажными салфетками — весь пакет извела.

Переоделась в «сестринской» и приступила к работе. Персонал в больнице — все приветливые люди. Приняли меня, как родную, тем более что многие помнят мою маму. Словом, я оказалась под опекой бывших маминых коллег. Особо меня не утруждали, но я сама рвалась в работу. Отделение у нас небольшое — двадцать коек. Работы немного, но я всё равно устала с непривычки: одно дело практика и совсем другое дело, когда ты работаешь в полную силу и ответственность, конечно. К моим обязанностям добавилась работа в процедурном кабинете. Но я не стала возражать, за работой скорее дежурство проходит.

Домой вернулась «выжатая», как лимон. Сразу отправилась под душ, а потом ушла к себе в комнату и растянулась на кровати. Но недолго длилось моё счастье — пришла

бабуля. Она села на краешек постели и стала поглаживать меня шершавой рукой по волосам.

— Умаялась, — ласково сказа она, поглаживая шершавой рукой мои волосы. — Как тебя, хоть, приняли?

Я не стала рассказывать, что в больнице помнят мою маму, поэтому меня приняли, как родную. Не думаю, что упоминание о маме понравятся бабушке.

— Хорошо приняли, — сдержанно ответила я.

— Вот и славно, — довольно улыбаясь, сказала бабушка. — Отца твоего все уважают, вот и к тебе отнеслись по-доброму. — Пусть будет так, я не стану убеждать бабушка, что дело не в папе, а в моей маме. — Отец твой обещал зайти, ты выйдешь?

Если честно, я бы теперь уснула, но и с папой тоже хочется повидаться.

Бабушка накрывает на стол в гостиной, а я думаю, почему не в кухне? Там уютно, а когда мы садимся обедать или ужинать в гостиной, у меня аппетит пропадает: комната кажется пустой и холодной. К тому же гостиная проходная — из неё выход в другие комнаты и в прихожую.

— Твой первый рабочий день отмечать будем, — улыбнувшись, объяснила бабушка. — Ты не беспокойся, я сама управлюсь потом с посудой.

Конечно, я стала помогать ей, а вскоре пришёл отец.

— Мам, зачем так много еды? На ночь, вообще вредно есть, правда, дочка?

Каждый раз папа смущается, когда называет меня дочкой. Наверное, ему странно видеть меня взрослой. После того, как мама увезла меня в Тамбов, мы с отцом виделись очень редко. Мама не позволяла мне гостить ни у отца, ни у бабушки, за исключением одного лета, когда она с моим отчимом уехала в Москву на повышение квалификации. Отец приезжал навестить меня, но в последнее время мы общались только по телефону.

— Садитесь к столу, — не обращая внимания на замечание сына, сказала бабушка.

Мы сели за круглый стол, который я помню ещё с детства. Бабуля и правда постаралась, наготовила, как на «Маланьину свадьбу». Я выбрала вареники с творогом. Взяла два (они у бабушки крупные и пышные) и полила их сметаной.

— Ешь, ешь, дочка, — подбодрил меня отец. — Тебе надо немного мяса нарастить на кости, худенькая ты у нас, словно веточка. Ты мама, уже постарайся, помоги девочке набрать вес. Гляди, она у нас, как берёзка в поле, от ветра, небось, качается.

— Они теперь специально худеют, мода у них такая, — отозвалась бабуля. — А раньше так было, замуж никто не брал худышек. Ну, какая из неё работница? — рассмеялась она.

— Неужели и, правда, невест выбирали, как свинину на рынке, чтобы пожирней была? — удивилась я.

Бабушка насупилась. Кто меня за язык дёрнул? Послушала и забыла, так нет, мне нужно своё слово вставить: бабушка у меня толстушка и в молодости не была худой.

— Красавица ты наша, — расчувствовался отец. — Ты, мать, не говори, коль не знаешь, — одёрнул он бабушку. — Женихи у порога в очередь выстроились, вот какая невеста у нас выросла.

— Стёпка, что ли? — хмыкнула я.

— Зачем нам Стёпка, и другие засматриваются, — подняв указательный палец вверх, сказал папа. — Влад тобой интересовался.

Влад, это тот парень, которого я заприметила в кафе, когда мы со Стёпкой ели мороженое. Серьёзно?

— Но я с ним даже не знакома, — смущённо пробормотала я.

— А вот он тебя знает, — поддразнил меня отец.

— Ну, я видела его в кафе, когда мы со Стёпкой зашли мороженым полакомиться.

— Он интересовался, надолго ли к нам приехала? Почему перебралась в наш городок?

— Паша, не морочь девчонке голову, нам только «гоблинов» не хватало, — возмутилась бабушка.

— А ты я смотрю, Стёпку внучке сватаешь? Так не по Сеньке шапка, — строго произнёс отец. — Нам только волчатников не хватало.

— Зачем обижаешь парнишку? — вступилась за Стёпку бабушка. — Он причём тут? Дети за отцов не отвечают, а уж за дедов, да прадедов тем более.

О, понеслось. Они что, с ума сошли? Я к ним ненадолго приехала, а они мою жизнь устраивают. Дай бог до весны мне продержаться в этих краях, а они меня замуж выдают.

— Дед его волков обдирал. Живодёр, — процедил сквозь зубы отец. — Ладно, если бы на охоте подстрелил, это другое дело, но чтобы вот так...

Ого! Поверить не могу. Отчего же тогда Степан такой скромный уродился, если в семье такая жестокость творилась. Выходит, дед Степана на фабрике волчьей работал. Ну, дела.

— Пусть так, всё лучше, чем с «гоблинами» связываться, — не успокаивается бабушка.

— Бабуль, а ты знаешь, кто такой «гоблин»? — как бы, между прочим, спросила я.

— Нет, не знаю и знать не хочу. Гоблины они и есть гоблины.

— Гоблины живут в пещерах и не переносят солнечный свет, а эти живут в лесу и на солнышке греются, — в шутку сказала я.

— Вот и я говорю, что странные они, — не стала уступать бабушка.

Не понимаю, что сделала семья, если горожане так неприветливы к ним.

— Завидуют они пришлым, вот и глумятся, — вмешался отец. — А по мне, так они хорошие и щедрые люди. И, знаешь мама, они благотворительностью занимаются. Больнице и школам помогают. В садики молоко бесплатно поставляют.

— По-твоему, так они прямо «манна небесная» для нашего городка, — едко заметила бабуля.

Интересно, к чему весь этот разговор?

— А Влад он человек состоятельный, не в пример твоему Степану, — поставил точку отец.

Вот, что волнует папу — моё безбедное будущее. Что ж, я не могу злиться на него, он заботится обо мне, по-своему. Пусть так банально, но ведь я ему не безразлична.

— Так, что ты думаешь, дочка? — не отстаёт он.

— Я ничего не думаю, папа, — ответила я и встала из-за стола. — А вообще-то, думаю. Через год я вернусь домой, в город и устроюсь в клинику Архиепископа Луки. Потом поступлю в институт на заочное отделение и стану специалистом.

— Правильно внученька, — похвалила меня бабуля. — Теперь не модно рано замуж выходить. Тридцать теперь ещё не возраст, а раньше в эти годы мы считали себя зрелыми женщинами и у нас уже «семеро по лавкам» сидели.

— Так, может, хватит обсуждать меня? — в шутку прикрикнула я. — И мне пока только двадцать пять, а к тридцати я определюсь и повзрослею, обещаю.

Папа недолго был у нас. Он куда-то торопился и я смею думать, что он торопился к женщине. Сегодня он выглядел счастливым и ухоженным: чистая рубашка, брюки выглажены, туфли новые. Я бы хотела, чтобы папа нашёл своё счастье. Не так мало их,

одиноких женщин мечтающих найти свою половинку. А тут симпатичный мужчина сорока восьми лет и свободен — это непорядок.

— Как думаешь, отец пошёл на свидание? — подмигнув бабуле, спросила я.

— Ох, как бы так, я бы успокоилась уже. Четырнадцать годков ходит бирюком.

— Я тоже хочу, чтобы папа определился уже. Дом у него хороший. Автомобиль новый.

Да он и сам мужчина в самом расцвете сил.

— Ну, я в постель, а ты тут занимайся, чем хочешь, только сначала убери со стола, -

зевнув, сказала бабуля. Конечно, она устала сегодня с готовкой, возраст берёт своё. —

Только не выбрасывай всё подряд, — жалостливо попросила она. — Оставь хоть что-нибудь.

О, бабушка поняла, что со мной спорить бесполезно. К тому же, ограничение в еде сделали своё дело — печень меньше стала беспокоить бабулю и она теперь прислушивается к моим советам. Но я не буду слишком бесцеремонной, пожалуй, оставлю вареники на завтрак и котлеты тоже уберу в холодильник.

Перед сном я думала о парне с неприметным именем Влад. Наверное, его полное имя

Владимир, или Владислав. Но он интересовался мной и это мне льстит. Я даже посмела предположить, что понравилась ему.

Но все эти мысли ни к чему, я не хочу здесь заводить романы. Мне бы год продержаться, а все остальное ерунда.

С утра за мной зашёл Стёпка. Я только успела привести себя в порядок и выпить чашку кофе, а он тут, как тут. Конечно, бабушка его впустила в дом. Для неё он первый помощник и спаситель, а, значит, перед ним всегда дверь открыта.

Степан приказал мне собираться, потому что решил взять меня с собой на городское мероприятие в луга, где пройдут гонки по бездорожью. Стёпкина бесцеремонность иногда обескураживает. С чего он взял, что может распорядиться моим личным временем? Я собиралась провести день на диване с книгой, укутавшись в плед, а в городке оказывается событие и мой друг никак не может обойтись без меня.

— Гонки, это типа ралли? — поинтересовалась я.

Кажется, Стёпка почувствовал иронию в моих словах и это его зацепило. Он ответил мне с неким вызовом.

— Ну, да. А что, мы, не люди что ли?

— Стёп, о таких вещах нужно предупреждать. Я не готова ехать за город.

— Это не далеко, километров пять от городка.

В самом деле, чего дома сидеть? Надо искать развлечения, заводить знакомства, приспособливаться к ситуации, в которой я оказалась по собственной глупости.

— Ладно, жди меня.

После дождя такая грязь на улице, а за городом могу представить, что творится. Достала из шкафа старые джинсы, свитер тёплый, а вот куртка у меня одна — испачкаю, потом стирать придётся. Благо, это не проблема — отец установил бабуле стиральную машину-автомат. А вот, что на ноги надену, это вопрос.

— Вот тебе внученька, ботиночки резиновые на каблучке. — Посмеиваясь, бабушка вынесла мне «экстремальную» обувь. — Нам, за счастье была такая обувь когда-то, а теперь вот и тебе пригодились мои сапожки.

Миленько. Надо же, резиновые полусапожки на каблуках: чуть велики, но это не беда, главное, что не жмут.

Едем со Стёпкой за город. Погода хорошая, хоть и сыро, шоссе мокрое. Как они

собираются ездить по бездорожью? Грязи там, наверное, по уши. А я терпеть не могу грязь и уже мысленно запикиваю в стиральную машину вещи, которые сниму сразу же, как только вернусь домой.

Смотрю в окошко, люблю пейзажем. Красивые тут места, живописные. Луга широкие и просторные, леса тёмные и дремучие, а небо синее-синее, а сегодня на нём ни облачка. Воздух по-осеннему свежий и насыщенный.

— Красивые места здесь, — озвучила я свои мысли.

— Потому я никуда и не уехал. Здесь спокойно, а мне нравится тихая неприметная жизнь. Суета не для меня.

Я тоже не люблю суету, но вялотекущее существование меня не привлекает. Я вглядываюсь в «сумеречные дали» и пытаюсь разглядеть знаки судьбы. Почему сумеречные? — в сумерках ничего не видно, разве только очертания предметов. Не хочу знать, что будет завтра и каждый день, как в омут с головой.

— Я привык к однообразию, — продолжил рассуждать Степан. — Важно знать, что всё тихо, спокойно и стабильно.

— А мне не нравится «трясина», — щурясь от солнца, которое светит в ветровое стекло, сказала я.

Хорошо, что солнышко выглянуло, может, подсушит немного землю. Хотя вряд ли, по осени солнце уже не такое жаркое, остывает, отдаляясь от земли.

— Ты называешь спокойную жизнь трясиной? — удивился Стёпка.

Я не стала отвечать Стёпке — каждому своё. Стёпка родился для того, чтобы просто жить,

а мне этого мало, мне нужен простор, воздух, движение. Вот потому у нас со Стёпкой ничего не получится, мы слишком разные, как небо и земля, как чёрное и белое.

Вот если бы Влад обратил на меня внимание. Он не из «серой» массы и это очевидно. Я чувствую, что он другой — он особенный. Ещё тогда, когда он помог мне, не позволив свалиться в лужу, я почувствовала, что он особенный.

Пока я мечтала, закрыв глаза, Стёпка съехал с трассы и наш автомобиль «поскакал» по бездорожью. И не просто «поскакал» — из-под колёс летели комки грязи, а машину кидало из стороны в сторону, как на аттракционе «Весёлые горки». Так и будет трясти, или мы когда-нибудь выедем на грейдер. Но вот, Степан въехал на пригорок и это правильно — мы прямо из автомобиля сможем наблюдать за гонками. Странно, что Степан не участвует в гонках, он сильный и смелый, и городок свой любит, а вот в мероприятии не захотел принять участие.

— А ты почему не участвуешь? — удивилась я.

— Раньше на семёрке гонял, а когда купил этого красавца, отошёл от дел. Жалко такой автомобиль в грязь гонять.

— Ладно, будем зрителями. А за кого болеть будем? — поинтересовалась я.

— Я за Игорька, а ты сама выбирай из числа участников, или ко мне присоединяйся.

Я стала вглядываться в автомобили, которые выстроились цепочкой перед стартом. Неужели они добровольно «нырнут» в лужу, которая поблёскивает в месте, огороженном флажками? По всей видимости, это не единственная лужа на трассе. Машины на старте не первой свежести — такие не жалко гонять по бездорожью.

— Я буду болеть вон за вон тот автомобиль, под номером восемь.

Эта машина самая приличная из всех других. И выглядит круто, не так, как другие.

— Вот это поворот, — присвистнув, сказал Стёпка. — В самую точку попала! Под номером восемь зарегистрирован «гоблин».

— Я ведь не знала, и мой выбор случайный.

Почему бытует мнение, что случайностей не бывает — вот вам пример. Чувствую, все эти совпадения неспроста происходят. Только этого не хватало. Я, конечно, мечтаю о любовных приключениях, но тут не хотела бы ввязываться в интригу. Привязанности тянут нас ко дну, а я мечтаю выплыть и, как можно дольше оставаться на поверхности.

— Посиди пока в машине, — попросил Стёпка. — Пойду что-нибудь попить куплю.

— Иди, Стёпа, я подожду, — не выходя из мыслей, ответила я вскользь.

Стёпка глубоко вздохнул, возвёл глаза к небесам и ушёл к палаткам, где полным ходом шла торговля напитками и всевозможной выпечкой.

А тут весело. Музыка играет, народ шумит, волнуется. Автобусы выстроились в ряд, ждут болельщиков, чтобы увезти их после в городок. А вон и наши дежурят, и пожарники, и полицейские на каждом шагу. Хорошо, что я согласилась поехать со Стёпкой. Мне не стоит засиживаться дома, если хочешь выдержать здесь хотя бы год.

В ожидании Стёпки я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Подумать только, Влад участвует в гонках. Его автомобиль самый броский из всех других. И не жалко ему такую тачку по ухабинам гонять. Почему же говорят, что «гоблины» сторонятся людей и ни с кем знаться не хотят? Вот пример — Влад тянется к местным, участвует в городских мероприятиях. Как всегда, людям нужно кого-то ненавидеть. Причём их ненависть не знает границ, они готовы сжечь на костре неудобных, как в Средние века. Иногда мне кажется, дай толпе волю, они так и сделают.

— Не спи, скоро стартуют.

Вернулся Стёпка. Он купил квас, лимонад и целый пакет булочек. Зачем так много? Я, к примеру, не голодна.

Хорошо, что Степан заехал на пригорок, отсюда видно всё, как на ладони. А я даже ног не испачкала — сижу в автомобиле и наблюдаю за происходящим со стороны.

— А приз какой? — поинтересовалась я.

— Призовой фонд — двадцать пять тысяч рублей.

— Немало. Почему ты не участвуешь? Тебе не нужны деньги?

— Мне зарплаты хватает, — сказал Стёпка и открыл бутылку с квасом. — Ты будешь пить квас или лимонад?

— Лучше лимонад.

— Булочки вкусные, попробуй, — предложил Стёпка.

— Ммм, сдобные, мои любимые, — обрадовалась я. Я не ела их целую вечность. В Тамбове такой выпечки не найти, а в Борках выпечка всегда была вкусная, а уж эти булочки просто чудо.

— Я это помню, — буркнул Стёпка. — На большой перемене я бежал в буфет, чтобы занять очередь и для тебя.

— Ты всегда был для меня, как брат. Заботился обо мне даже в детстве.

— Так и есть, — неохотно согласился с моими словами Стёпка. — Ладно, болей за своего Влада, а я буду болеть за Игорька.

— А кто такой, Игорёк?

— Просто отличный парень. Ты его не знаешь, он с семьёй приехал в тот год, когда вы с матерью в Тамбов перебрались.

После взмаха флажком, автомобили один за другим ринулись по бездорожью, выбрасывая из-под колёс комки грязи — увлекательное зрелище. Машины мчатся, подпрыгивая на кочках, их заносит в стороны, грязь летит во все стороны. Я уже не понимаю, кто, где — потеряла из виду серый автомобиль, потому что все машины теперь испачканы грязью.

— Давай, Игорёк, давай, — кричит Стёпка. Как он понимает кто, где? Это увлекательно, но я понятия не имею, куда смотреть.

— Вылезай, — приказал Стёпка.

Я повиновалась, хоть и испачкала сапоги. Стёпка помог мне взобраться на капот, а потом я села на крышу с позволения хозяина автомобиля. Ради меня Степан на всё готов, даже машину испачкать грязью. И, что мне с ним делать?

А на крыше очень даже удобно, не только видно, но и слышно. Рёв стоит жуткий.

— Теперь тебе видно? — спросил Стёпка.

— Класс, — в полном восторге крикнула я. — Я всё вижу и слышу.

— Игорёк идёт вторым, — сказал Стёпка.

Вот теперь я разглядела автомобиль Влада.

— Эй, давай, давай, — завизжала я, потому что номер «восемь» лидирует в заезде. — Как долго они будут ездить? — спросила я.

— Восемь кругов, — крикнул Стёпка.

Знать бы ещё, каким образом вести счёт. Но всё равно я кричу и визжу, размахиваю руками, болею за Влада. Жаль, что он этого не знает: и не узнает, к сожалению.

Восемь кругов это, как оказалось, очень долго. Я уже устала кричать и визжать: просто сидела и наблюдала за происходящим вокруг. Столько народа собралось и в основном молодёжь. В руках болельщиков флажки, шарики, плакаты типа «Вперёд, Славик!», «Вовчик — мы с тобой!» и ни одного плаката в поддержку Влада. Если бы я знала, что он участвует в соревнованиях, я бы подготовилась, как следует.

— Погода сегодня удалась, — заметила я. — Небо чистое, тепло, солнышко светит.

— Всё, последний круг, — заорал Стёпка.

Влад снова вырвался вперёд. Его основной соперник Игорёк. Они оба ведут заезд и можно сказать соревнуются между собой, потому что другие машина отстали от них на половину круга.

— Всё! — завизжала я, когда автомобиль под номером восемь первым пришёл к финишу.

— Вот, чёрт! — во всё горло заорал разочарованный Стёпка.

— Он не чёрт — он «гоблин», — хлопая в ладоши, радостно заметила я.

— Да, чёрт с ним с «гоблином», я вчера весь день потратил, с машиной возился, а он не смог обойти не первой свежести ауди.

Ну, я со Стёпкой не соглашусь, автомобиль у Влада очень даже ничего.

— Перестань, — бросилась я успокаивать Стёпку. — Это так весело. Неважно кто проиграл, а кто выиграл — это классно!

— Тебе понравилось? — отвлекся от переживаний Стёпка.

Вот так уже лучше — мне нравится весёлый Стёпка.

— Не то слово, — слезая с крыши, крикнула я. — Спасибо тебе, Стёпка. Ты делаешь мою жизнь насыщенной. Если бы не ты, я, наверное, уже давно сбежала бы домой.

— Рад стараться, — отшутился Стёпка. — Награждение будем смотреть? — спросил он.

— Мне сегодня в ночь, на дежурство.

Да, я бы хотела остаться, но времени уже много, а мне ещё отдохнуть надо.

— Тогда едем домой, — согласился Стёпка. Он расстроен и не желает смотреть, как будут награждать победителя заезда.

Проезжая мимо участников соревнования, я увидела Влада. Он стоял у своего автомобиля, а рядом с ним Ольга, его кузина. Я позавидовала девушке, потому что хотела бы теперь быть на её месте.

Стёпка, единственное развлечение, он помогает мне коротать непростые дни в Борках. Сегодня предложил встретиться в кафе «Сказка», а потом мы вместе пойдём в кино.

В кафе я пришла слишком рано, и мне пришлось сидеть в одиночестве в ожидании друга. Кстати, Стёпка реально задерживается, и я подумала, что это неприлично. Если передумал встретиться со мной, значит, должен был позвонить и предупредить меня об отмене свидания. О, боже, я подумала о свидании? Нет, конечно, это просто встреча двух друзей, которым хорошо вдвоём.

Я уже съела две порции мороженого и выпила два апельсиновых сока. Если мой друг не придёт через десять минут, уйду домой.

— Гоблины, — услышала я напряжённый шёпот за соседним столиком.

— Говорят, что у них в заповеднике оборотни живут.

— А ты не знала? Гоблины их подкармливают, а они за это их охраняют.

— Помните, в прошлом году двое охотников не вернулись из леса? Так вот, говорят, что их те самые оборотни загрызли.

— Не загрызли, а в оборотней превратили и не «гоблинские», а те, что в дальнем лесу обосновались.

Серьёзно? Какой ужас. Неужели, люди верят в существование оборотней? Могу сказать, как медицинский работник, что обращение организма, во что бы то ни было — невозможно. Местные готовы в чём угодно обвинить чужаков, совсем стыд потеряли. Вот и бабуля моя их терпеть не может, а за что и сама не знает. Хорошо жить в большом городе, где никто не знает, кто ты, откуда и зачем поселился рядом с ними.

— Привет.

Низкий грудной голос заставил меня вздрогнуть. Чёрт, неужели Влад? Я не вижу его лица, но каждой мышцей своего тела понимаю, что это он. Не в силах поверить в чудо я подняла голову.

Сердце оборвалось и помчалось, как автомобиль по бездорожью. Неужели аритмия началась, да ещё и тахикардия в придачу. Голова идёт кругом, а в горле пересохло так, что гортанным мышцам больно стало. Это стресс.

Ничего себе реакция!

— Меня зовут Влад, — представился молодой человек. — А ты, Виктория?

«Ты»? Это даже странно. Он выразил неуважение мне, или в этом городке так принято запросто переходить на «ты»? А, может, есть третий вариант — я понравилась ему, и он сразу перешёл к делу. Стыдно подумать, но я готова принять любое предложение теперь, когда Влад так близко. В мыслях, я как в американском кино уже стянула резинку с волос и разметала по плечам волосы, напустила томный вид на лицо и иду, виляя бёдрами к объекту желания, прикусила нижнюю губу, ну и дальше, всё, что положено делать в таких случаях.

— Да... Я Виктория.

Хотела сказать строго, а вышло скомкано и хрипло. Я так растерялась и теперь чувствую себя полной идиоткой, потому что не могу скрыть волнение. Он не помнит, что помог мне в Тамбове и это очевидно, а я не стала напоминать — зачем, если он и так подошёл ко мне. Выходит, в Тамбове, я ничего не стою, а тут вроде как выделяюсь из толпы.

Обидно. Надеюсь, он не думает, что я из местных. Хотя, я ведь, по сути, местная — родилась тут и вернулась сюда, не найдя себя в большом городе. Вот, значит, как выглядит моё бегство из Тамбова. А я под таким углом не смотрела на эту ситуацию. Зачем только начала рассуждать, вот куда привели меня мои мысли. Я думала, что геройствую, а на деле всё выглядит банально и примитивно.

Молодой человек бесцеремонно сел за мой столик и устремил на меня заинтересованный взгляд. Разве он не должен был спросить у меня разрешения? Или благовоспитанность теперь не в моде?

О боже, о чём это я, разве не испытываю полный восторг от его близости и бесцеремонности.

— Степан, он твой бойфренд?

Ого! Вот так сразу решил всё выяснить?

— Он мой друг, мы дружили в детстве. И теперь дружим, — неспешно ответила я, чтобы он не догадался, как сильно он мне нравится. Моя спешность выдала бы меня, поэтому я изо всех сил, стараюсь сохранять спокойствие.

Влад одобрительно кивнул и даже этот простой кивок головы показался мне сексуальным. Как же он мне нравится! Чёрт, он здесь, со мной и он интересуется мной.

— Ждал, что подойдёшь и поздравíš с победой. Ты ведь болела за меня? — Я кивнула. — Ольга мне сказала. — Я удивлённо вскинула бровь. — Моя сестра слышала, как ты громко «болела» за меня.

Я покосилась на его сестру, которая сидит у окна и пьёт молочный коктейль. Она нисколько не смутилась, что брат оставил её одну и пересел за другой столик.

— Автомобиль, который я выбрала, случайное совпадение, — смущённо пробормотала я.

— Случайностей не бывает, — улыбнувшись, заметил он.

— Нравится побеждать? — спросила я и посмотрела на входную дверь. Стёпка, как всегда меня подводит. Теперь бы он мне очень помог, если бы увёл их кафе. Мне нравится Влад, но я не готова вот так говорить с ним, тем более что он ведёт себя слишком бесцеремонно. И оделась я неброско и макияж не тот на лице, короче, я не готова к общению с Владом.

— Нравится? Ты шутишь? — удивлённо вскинув брови, спросил он. — Победа приводит меня в дикий восторг.

— Хорошо, — кивнула я. — Я тебя поздравляю. Хотя, думаю, что местные не в восторге от твоей победы.

— Местные вообще не в восторге, что мы поселились в их городке, — признался Влад. — Но кого это волнует. Вот, тебя волнует, что думают о тебе горожане? Ты ведь тоже, по их меркам, чужая.

— По сути, я местная, только жила здесь недолго, — предупредила я, если он не знает.

— Это мне известно, но ведь прошло много лет, и ты изменилась, повзрослела и жила в большом городе, а, значит, для них ты чужая.

— Тут помнят мою маму, а папа всегда жил в Борках.

— Нет, по тебе не скажешь, что ты местная.

Он замолчал и стал бесцеремонно пялиться на меня. Не знаю, выдержу ли этот взгляд или убегу куда подальше. Что-то в этих глазах есть колдовское. Может, местные не зря говорят, что у «гоблинов» в заповеднике оборотни водятся. Нет, так нельзя смущать

человека. Если этот молодой человек решил, что одержал победу надо мной так же просто, как в гонках по бездорожью, то должна заметить, он ошибается — я так просто не сдамся. Эти штучки пусть прибережёт для местных красавиц, а я не приму его ухаживаний без раздумий, хоть он мне и нравится.

— Ты оставил свою сестру одну. Разве это прилично?

Я чувствую себя не комфортно рядом с ним. Он одет с иголочки, раскован, свободен, чего не скажешь про меня — собранные плечи выдают мою неуверенность в себе и неопределённость в жизни.

— Ольга? Переживёт. Она увязалась с нами, когда мы из Сибири уезжали, а теперь таскается за мной следом. Надоела.

— А её родители?

На кой мне знать, что думают родители Ольги? Я их знать не знаю и не узнаю никогда. Лучше было бы просто уйти.

— Они не стали останавливать дочь. Каждый волен выбирать свой путь.

Влад поморщился. По всему видно, что ему не нравится, что двоюродная сестра живёт с ними. А вот я всегда мечтала, чтобы у меня был старший брат. Или младший. Одной быть в семье скучно.

— Почему вы уехали из Сибири?

— Моя мама родом из этих мест.

— Твоя мама родилась в Борках? — удивилась я. Если так, почему их не признают местные?

— Нет, она из Тамбовской губернии, точно не могу сказать, откуда она.

— Понятно. А я родилась в Борках. Мама увезла меня в Тамбов, когда мне исполнилось десять лет.

— Почему твои родители решили расстаться? — спросил он.

— Потому что мама разлюбила папу, — выдвинула я свою версию.

— А ты зачем здесь? Бежишь от опеки, или себя ищешь?

— И то, и другое, — сдержанно ответила я.

— Хорошо, что мы встретились, правда?

Поверить, что я понравилась ему очень затруднительно. Вон сколько девчонок вокруг, блондинки, брюнетки, длинноногие, пышногрудые — выбирай любую. И я уверена, что с Владом пойдёт любая из них, хоть они и шепчутся между собой об опасности, которая исходит от новоявленной семейки. Теперь модно сочинять сказки про «оборотней», «демонов», вот они и стараются, чтобы поднять планку, дескать, и у них тут жизнь кипит.

— Ты весьма не дурно осведомлён обо мне, — заметила я.

— Впрочем, как и ты, — отпарировал мне Влад. — Городок маленький, ничего не утаишь. Здесь все здороваются друг с другом и делятся последними новостями. Кто приехал, кто уехал и прочей ерундой. Обживаемся потихоньку, — грустно улыбнувшись, заметил он.

И Влад прав — здороваются и ждут, когда ты ответишь им. Мало того, пару дней назад, незнакомая старушка не только поздоровалась со мной, но и стала расспрашивать, как поживает бабушка Анфиса, здоров ли отец мой и «когда же мы увидим Аннушку (это моя мама), что это она глаз не кажет к нам». Вот такие чудеса здесь творятся. Откуда им всем известно, какого я рода-племени, не понятно.

— Так и есть, — согласилась я. — Ваш переезд вызвал всенародную панику, — осмелев, призналась я. — Говорят, что вы не только дом купили, но и часть леса. Устроили там

заповедник и теперь у вас там даже оборотни водятся.

— Заповедник прилагался к дому, — объяснил Влад. — Дом обошёлся нам в целое состояние, вот чем мы и разозлили горожан. Прежний хозяин озвучил стоимость своих владений.

— Зависть не лучшее качество, — отметила я.

Понятно, почему местные не приняли семью — они для них «кулаки» и «богатеи». А мне неважно, что у человека «за душой», куда важнее, что у человека в душе.

Хотя... я всегда с уважением относилась к мужчинам, которые могут обеспечить себя и свою семью. Вот и Владимир Иванович, мой отчим такой же, целеустремлённый. Он помог нам и обеспечил безбедную жизнь. Мужчины, достигшие такого уровня, словно герои, которые одержали победу над судьбой.

— Всем хочется жить хорошо, — сказала я. — Но не у всех, получается.

— Может и так, — нервно постукивая пальцами по пластиковой столешнице, растерянно произнёс парень.

— А чем ты занимаешься? — спросила я.

Раз уж удача повернулась ко мне лицом и я, наконец, успокоилась, воспользуюсь моментом и узнаю, как можно больше об этом красавце.

— Бездельничаю. Я окончил два института и никак не могу определиться, какая профессия меня привлекает больше.

— Два института? Сколько тебе лет?

— Двадцать восемь.

— На вид, не больше двадцати пяти. В чём секрет?

— Когда ты ни в чём не нуждаешься, нет надобности, переживать, расстраиваться по пустякам. Я самодостаточный и уверенный — в этом и кроется секрет молодости. Ты ещё моих родителей не видела, им за пятьдесят, но все думают, что не больше сорока.

— Хотела бы я на них взглянуть, — осмелев, сказала я.

— Легко, — резко произнёс он, как будто ждал повода пригласить меня в гости. — Я познакомлю тебя с моими родителями.

Он шутит? Что, значит, познакомлю? Не слишком ли он торопится?

Я опустила взгляд и покачала головой. Этот парень умеет преподносить сюрпризы. И голову заморочить девушке ему тоже даётся легко. Но я не позволю ему так быстро уговорить меня, пусть не надеется.

Где же Стёпа? Мне нужна пауза, чтобы разобраться, что к чему. Почему-то мне тревожно рядом с этим парнем. Не верю я, что нравлюсь ему. Что-то тут не чисто. Если люди говорят, что семья эта странная, значит, так оно и есть. Конечно, я противница общественного мнения, но в конкретном случае, лучше прислушаться к горожанам. Вдруг они сектанты и если я пойду к ним, они постараются обратить меня в их веру? Пока нет повода знакомиться с родителями, мы с Владом едва знакомы.

Нет, не стану я больше ждать Стёпку, уйду прямо сейчас.

— Мне пора. Бабушка будет волноваться, — решительно заявила я.

— Друг не пришёл? — поинтересовался Влад.

— Наверное, у него появились неотложные дела, — посетовала я.

— Я отвезу тебя домой, — предложил он. Нет, он не предложил, он как будто не оставил мне выбора: это нормально? А, может, я боюсь садиться в машину к незнакомцу? Какая бесцеремонность.

— Мой дом в двух шагах, — неловко выбираясь из-за стола, попыталась я остановить парня.

— Там дождь. Ты промокнешь и озябнешь, а после заболеешь.

Заботится, или притворяется? Как трудно разобраться, когда тебе нравится человек.

Ладно, пусть отвезёт меня — мокнуть под дождём не хочется. Все видят, что я уйду с этим парнем, а значит, в случае чего, ему не уйти от ответа.

— А твоя сестра? — вспомнила я о девушке, которая пришла в кафе с братом. — Она не обидится?

Я взглянула на кузину Влада, к которой подсел молодой человек: нет, эта девица не будет скучать.

— Это её парень? — поинтересовалась я.

— О, нет, моя сестрёнка в активном поиске. Это Игорёк, наш сосед. У них общие увлечения — они скупают ретро автомобили, вместе ремонтируют их, а потом продают втридорога.

Ольга механик? Чудно. Хотя, она может и это очевидно.

Дождь морозящий, липкий и холодный. Моё тело содрогнулось от холода, когда мы вышли на улицу. Осень вступила в законные права и пора одеваться теплее, так и заболеть можно.

Темень жуткая. Где уличные фонари? Городские власти экономят на безопасности граждан? Разве это нормально? На дворе двадцать первый век, а глубинка «утопает» во мраке.

— Садись скорей в машину, — прикрикнул на меня Влад. — У тебя есть другая одежда?

— Я весь гардероб привезла с собой, — ответила я чуть грубее, чем можно было, потому что посчитала вопрос бесцеремонным. Мы знакомы всего час, а он уже командует.

— Так одевайся. Перед кем тут выпендриваться? — помогая мне забраться в автомобиль, пожурил меня Влад.

— Перед тобой, — неожиданно даже для себя ответила я.

— Ты мне и валенках будешь нравиться. Местные любят их носить зимой.

Неожиданное и приятное признание. Но всё так быстро случилось и это настораживает. Что ему нужно от меня?

— К зиме обязательно куплю валенки, — пообещала я, когда Влад сел в машину.

Он улыбнулся и покачал головой. Завёл двигатель, и автомобиль выехал с парковки.

Уличные фонари всё же есть, но только на Центральной улице. Что ж, хоть так, тем более что бабушкин дом попадает в освещаемую зону.

За стеклом мелькают знакомые с детства пейзажи: детский сад, в который меня водили, школа, в которой я училась три года, памятник Советским солдатам. На душе стало тепло. Впервые я почувствовала уверенность, что не зря приехала в городок. Может, всё дело в этом парне? Он такой заботливый и такой милый.

— Я приехала, вон бабушкин дом. — Влад съехал с дороги и припарковал автомобиль напротив калитки. — Спасибо, что выручил меня, иначе я бы вся промокла.

— Я получил удовольствие, спасая тебя от холодного дождя. Надеюсь, я тебя не слишком напугал сегодня? — Я покачала головой, что нет. — Значит, ещё увидимся.

О боже, конечно. Об этом и мечтаю.

— Скажем, в выходные, — предложил Влад. — Я покажу тебе своё «тайное местечко», тебе понравится, вот увидишь.

Помню в детстве, мы с ребятами собирались у старого моста, и это было наше «тайное место». В Тамбове с друзьями ходили на Набережную в кафе «Дебют» и это тоже считалось нашим «тайным местом». У Влада в лесу, наверное? То есть в их заповеднике.

— В субботу, — уточнила я. В воскресенье у меня дежурство с утра.

— Понятно. Значит, время у нас будет ограничено. Хорошо, тогда в субботу в два?

Я пожалала плечами и открыла дверцу автомобиля. Влад вышел под дождь, и помог мне выбраться.

— Пусть так, — согласилась я. — В два, так в два.

Свидание днём? Неожиданно, но если он сам так решил, пусть будет так.

— Просто я люблю поспать подольше, — объяснил Влад. — Если встаю рано, делаюсь невыносимым на весь день.

Он мог пригласить меня утром? Это, вообще не в какие рамки не лезет. Значит, я интересую его, только, как друг? Или подруга, в моём случае.

— А я ранняя пташка, — почему-то задиристо сказала я. Дневное свидание не польстило моему эго.

— Значит, ложишься рано?

— Да. В одиннадцать я уже вижу десятый сон.

— В скором времени, тебе придётся изменить режим. И, кстати, десятый сон человек видит перед пробуждением.

— Полезная информация, — в шутку заметила я. — Значит, в воскресенье, в два.

Влад кивнул. Он проводил меня до самой калитки, прикрывая своей курткой от дождя. Я взглянула на него и вдруг почувствовала непреодолимое желание прикоснуться к его губам. Прямо наваждение какое-то, разве это нормально? Едва знаю парня, а уже такие мысли.

— Всё нормально, — сказал Влад и поцеловал меня в щёчку. Я вскинула на него удивлённый взгляд, а он хитро улыбнулся. — Либо ты чувствуешь это с первой минуты, либо не почувствуешь никогда.

Я повернулась и зашагала к дому. Значит, он тоже почувствовал? Иду и улыбаюсь, как дурочка. Мне он очень нравится: какая досада, что это случилось здесь, в забытом богом городке.

Бабушка ждала меня.

— Ушла к одному, а вернулась с другим. — Ей не нравится Влад и это очевидно. — Этот

парень, конечно, видный и родители у него состоятельные, но мне он не нравится, — сказала бабуля и ушла в свою комнату.

Ну и ладно. Бабуля переживёт, а мне Влад понравился. Умный, благородный парень с очаровательной улыбкой. Разве пройду мимо счастья, если оно само нашло меня.

Ближе к ночи позвонил Стёпка. Конечно, первым делом я выказала ему свою обиду — пригласил и сам же проигнорировал нашу встречу.

— Я приходил, — обиженно буркнул в трубку Степан. — Ты была не одна, — добавил он.

Понятно. Значит, он видел нас с Владом. Нехорошо получилось.

— Чем я могу искупить свою вину? — в шутку взмолилась я.

— Ладно, проехали, — пробурчал Степан. — Хотя, в субботу у моего друга день рождения, ты могла бы пойти со мной.

— О, нет, только не в субботу, — попросила я. — Давай в любой другой день.

— Хорошо, — буквально прошипел Степан и отключился.

Обиделся. Понял, почему я могу в субботу. Нехорошо получилось.

Глава шестая

Лес в этих местах самый настоящий, дремучий с дикими зверями. Помню, как две женщины ушли за грибами, а через сутки их обнаружили со вспоротыми животами — зверь их порвал. Это как раз в этих местах случилось. Охотники ринулись в лес и кабана того всё же нашли. В нём оказалось весу полтонны. Есть его не стали, сбросили в могильник. Но, что толку, женщин-то уже не вернёшь.

Мы идём в окружении гордых сосен. Под ногами прошлогодняя хвоя и мшистая пожелтевшая трава. Хорошо здесь, тихо и спокойно. Лёгкий запах прели лишь подчёркивает всю прелесть «золотой поры». Воздух прозрачный и липкий. Аффективная память услужливо возвращает меня в детство. Все тропы нами исхожены. Не было в те далёкие времена улицы Новой с чудесными домами, а был лес. Если пройти вглубь по этой тропинке, то выйдешь как раз к Волчьему оврагу, а за оврагом орешник. А ещё здесь должен стоять дуб. Не помню только, как к нему пройти.

— А где же волки? — спросила я.

— Мы на своей территории. Волки, возможно, наблюдают за нами, но они не сунутся сюда.

Ого! Зачем сказал, что волки могут наблюдать за нами? Что-то мне, как-то не по себе сделалось, а тут ещё Влад остановился и выпустил мою руку из своей ладони.

— Дрожишь? — улыбнувшись, спросил Влад.

— Давай уже, показывай своё «чудо», — попросила я, поглядывая в соседние кусты.

Никогда не боялась в лесу, а тут со мной прямо приступ паники случился.

— Смотри, — указал Влад рукой на полянку.

Я проследила за его рукой, и мой взгляд наткнулся на вековой дуб. Ничего себе, это ведь тот самый, под которым мы укрывались от дождя, а ещё укрывались в тени его ветвей от палящих лучей солнца в летний зной, а теперь в его кроне приютился небольшой домик. От крохотной террасы спускается винтовая лестница, обвитая вокруг двухметрового в обхвате ствола. Массивные столбы удерживают домик на полутораметровой высоте, а несколько крупных веток проходят сквозь дом, как будто дуб пронзил своими ветками дом, который имел наглость «поселиться» рядом с достопочтенным деревом.

— Домик на дереве? — воскликнула я. Я согласна забраться и туда, только бы не стоять на земле, где за тобой наблюдают волки, и ты являешься для них лёгкой добычей.

— Ты тут от волков прячешься? — в шутку предположила я, полная восторга. Разве мы не мечтали в детстве о таком чуде? Строили халабуду или прятались под ветвями плакучей ивы, а тут целый дом. Это ли не чудо!

— Скорей, волки прячутся от меня, — самоуверенно заявил Влад. — Пойдём.

Влад взял меня за руку и повёл к дубу. По винтовой лесенке мы поднялись в дом. Небольшая терраска и дверь, как на иллюстрациях к сказкам с кованым кольцом вместо ручки. Окна-иллюминаторы немножко не вписываются в общую картину, но всё равно домик сказочный.

Хозяин пригласил меня войти, и я увидела настоящее чудо. Снаружи домик кажется крохотным, чего не скажешь, когда попадаешь внутрь. Здесь даже кровать есть. А ещё столик деревянный и два небольших кресла обтянутых тёмной кожей.

— Невероятно, что здесь так много места, — удивилась я. — Зачем тебе дом на дереве?

Прячешься от родителей и куришь травку? — в шутку предположила я.

— Нет, я не курю.

— Никак с детством проститься не можешь? — не отстаю я.

— Этот дуб натолкнул меня на мысль, построить на нём дом. Я одиночка, а тут легко забиться и чувствовать при этом себя защищённым.

— Может быть, — ответила я задумчиво. Если честно, я бы хотела иметь своё «тайное местечко», где могла бы отдохнуть от суеты. — Волки свободолюбивые животные, как вам удаётся удерживать их в заповеднике?

— Наши волки не живут в неволе. Они уходят, а потом снова возвращаются. Бывает, они исчезают на несколько недель.

— Почему? — удивилась я.

— Определив зону контроля, вожак не нарушит границы владений, но и не пустит никого

на свою территорию. Возможно, граница влияния находится за пределами заповедника, — объяснил Влад.

— Так кто владеет заповедником, вы или волки? — в шутку поинтересовалась я.

— Думаю, что волки, но мы их контролируем, — хитро прищурившись, объяснил Влад.

— Ваша семья удивительная. Не понимаю, почему горожане к вам относятся недружелюбно.

— Нам всё равно, что думают о нашей семье местные. Но мы уважаем горожан и помогаем им, как можем.

Наверное, так и нужно жить, прощая. Какая разница, что говорят или думают другие, главное, что ты чувствуешь.

— Ух ты, — вскрикнула я и отскочила от окна-иллюминатора. — Это белка? Смотри, она настоящая.

Она сидит на ветке у самого окошка и смотрит прямо на меня. Я и раньше видела белок так близко, но эта... глаза такие умные. Очаровательная зверушка.

— Не спугни её, я с ней дружу, — предупредил Влад.

— Ты дружишь с белкой?

Он шутит?

— Думаешь, я идиот? — хмыкнув, спросил он.

— Вовсе нет. Я тоже хочу дружить с белкой.

— Сейчас. — Он открыл окошко и дал мне пакет с орешками, который взял на полке у окна. — Можешь покормить её.

— Можно?

— Конечно, можно. Я не одиноличник, пользуйся.

Я взяла несколько орешков и, положив их на ладошку, высунула руку в окно. Белка насторожилась. Она не торопится, изучает мою руку. Наконец, мелкими перебежками зверушка спустилась ниже и спрыгнула на подоконник. Схватила орешек и снова шмыгнула на ветку.

— Щекотно, — рассмеялась я. — Она такая милая. Как часто ты приходишь сюда?

— Ольга здесь бывает чаще.

— Одна? — удивилась я, что девушка может проводить время в лесу на дереве.

— Конечно, нет.

— Понятно, — смущённо улыбнулась я и бросила взгляд на кровать. — Тут есть всё и

даже больше.

— Почти всё. Хочешь выпить вина? — предложил Влад.

— Нет, спасибо, — улыбнувшись, отказалась я.

— Вино хорошее, французское.

Ах, была, не была. Что страшного может случиться? Я опьянею, и Влад склонит меня к сексу? Так я только «за».

— Если только чуть-чуть, — согласилась я.

— Я и не предполагал «уговорить» бутылку на двоих, — посмеиваясь, заметил Влад.

Чёрт, как неловко. Что он подумает обо мне? Понятное дело, что такое вино пьют ради удовольствия, а я всполошилась.

Влад достал из бара вино и бокалы, наполнил их наполовину, один бокал подал мне. Я попробовала немножко и отметила, что вино реально вкусное.

— Французы пьют вино каждый день за обедом и за ужином. Можно сказать, что мы пьем вино, а французы едят с вином, — восхитительно улыбнувшись, заметил Влад.

— А как же работа? — удивилась я.

— У них это в порядке вещей — дело не в количестве, а в регулярности.

С точки зрения медицины, вино не может быть полезным. Да, после принятия малого количества вина на некоторое время наступает эйфория — появляются жизненные силы, поднимается давления, но, в конечном счёте, мнимое «счастье» оборачивается головной болью и плохим настроением.

Ну, мы не французы и не нам судить про их жизнь.

— Ты часто тут бываешь? — спросила я, чтобы не молчать. Терпеть не могу неловкие паузы, чувствуешь себя идиотом, у которого в голове неожиданно закончились все мысли.

— Всеуе нам часто приходится притворяться. А тут, в лесу я могу оставаться собой. Всё просто.

— Ты бунтарь?

— Нет, я не бунтарь. Предпочитаю отсидеться в сторонке.

Он шутит и это очевидно. Он сильный и думаю, невероятно смелый. И красивый. И теперь, вместо пустых разговоров, я бы занялась с ним любовью.

Чёрт возьми, что за мысли! Он реально, сводит меня с ума.

— В некоторой степени я понимаю тебя, — сглотнув образовавшийся ком в горле, сказала я. Как трудно сопротивляться желаниям и нести чушь, только чтобы твой собеседник не догадался, о чём ты теперь думаешь. — Мне тоже приходится притворяться. На работе я одна, дома другая. С тобой теперь... даже не знаю. — Я задумалась. Ведь сейчас я истинная «я». Выходит, с Владом мне не нужно быть другой, я могу оставаться собой.

— Ты что-то хотела сказать.

— Да, я хотела сказать, что мне не хочется с тобой притворяться.

— Мне тоже, — согласился Влад.

— Ну, с тобой понятно — ты привык быть собой в этих стенах.

— Не совсем так, ведь появились новые обстоятельства — со мной теперь ты.

— Это плохо?

— Что плохо?

Мой вопрос несколько удивил его.

— Что ты со мной такой, каким бываешь только наедине с собой?

— Нет, мне это нравится, — признался Влад.

— Мне тоже.

Тот самый момент, когда ты страстно желаешь, чтобы парень тебя поцеловал. Наверное, на меня подействовало вино, и этот необыкновенный домик на дереве, и лес — я не знаю, но поцелуй теперь пришёлся кстати. Но, к моему сожалению, Влад не почувствовал того же или не захотел принять нахлынувшие чувства, но моё желание осталось без ответа. Я тяжело вздохнула и сделала большой глоток вина, чтобы остудить пыл.

— Ты жалеешь, что вы уехала из Сибири?

— В некотором роде, да. Хотя... мне всё равно. Я устал. Слишком много разочарований.

Никогда не понимала людей, у которых есть всё — природная красота, удача в делах, богатство и вдруг разочарование. Неужели давит не только убогость, но и самодостаточность? Тогда, что нужно человеку для счастья?

— Тебе трудно разобраться самому, — сделала заключения я. — Можно обратиться к психологу? У нас в Тамбове есть хорошие специалисты.

— Думаешь, я психически болен? Нет, со мной всё в порядке. И разочарований нет. Есть проблемы и только.

Неужели, я обидела его? Кажется, я поступила бесцеремонно.

Моя рука потянулась к его руке, которая спокойно лежит на подлокотнике кресла, но в последний момент я испугалась и провела ладошкой по отшлифованной до блеска глади столешнице.

— Мебель хорошая, добротная, — рассеянно заметила я.

Влад ухмыльнулся, как будто распознал мои намерения и оценил то, как я лихо выкрутилась из ситуации.

— Вкусное вино и голова «на месте», — сказала я.

— Ты смешная.

— Мне приятно, что я повеселила тебя.

Я злюсь на себя. Влад способен держать себя в руках, а я не могу контролировать эмоции и желания.

— Обиделась?

Голос приятный, обволакивающий и невероятно сексуальный. Никогда не думала, что на первом свидании почувствую влечение к парню. Научное объяснение моих желаний одно — я влюбилась. А что есть влюблённость? Влюблённость способствует выработки химических веществ допамин, окситоцин, адреналин и вазопрессин, которые и вызывают состояние эйфории, в котором, собственно я и пребываю теперь. Теперь главное взять себя в руки и остановить процесс химической реакции.

— Нет, ты обиделась.

— Нет, я радуюсь собственному идиотизму, — несколько несдержанно ответила я. — Мне пора.

— Нет, я пока не готов тебя отпустить, — запротестовал парень.

Мне тоже не хочется уходить и я обрадовалась, что Влад удерживает меня, значит, надежда на взаимность есть.

— Почему ты выбрал меня? Твоя мама сказала, что ты до сих пор не знакомился с местными девушками.

— Я увидел тебя в кафе. Испуганная девушка, которая оказалась в забытом богом городке, причём по собственной воле и теперь не знает, что ей с этим делать.

Чёрт, и это ему известно? Наверное, мой отец рассказывал ему. Ох уж, эти родители,

жаждущие счастья своим детям. Иногда, они ведут себя довольно бесцеремонно, только бы добиться поставленной цели, а цель моего папочки очевидна.

— Выходит, ты просто пожалел меня? — фыркнула я.

— Нет, ты меня повеселила.

— Опять? Значит, я всего лишь предмет твоего веселья?

— Ты нервничаешь? Отчего? — спросил Влад.

— Мне пора домой, бабушка будет волноваться.

— В восемь ты будешь дома, а пока дай мне время, чтобы я мог узнать тебя.

Моё сердце забилось так, будто собралось вырваться из груди. Влад заметил моё волнение и улыбнулся.

— Знаешь, мы отлично подходим друг другу.

Новая волна приятной паники окатила меня с головы до пят. Что он делает со мной? Играет, как кот с мышкой, держит на расстоянии, не позволяет приблизиться, но и не отпускает.

— Я не знаю, — невпопад ответила я.

— Зато мне всё ясно, — сказал Влад и мило улыбнулся. — Я вспомнил тебя.

Что? Понятия не имею о чём он.

— Я помог тебе, когда ты чуть не свалилась в лужу. Думаешь, это была случайная встреча?

Целую минуту мы смотрели друг другу в глаза — я с тихой покорностью, а он властно. И снова он не поцеловал меня, хоть для этого и были все предпосылки.

В восемь я была дома. Бабушка, конечно, пожурела меня, что я не пришла в обещанное время, но быстро успокоилась и мы пошли ужинать.

— Бабуль, почему горожане не приняли семью Влада? Они милые люди, — решила я спросить после ужина, когда мы вместе убрали со стола.

— Они живут с волками бок о бок, разве простому человеку это позволено?

И ни слова об оборотнях. Она не знакома с этой байкой, или не хочет меня расстраивать? А, может, всё-таки не верит — моя бабушка не глупый человек.

— Иди, отдыхай, — приказала бабуля. — Тебе завтра на дежурство. А я сама тут потихоньку справлюсь.

Долго не могла заснуть. К чему скрывать, Влад мне очень понравился. В голову лезли эротические мысли, и я гнала их от себя прочь. В глубине души я надеялась, что у него серьёзные планы на мой счёт, раз он познакомил меня со своими родителями. Иначе, зачем ему было приводить меня к себе домой?

Но ведь могло случиться так, что он не ожидал застать родителей дома и знакомство с ними всего лишь непредвиденное обстоятельство.

И всё-таки они странные. Дружат с волками. Чувствую, что эти люди скрывают какую-то тайну. Почему они уехали из Сибири? Когда я задала вопрос Владу он не смог ответить однозначно. Нет, я понимаю, конечно, люди перемещаются, ищут, где лучше, но почему они сами не заводят дружбу с местными? Это настораживает и заставляет думать, что не всё чисто с этим семейством.

И потом, откуда у них столько денег? Подумать только, от нечего делать выстроить дом на дереве. Неслыханное расточительство. Лучше бы благотворительностью занялись...

Ах, да, они же помогают школам и больнице. Это хорошо, конечно, похвально, но непонятно.

Пока у меня одни вопросы и ни одного ответа.

За окошком ночь и я представила, как должно быть страшно теперь в доме с прозрачными стенами. Осенний ветер бьётся в окно, шелестит листвой, нагоняет тоску. Как говорит бабушка, скоро покров, а после, осень к зиме повернётся, а там и снег на землю ляжет. Не представляю, как переживу зиму. Тоска «съест» меня.

Глава седьмая

Ночью я проснулась как будто от толчка. Перед сном я не задёрнула шторы, и теперь луна окутала меня колдовским сиянием, хозяйничает в комнате, исследуя самые потайные места. На улице светло, как будто разом зажглись все фонари. Лунный диск такой заманчивый, если попадёшь под влияние его сияния, то уже трудно оторвать глаза.

И вдруг, на меня как будто ведро кипятка опрокинули, из окна на меня глядят волчьи глаза. Силуэт размытый, но я могу поклясться, что это волк. Наши глаза встретились и в этот миг, волк исчез.

Сон не сон. Не могу понять. Тело сковал ужас, а сердце заколотилось так сильно, что я чувствовала, как оно бьётся об рёбра. Я поднялась с постели и подошла к окошку. Никого. И даже шорохов не слышно.

Ну вот, началось. Значит, Стёпка не шутил, когда говорил, что волки в городок выходят. Однако как волк мог заглянуть в моё окно? Не понятно. Фундамент около метра и до окошка метра полтора от фундамента. Оборотень?

Я задёрнула шторы и поспешила вернуться в постель. Одеяло натянула до самых ушей и закрыла глаза. Как в детстве, когда начинаешь думать, что к тебе под кровать забралось чудище — вот, примерно такой ужас сковал моё тело, только страх в разы сильнее.

Уснуть до утра так и не удалось. Лежала в постели, не шелохнувшись, и дрожала от страха.

— Какая-то ты сегодня чумная, — заметила бабушка за завтраком.

— Ты сегодня к отцу не пойдёшь? — поинтересовалась я, проигнорировав замечание бабушки.

— Он засветло уехал в Ивановку. Работа какая-то подвернулась, а отец твой никогда не отказывается от лишних денег.

— Куда ему столько денег? Он ведь один живёт.

— А вот потом узнаешь куда, — несколько грубо отозвалась бабушка. — После спасибо ему скажешь.

— После чего? — удивилась я. — А, почему не теперь? — Мне не нужны отцовские деньги, просто интересно, как можно копить деньги для кого-то, чтобы потом, когда-нибудь отдать. — А если я не доживу до этого «после».

— Тьфу, ты — фыркнула бабуля. — Ты чего несёшь? Господи помилуй, грех какой говоришь.

— Да почему же грех? — удивилась я. — Все под богом ходим. Вот буду возвращаться с дежурства вечером, а тут волк и всё.

— Какой волк? Волков и в лесу не осталось, а уж в город они точно не сунутся, охотников они боятся, чувят их за километр.

— А вчера волка видела, — призналась я. — Он у нашего дома сидел.

Я не стала говорить бабушке правду, она всё равно не поверит, что волк в окошко заглядывал.

— Найда это, соседская собака. Я ей еду оставляю в миске у калитки, вот она и приходила полакомиться.

Да уж, Найда, скажет тоже. Собаку с волком я никогда не перепутаю.

— Ладно, бабуль, я побежала. Пора, — вставая из-за стола, сказала я, взяла сумку и

вышла в прихожую.

— Тебя во сколько ждать? — крикнула бабушка.

— Я сегодня до девяти, значит, к половине десятого буду дома.

День прошёл бестолково и уныло. Дождь, слякоть и дежурство не задалось. Перепутала анализы, а потом не смогла поставить систему больному. Не выспалась, от этого и день наперекосяк. Мысли всякие одолевают. Что если этот волк-оборотень пришёл из заповедника «гоблинов»? Заприметил меня и теперь уже не отстанет — загрызёт, или в оборотня обратит. Страшно захотелось сбежать домой, в Тамбов. Но с другой стороны, мне могло померещиться, как говорят — у страха глаза велики. Может тень упала от дерева, а мне показалось, что смотрит кто-то...

Нет, вчера ночью в моё окно заглядывал волк, кого я обманываю.

Я пришла домой и, отказавшись от ужина, ушла к себе в комнату. Долго не могла заснуть. И хоть шторы плотно задёрнула, но я чувствовала этот взгляд — он там и смотрит на меня.

С утра позвонил Степан, и я с превеликим удовольствием согласилась встретиться с ним. Договорились в четыре у меня.

— Куда это ты запропастилась? — с порога накинулся на меня Степан. — На звонки не отвечаешь, прячешься от меня?

— Зачем же мне прятаться от тебя, мы ведь друзья — ответила я, собирая рюкзачок. Степан предложил съездить в лес, пока снег не лёг. Решили побродить по лесным тропам, подышать свежим воздухом и просто пообщаться.

— Обувь удобную одень, — предупредил он. — Теперь в лесу мокро и скользко.

— Не учи учёного, — в шутку заметила я. — Потихоньку обживаюсь, а, значит, соображаю, что к чему.

В лесу сыро. Деревья обнажились, скукожились, застыли в ожидании зимних холодов. Кое-где островками зеленеет трава, летний привет из прошлого. Под ногами хвоя и мох — скользко. Вот почему Степан сказал надеть удобную обувь, чтобы я не скользила.

— Воздух свежий, тонкий, — заметила я.

— Обыкновенный — хмуро отозвался Степан.

Что это с ним? Если он не хотел идти на прогулку, зачем пригласил меня. Чувствую себя назойливой мухой, которая не отвяжется, пока её не прихлопнешь. Надоело Степану дружить со мной, вот он и хандрит.

— Для тебя обыкновенный, а мне непривычно дышать насыщенным кислородом воздухом.

— Ты с «гоблином», да?

Ах вот в чём дело. Разве я что-то обещала Степану? Мы, кажется, договорились просто дружить, как раньше.

— У него есть имя, — вступилась я за Влада.

— Если с тобой что-то случится нехорошее, не говори после, что я тебя не предупреждал, — процедил сквозь зубы Степан.

Таким я его ещё не видела. Агрессия? Может, я реально недооценила ситуацию и дружба с Владом и его семьёй не сулит ничего хорошего. Я уже не знаю, кому верить.

— Стёпа, я тут человек новый и не хотела бы ввязываться в межродовые распри. Я уеду через год, а пока позволь мне самой выбирать, с кем дружить, а кого игнорировать. Мы ведь с тобой друзья и я не отказываюсь общаться с тобой.

— Хорошо — кивнул Степан. — Идём.

Стёпка больно схватил меня за руку и потащил за собой вглубь леса.

— Куда мы идём? — спросила я, безуспешно, пытаясь вырваться из мёртвой хватки друга.

— К границе заповедника, — ответил Степан. — Сейчас ты сама всё увидишь.

Вот чёрт! Он решил показать мне волков? Это прямо насилие какое-то, я не хочу идти туда. Но разве я справлюсь с этой горой мышц, иду следом, а Стёпка крепко держит меня за руку.

— Вот, полюбуйся — сказал Степан, когда мы подошли к Волчьему оврагу.

— Тут граница заповедника? — поинтересовалась я, вглядываясь в просветы между деревьями. Степан, конечно, крупный парень, но разве справится с волками, если им вздумается теперь встать у нас на пути.

— Не бойся, мы не пойдём на их территорию, а они не выйдут за пределы своих владений.

— Откуда такая уверенность? — возмутилась я. — Если тебе нравится щекотать нервы...

Я застыла и онемела одновременно, когда на тропинку вышли волки. Один чёрный и крупный, а другой рыжеватый и помельче. Волки, увидев нас, оскалились, а чёрный сделал рывок в нашу сторону, но неожиданно остановился. Так, что там нужно делать, если встретишь в лесу дикого зверя? Бежать нельзя, стоять тоже опасно, может потихоньку отступать назад, показывая, что ты не претендуешь на их территорию.

— Не бойся, — попытался успокоить меня Степан, но разве я могу поверить ему теперь, когда опасность так близко, буквально в десяти шагах. — Они не выйдут за пределы владений, — посмеиваясь, сказал Степан.

И правда, волки оскалились, но даже не пытаются напасть на нас.

— Они дрессированные? — дрожащим голосом спросила я.

— Это волки «гоблинов» и они служат им верой и правдой, — с ненавистью произнёс Степан. — Они не станут нападать, пока им хозяева не прикажут.

— Поэтому ты привёл меня сюда? Ты знал, наверняка? — уточнила я, потому что верить, что Степан мог подвергнуть меня реальной опасности не хочется.

— Все знают, что они не тронут никого, если не пересекать границы заповедника. Но не дай бог нарушишь границу и тогда...

— Давай уйдём, — попросила я.

— На всякий случай, не поворачивайся к ним спиной, отступай, как я, — предупредил Степан. — И не своди с них глаз, покажи им, что ты не боишься их.

Да уж, не боюсь. У меня адреналин зашкаливает, а, как известно, зверь его чувствует на расстоянии.

— Ну, всё, теперь пойдём смело, — сказал Степан, когда звери остались за пределами видимости.

— Ты идиот? — заорала я, когда поняла, что опасность миновала.

— Я хотел показать тебе, как ты рискуешь, когда идёшь к «гоблинам».

— Да пошёл ты, Степан, — разозлилась я. — Влад не стал бы так рисковать мной, а ты... даже не знаю, хочу ли дальше общаться с тобой.

— Ладно, не обижайся, — попытался обнять меня за плечи Степан, но я вырвалась и зашагала к машине. Надеюсь, он вывезет меня из леса?

Степан остановил автомобиль у бабушкиного дома. Я вышла и, не попрощавшись, захлопнула дверь. Не знаю, смогу ли дальше доверять Степану.

— Чего это ты такая расстроенная? — поинтересовалась бабуля. — А Стёпка где? Я ждала вас вместе, обед приготовила.

— Я не буду обедать, — ответила я и ушла в комнату. Конечно, бабушка прибежала следом.

— Да объясни толком, что случилось? — стала допытываться бабушка.

— Степан идиот, и больше я с ним никуда не пойду.

— Да что случилось?

— Лучше тебе не знать, бабуль, — смягчив тон, ответила я. — Я согласна терпеть его в твоём доме, но не более того.

— Ладно, сами разбирайтесь, — махнув рукой, сказала бабушка. — Пойдём обедать, я без тебя не стану есть.

Пришлось идти на кухню. За разговорами, я чуть успокоилась. Пришлось съесть пирожок и тарелку грибного супа. После обеда вымыла посуду и ушла в комнату. Пришло время подумать над сегодняшним происшествием. Очень странно, что волки не напали на нас, не убежали, а как будто огрызались. Наверное, Степан прав и дружба с Владом не сулит ничего хорошего. Да и волки какие-то странные, как будто и впрямь дрессированные. Поэтому местные решили, что это не волки вовсе, а как есть оборотни.

Почему я всё ещё здесь? Мне это надо? Наверное, пора мне бежать домой, к маме иначе не миновать беды. Но, где найти силы уехать, я не знаю. К тому же, я должна сначала выяснить, что происходит в заповеднике. Влад говорил, что волки в заповеднике умные и не причинят вреда, если не соваться на их территорию, то же и Степан сказал. Ни для кого не тайна, что в наших лесах водятся волки. Да, они хищники и если окажешься не в том месте, не в тот час пенять не на кого. Просто не стоит ходить в лес, вот и всё. И к Владу больше не пойду в гости. То есть, к нему я могу пойти, но вот гулять в заповеднике не стоит. Да, я так ему и скажу.

На следующий день к восьми вечера я шла на дежурство. Опять дождь. С ночи пошёл, не прекращался весь день и до вечера льёт. Сама под зонтом, а ногами по лужам, только простыть не хватало.

Рядом остановилась машина и водитель, не выходя из автомобиля, открыл передо мной дверцу.

— Садись в машину, я отвезу тебя в больницу.

Это Влад. Он приехал, чтобы защитить меня от непогоды. Это так мило и трогательно.

— Ты следишь за мной? — в шутку поинтересовалась я.

— Случайная встреча, — объяснил он. — Я был у твоего отца. Машина, как человек, требует к себе внимания.

Хочется верить, что это предлог, но папа говорил, что Влад частенько подъезжает к нему, чтобы тот посмотрел машину. Стою, решаю, садиться в автомобиль, или не стоит искушать судьбу.

— Предпочитаешь мокнуть? — спросил он.

Конечно, я согласилась. Ехать недолго, всего минут пять, но разве я устою перед этим красавцем. Пять минут общения с Владом, оказывается, для меня много значат.

В салоне тепло и пахнет так чудесно — дорогим парфюмом и, собственно, самим Владом.

— У тебя классная машина, — вздохнув, сказала я. — Ты самодостаточный, но почему до сих пор живёшь с родителями?

— Потому что мы привыкли жить вместе, — ответил он.

Как всё просто. Я тоже хочу жить с мамой. Уехала и теперь страдаю, мучаюсь без неё. Но теперь я встретила Влада, а если бы осталась дома так и не узнала бы никогда его. Откровенно меня как будто рвут на части — одна часть требует моего возвращения в Тамбов, а другая, сильная и напористая, оставляет меня здесь, рядом с Владом.

— Вы могли бы поселиться в Тамбове, но выбрали этот ничем не приметный городок. И потом, этот заповедник...

— И что не так с заповедником? — настороженно спросил Влад.

— Ну, волки и прочая лесная живность. Вам не кажется, что вы рискуете, позволяя волкам хозяйничать прямо у дома?

— Наслушалась местных сплетен? — пожурил меня Влад. — Знаешь, что говорят мои родители? Люби природу и она ответит тем же.

— Логично, но не убедительно, — заметила я.

Влад улыбнулся и покачал головой.

— Завтра, я хочу пригласить тебя к нам.

Чёрт возьми, мне страшно, но я хочу к Владу в гости.

— Ну, что скажешь? — не отстаёт он.

— Ты застал меня врасплох, — промямлила я. — Такие вопросы не решаются сходу. И потом, в лесу теперь сыро и холодно.

— Разве? — удивился Влад.

— Я вчера была в лесу. Со Степаном, — призналась я. — Мы с ним подходили к заповеднику.

Влад скептически улыбнулся. Почему? Молчит. Неужели, ему всё равно с кем и где я провожу время?

— Это просто — чувствуешь желание, соглашайся, а нет, так нет, — наконец, произнёс он.

— Да, я, конечно, согласна...

Сбивчиво, но я приняла приглашение.

— Вот и хорошо, — похвалил меня Влад.

Не слишком ли я быстро согласилась? Вот чёрт, этот парень сводит меня с ума. Я боюсь его и страстно желаю, но однозначно определить отношение к нему я не могу.

— Нет, я хотела сказать...

— Поздно отпираться, — подловил меня Влад. — Значит, завтра я заеду за тобой. В шесть. Надеюсь, ты успеешь выспаться после ночного дежурства, иначе тебе придётся несладко.

Мы подъехали к зданию больницы, но я не тороплюсь выхолить из машины.

— Но ведь мы не станем гулять в лесу? — спросила я.

— Как скажешь, — несколько сухо ответил Влад.

Я не хотела его обидеть, но моя безопасность меня, как ни странно, волнует. Мне нравится Влад, а не его дрессированные волки.

Влад уехал. Всплеск адреналина, вызванный его близостью, прошёл, и я почувствовала себя слабой и немножко взвинченной.

Что ж, посмотрим, что будет завтра.

Конечно, я промучилась всю ночь, взвешивала все «за» и «против». С одной стороны всё нормально, Влад ухаживает за мной, но с другой стороны, что ему нужно от меня, мне не известно. Трудно поверить, что такой парень, как Влад в одночасье потерял голову, увидев меня в кафе. Я не отрицаю, что я симпатичная девушка и фигура у меня что надо, но я, по сути, не из его круга. Они богатые, самодостаточные, а я из семьи докторов — у нас есть всё, что необходимо для жизни, но не более того. Степан предупредил меня об опасности, но я сама хочу проверить, так ли опасны «гоблины».

После дежурства я пришла домой и сразу легла в постель. Не люблю спать днём, хоть и вымоталась за ночь на дежурстве. Вертелась, крутилась в постели, проваливалась в сон и снова «выскакивала». К пяти часам дня вымотанная окончательно я поднялась с постели и отправилась под душ: надеюсь, вода взбодрит меня и придаст сил.

Бабуля приготовила ужин. Блины, конечно отменные — хочешь со сметаной ешь, хочешь с мёдом, а я ела без аппетита. Что меня ждёт сегодня, я понятия не имею.

— Чего рассеянная такая? — спросила бабуля. — Не выспалась? Поешь и снова в постель отправляйся, — посоветовала она.

— У меня сегодня свидание.

Мой голос предательски дрогнул.

— А ты, волнуешься, что ли?

От опытного глаза бабули никуда не спрятаться.

— Волнуюсь, — призналась я.

— И то верно, — покачивая головой, согласилась бабушка. — Они люди пришлые, никто не знает, что у них на уме.

Прямо в точку. Бабушка сразу догадалась с кем у меня свидание.

— Я тоже «пришлая», — пошутила я.

— Не пришлая ты, а своя. Тебя все знают, и ты всех знаешь, хоть и жила тут недолго. А они точно пришлые. Одному Богу известно, кто они есть такие.

— Вот я и узнаю, — пообещала я. — Потом расскажу тебе.

— Всё шутишь? А я, между прочим, за тебя в ответе и перед отцом твоим и перед матерью твоей, хоть она и непутёвая.

Вот так всегда, нет-нет, да и обидит колким словечком мою маму. Но я соблюдаю нейтралитет: конечно, бабушка держит обиду на мою маму.

— Не бойся, бабуль, я девочка умная.

— На это ума не надо.

Ох, бабушка, я бы с удовольствием, только кавалер мой вряд ли начнёт действовать, пока не узнает меня достаточно хорошо.

Глава восьмая

Теперь мои мысли в полном беспорядке. От восторга бегут по спине мурашки и эта музыка в авто и Влад так близко. Он ведёт машину с лёгкой ленивой уверенностью. Рядом с ним и городок кажется не таким ужасным, и люди вроде как добродушными, просто они недалёкие, а так ничего.

— Ну что, трусиха, куда мне отвезти тебя? — спросил Влад.

— Куда угодно, только не в лес.

— Хорошо, — кивнул Влад. — Значит, едем ко мне домой. Родители обрадуются и Ольга, наверное, тоже.

— А Ольга, чему обрадуется? — поинтересовалась я.

Кажется, я не нравлюсь кухне Влада. Во всяком случае, она и не собирается идти со мной на контакт. Недавно я случайно встретила её на улице, так она прошла мимо, как будто и знать меня не знает. Мне стало неловко, потому что я поздоровалась, и даже улыбнулась ей, и вот такой казус произошёл со мной.

— Так почему Ольга обрадуется? — повторила я вопрос.

— Не знаю, — беспечно ответил Влад. — Мы с нею росли вместе, поэтому, как родные. Ты мне нравишься, значит, и ей понравиться, вот она и обрадуется, что у меня теперь есть ты.

Влад рассмеялся. Да, слишком витиевато вышло.

— А что там за слухи ходят, будто у вас в заповеднике не волки, а оборотни? Почему люди решили, что вы каким-то образом связаны с магией? — решила спросить я.

— Люди верят в то, во что хотят верить.

— Я видела ваших волков, и они не похожи на тех, волков, каких знаю я.

— Белые, чёрные, серые — они могут быть даже рыжеватыми, — несколько раздражённо объяснил Влад. — Неужели, ты поддалась общей панике?

— Просто, как-то странно, они смотрели на нас, оскалились, но не тронули.

— И с кем ты была?

— Что? Ах, да, с другом, со Степаном, — смело ответила я, потому что знаю, что Влад не придаст этому значения.

— Ты со Степаном ходила в заповедник? — возмущенно произнёс Влад. — А со мной, значит, боишься.

Кажется, Влад обиделся.

— Не обижайся, я ведь не знала, что Стёпка меня выведет к заповеднику, а так бы я ни за что не согласилась. Мы с ним дружим с детства и лес, когда-то, был нашим вторым домом. Нами исхожены все тропы и ни разу мы не встречали волков на пути.

— Всё, приехали, — сказал негромко Влад. От прохлады в голосе не осталось и следа. Сейчас в сумерках, Влад выглядит невозмутимым и спокойным, а в дневном свете, он всегда немного взвинчен. По всему видно, что он не дитя света, скорее отпрыск тьмы. Я слышала, что все люди делятся на «детей Солнца» и «детей Луны»,

так вот Влад, типичный представитель лунных пасынков. Кстати, я тоже больше люблю ночь, и сил у меня к вечеру прибавляется, а днём я всегда квёлая.

— Ты больше любишь ночь.

— Да. Меня пугает дневная пустота, — ровным голосом ответил Влад.

Прямо в точку ответил. Так и есть, днём пусто и неудобно.

— Ночь раскроет все наши тайны и желания. День — бесполезная суета, — добавил Влад. — Ну что, пойдём в дом?

— Снова будем пить чай и есть шоколадный торт? — не без иронии спросила я.

Разговоры про таинственность ночи — пустая болтовня. Влад привёз меня домой, а, значит, боится оставаться со мной наедине. И это называется третье свидание? Одни обещания. Конечно, я расстроилась. Не таким я представляла себе этот вечер.

— Родители уехали в Тамбов. Дом на два дня в нашем распоряжении, — сказал Влад, впуская меня в гостиную.

Вот это поворот. А вот теперь мне реально страшно. Мы едва знакомы и вот остались одни в огромном доме с прозрачными стенами, сквозь которые виден лес. Всего шесть часов, а на улице темень. Мне показалось, что у каштана, что стоит на заднем дворе, промелькнули два жёлтых огонька: не иначе волк следит за мной из темноты.

— На два дня? — переспросила я и сглотнула образовавшийся комок в горле.

— У тебя выходные, я всё продумал.

Даже не знаю. Я так растеряна. Мы будем одни в огромном доме — только я и он и тьма, поглотившая задний двор и заповедник, границы которого, как я поняла, начинаются у дома.

— Что ты притихла? Неужели, боишься меня?

— А Ольга? Она тоже будет с нами?

— Ольга? Что ты, Ольга увязалась за моими родителями и теперь уже наверняка зажигает в каком-нибудь клубе.

Нет, я не готова к такому повороту и это очевидно. Руки ледяные, дыхание сбивчивое. Не думала, что я такая трусиха. Да и как тут не испугаться, одна в большом доме с мало знакомым мужчиной — это слишком для меня. Но не стану же я теперь бежать, одна в темноту. Придётся смириться на время, а позже попрошу Влада отвезти меня домой. Неужели, он станет удерживать меня силой? Нет, конечно, он знаком с моим отцом и относится к нему с уважением. Побуду немного, а потом домой.

Но сейчас я с удовольствием окунулась в мир роскоши, тепла и уюта. Шикарный дом, как будто его переместили в убогий уголок с глянцевої картинки. Дом строил местный миллионер, наверное, на века, а потом передумал и решил продать и покупатели вовремя подвернулись. Интересно, сколько стоят эти хоромы? Учитывая, что дом находится в посёлке городского типа, он не может стоить дороже, чем такой же дом в Тамбове. Предполагаю, что миллиона три, четыре, не больше.

— Я поднимусь на минутку в мою комнату, а ты, надеюсь, не сбежишь, пока меня не будет с тобой?

— Нет, конечно, — растерянно пробормотала я. Даже если бы очень хотела, мимо леса, одна я не пойду. А потом ещё по мосту через речку и неизвестно, кто будет подстерегать меня под тем мостом. Тоже мне, шутник.

Влад поднялся на второй этаж, а я пошла, осматривать дом. В прошлый раз было неудобно в присутствии хозяев осмотреться, как следует, а теперь в самый раз. Больше всего мне нравится кухонная зона. Тут столько всего интересного и невероятное количество разных кухонных предметов. Холодильник это вообще нечто — высокий, широкий с индикатором температур на дверце. Кухонный гарнитур просто сияет чистотой.

— Ужин? — предложил Влад. Он подкрался так тихо, я и не заметила, что хозяин

рядом. Неудобно получилось.

— Я поужинала.

— Тогда, выпьем вина?

— Да, я бы не отказалась.

Лучше мне расслабиться, а то я такая напряжённая. Вся эта роскошь действует на меня удручающе, я чувствую себя мелкой и ничтожной в сияющем дороговизной доме.

— Располагайся пока, — предложил Влад и проводил меня в гостиную.

Я выбрала глубокое кресло у камина. Плюхнулась в него и попыталась расслабиться. Куда ушёл сон? Ещё полчаса назад я чувствовала себя разбитой, а сейчас неожиданный прилив сил.

— Это хорошее вино, выпей, — почти приказал Влад, когда вернулся с двумя бокалами красного вина.

Он снова подошёл очень тихо, и я вздрогнула от его голоса.

— Не бойся, Виктория, — успокоил меня Влад. — Я не обижу тебя. Если захочешь уйти, скажи и я отвезу тебя домой.

После его слов уходить расхотелось. Мне двадцать пять лет, а это немало. В этом возрасте уже глупо пугаться мужчин.

Я попробовало вино, и оно оказалось восхитительным: насыщенный фруктовый вкус.

— Примем душ? — предложил Влад.

Что? Я чуть бокал не выронила из рук. Его предложение... оно довольно странное и... даже не знаю. Я помылась дома, на мне чистое бельё и одежда... Я дурно пахну?

— Ты не поняла, я предложил тебе принять душ вместе.

Я словно онемела и густо покраснела. У меня, кажется, даже волосы на макушке зашевелились. Предложение весьма щепетильное, я бы даже сказала, что оно слишком интимное. А если учесть, что мы с Владом ещё даже не целовались, то согласиться на такое предложение весьма затруднительно.

— Мне нравится этот румянец на твоих щеках — поглаживая моё лицо тыльной стороной ладони, сказал Влад. — Пей вино, и пойдём со мной, — решительно заявил он. — Мне не терпится взглянуть на тебя.

Он извращенец? Зачем ему смотреть на меня?

— Я могу отказаться? — охрипшим от волнения голосом спросила я.

— Да, но тогда секс покажется пресным.

Значит, он продумал всё, и теперь я словно марионетка должна подчиниться его воле. Малопривлекательно, должна я заметить. Мне нравится Влад, нравится его жизненная позиция, и я хочу быть с ним, но к его неожиданному предложению, как оказалось, я не готова.

— Что скажешь, Виктория? Ты вольна отказаться и не делать того, о чём потом пожалеешь.

Его голос такой тёплый и такой манящий. Он словно околдовал меня своим взглядом. О, боже, что я делаю. Поверить не могу, что я почти готова согласиться.

— Всё просто — не отстаёт Влад. — Ты либо соглашаешься, либо отвергаешь, решайся.

— Хорошо, — кивнула я. — Я пойду с тобой.

Страх потерять этого мужчину заставил меня согласиться на его предложение. Откровение — это его конёк и с этим придётся смириться, если не хочу потерять Влада.

— Ладно, — одобритительно кивнул он.

Неужели, это так важно? Не понимаю, чего он хочет добиться? Что за бред.

— Наверное, ты думаешь, что я сошёл с ума, если предложил такое, — улыбнувшись, сказал он.

— Я не знаю, — замотала я головой.

Влад улыбнулся.

— Ты выпила всё вино, значит, волнуешься.

Ещё бы не волноваться. У меня и парней-то не было кроме Антона, старшекурсника из медколледжа. Он сбежал от меня, как только получил диплом: уехал в неизвестном направлении. После него я не с кем не встречалась, перестала верить, а заменяться на «одноразовые» встречи я не хотела.

— Да, я...

Даже не заметила, когда мой бокал опустел. Это от волнения, конечно.

— Хорошо, — одобрительно кивнул Влад. — Пойдём. — Он подал мне руку и застыл в ожидании.

А у меня есть выбор? То есть, выбор есть, но тогда я разочарую его, а он мне очень, очень нравится. Могу сказать с уверенностью, что Влад мне не просто нравится — я влюбилась, окончательно и бесповоротно. Мне всё равно, кто он и какой тайной окутана его семья — я хочу быть с ним и точка.

Я поставила пустой бокал на столик у камина, ухватила за его руку и поднялась на ноги. Что-то произошло, когда мы на миг оказались так близко. Влад и прежде брал меня за руку, но сегодня от прикосновения, меня словно молния пронзила. А он задержал на мне потемневший взгляд и улыбнулся — я волную его и это невероятно.

Ванная комната на первом этаже каменная, цвета слоновой кости, глубокая и круглая. Зеркала во всю стену увеличивают визуально и без того не маленькое помещение. Слева в углу просторная душевая кабинка. А вдоль другой стены шкафчики с выдвижными ящичками. Так чисто и запах чудесный — лаванда, мята и ещё что-то терпкое, не могу разобрать, что.

— Можешь переодеться в халат, — предложил Влад, расстёгивая пуговицы на своей рубашке.

— Да, конечно, — густо краснея, согласилась я и сняла свитер. Халат я взяла на вешалке у входа. Сначала накинула его на плечи, потом только сняла джинсы. Аккуратно сложила свои вещи на полку.

Тайком взглянула на Влада, который уже сбросил с плеч рубашку и расстегнул пуговицу на джинсах. О боже, он такой горячий! Каждый мускул его требует к себе особого внимания, каждая его клеточка призывает любить его. Я замерла, не зная, что делать дальше. Влад тем временем открыл кран и стал наполнять ванну: а я думала, мы примем душ, как он предложил изначально. Но так даже лучше — в ванной можно укрыться в густой пене.

— А бельё? — мельком взглянув на меня, спросил Влад.

— Да, конечно, — обречённо кивнула я.

Здесь так светло. Наверное, было бы проще, если бы Влад теперь выключил основной свет и оставил только светильники над зеркалами. Я отвернулась к стене, чтобы снять бельё и увидела себя в отражении зеркал. Взгляд перепуганный, щёки пылают и я практически голая, если не считать наброшенного на плечи халата, который хоть как-то прикрывает мою наготу.

Чёрт, что я делаю? Я едва знакома с ним, а позволяю ему манипулировать мной, как будто я кукла безвольная. Почему я должна это делать? Конечно, я взрослая девушка, но вот так, открыто, как будто мы муж и жена долгое время прожившие вместе, не знаю.

— Эй, ты чего? — заметив моё смятение, мягко спросил Влад. — Если это для тебя слишком...

— Нет, не слишком, — остановила я его. Если я ему нужна смелая, свободная, без комплексов, значит, я буду такой.

— Иди ко мне, — позвал меня Влад.

Я в нерешительности стою на месте. Потом делаю шаг не в силах отвести от него восхищённого взгляда. Этот парень слишком хорош для меня. А он тоже с интересом смотрит на меня. Это взгляд доминирующего самца — властный и требовательный. Разве я могу послушаться его?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я иду к нему. Это, кажется, длится уже целую вечность и вот, наконец, я погружаюсь в его объятия.

— Вот и хорошо, — сбрасывая халат с моих плеч, одобрительно произнёс Влад. — Нам ведь нечего скрывать друг от друга, правда?

Я кивнула вместо ответа, потому что в горле образовался комок — понятия не имею, что стало тому причиной, но могу предположить, что это уже не от волнения, а от нестерпимого желания.

Влад подвёл меня к наполненной до краёв ванне с восхитительными клубами пены.

— Залезай, а я через минуту присоединюсь к тебе.

Я погрузилась в воду и почувствовала себя защищённой: по крайней мере, теперь не видно моей наготы. Влад тоже вошёл в ванну и сел напротив, обхватив ногами, мои ноги.

Я больше не чувствую стеснения, только желание — густое и тягучее, как малиновое желе. Машинально стала играть пеной, перекладывая её клубы с руки на руку.

— Приятное откровение, правда? — произнёс Влад. — Нам ведь нечего стыдиться.

Я кивнула. Во рту пересохло и я знаю наверняка, что попробуй я произнести слово, у меня ничего бы не получилось — прохрипела бы что-то нечленораздельное.

— Я хочу кое в чём сознаться, — сказал Влад, не сводя с меня пронзительного, горящего желанием, взгляда.

Я почувствовала тревогу. Хочу ли я теперь услышать его признание? Я не знаю, что услышу и уж точно не знаю, готова ли трезво оценить откровения это парня. Но он не спросил, хочу ли я выслушать его.

— Я никогда не любил. Не знаю, что это. Я не могу обещать тебе что-то, но знаю наверняка, что не обижу тебя. Что-то есть в тебе, что не позволит обойтись с тобой так, как обычно я обращался с девушками.

Ого! И, как мне на это реагировать? Не очень приятное откровение, когда мы сидим в ванной абсолютно голые. Романтического настроения, как небывало.

— В институте, на первом курсе я думал, что влюбился, но моя мнимая влюблённость оказалась банальным сексуальным влечением.

— Так всегда бывает, в юности наши тела истязают бурлящие гормоны, отсюда результат — удовлетворение желаний и ничего серьёзного.

— Ты мне очень нравишься. Раньше, я ничего подобного не чувствовал.

Наши отношения, кажется, принимают серьёзный оборот: если он теперь не кривит душой и «не разводит» меня банально, то у нас с ним может что-то получиться.

— Я жду, — произнёс Влад.

Ждёт? Чего он ждёт? Я должна что-то сделать?

— Откровение за откровение, — улыбнувшись, объяснил он.

Значит, прежде мы должны повиниться друг перед другом? Что ж, пусть слушает, раз это так важно для него. От выпитого вина я осмелела. Моё тело погружено в воду и прикрыто пеной, почему бы и не поговорить на тему «бывших»?

— Мой первый раз был ужасен. Никакой любви. На выпускном вечере у старшекурсников. Больше я этого парня не видела: он получил диплом и уехал в другой город.

— Парень хоть достойный был? — сохраняя спокойствие, поинтересовался Влад.

— За ним бегали девчонки со всех курсов.

— Я знал, что ты необыкновенная. Видишь, из всех он выбрал тебя.

Ни малейшего намёка на ревность. Значит, я безразлична ему. Чёрт, я ничего не понимаю.

— Я увидел тебя в кафе. Знаешь, я не испытал сильных эмоций в тот момент, просто ты меня заинтересовала, хоть ты и была с тем парнем.

— С другом, — уточнила я.

— С другом, — кивнул Влад. — Только друг этот влюблён в тебя.

— Да, наверное, — опустив взгляд, согласилась я.

— Меня это мало заботит, — ухмыльнувшись, признался Влад. — Ты со мной и его притязания смешны.

— Не понимаю, что ты нашёл во мне? — осмелев, спросила я.

— Тебе каким-то образом удалось заполнить пустоту в моей душе, — признался Влад. — Вакуум, который долгое время изводил меня, наполнился чувствами и теперь в моей жизни появился смысл. — Влад тяжело вздохнул. — Но ты ещё не знаешь всей правды обо мне. Если останешься со мной, тебе придётся несладко.

— Ты превращаешься в монстра? — в притворном ужасе спросила я.

— Нет, в моём признании не будет ничего ужасного, — успокоил меня он. — Моя правда удивит тебя и, может, расстроит, но я знаю, что ты не убежишь, ты останешься со мной.

Какую правду? Вот я так и знала, что с этой семьёй что-то не так. Что меня ждёт, я не знаю, но сейчас меня это мало заботит, вряд ли откажусь от него — я влюбилась, окончательно и бесповоротно.

— Я приму твою правду, какой бы она не оказалась, — ровным голосом пообещала я.

— Я и не надеялся услышать другой ответ. — Влад довольно улыбнулся и привлек меня к себе. Он взял меня за подбородок и приподнял лицо, чтобы открыть доступ к моим губам. Осторожно и невероятно нежно обвёл указательным пальцем контур моей нижней губы. А потом склонился и целомудренно поцеловал в губы.

О боже, это наш первый поцелуй. Как долго я ждала этого чуда и вот, дождалась.

Влад отстранился. Что? Так скоро? Он издевается надо мной? Дразнит и наслаждается моим нетерпением.

— Откровение, это твой конёк? — набравшись смелости, спросила я.

— Нет, я бываю откровенным только с близкими людьми.

Ого! Мы с ним «близкие люди»? Конечно, его ответ польстил мне, но когда он посчитал, что может довериться мне? Он понял, что я влюблена в него по уши?

— Пора нам выбираться отсюда, вода уже остыла.

Точно, вода остыла, а я и не замечала. Моя кровь так горяча, что вряд ли я почувствовала бы это.

Я поднялась во весь рост и Влад, помог мне выбраться из ванны. Поверить не могу, что я это сделала. Стою, вся перед ним открытая и моя нагота не смущает меня, напротив, я чувствую себя превосходно. Влад, как будто раскрыл моё либидо, запечатанное до сих пор под семью печатями.

— Давай я вытру тебя.

Он взял полотенце с полки и очень нежно промокнул всё моё тело. Потом накинул мне на плечи халат, а сам вытираться не стал, просто повязал полотенце вокруг бёдер.

— Пойдём, — взяв меня за руку, сказал он.

В гостиной Влад остановился.

— Мы можем остаться здесь. Я разожгу камин.

— Хочу в твою комнату, — попросила я.

Неужели, он решил, что я стану заниматься любовью на фоне прозрачной стены с видом на мрачный ночной лес.

Мы поднимались по широкой лестнице, целую вечность. Шли молча, взявшись за руки. Мне нравится, что мы не спешим: значит, это не сиюминутная страсть, это что-то более важное, значимое. В таком поведении мужчины читается уважение к женщине и ответственность за содеянные действия в отношении неё.

— Всё хорошо? — спросил Влад перед тем, как войти в комнату.

— Да, — кивнула я.

— Ну, тогда входи, — улыбнувшись, пригласил меня хозяин.

Влад из рода людей, которые одной улыбкой могут вызвать доверие и желание подчиниться их воле. Все страхи и неловкости прошли окончательно и теперь, я готова на всё, только бы этот парень был со мной: по возможности, всегда.

Сквозь прозрачную стену, открывается вид на ночной лес — это невероятное чувство, когда тебе страшно и восхитительно одновременно.

— Нас никто не увидит, — успокоил меня Влад, заметив беспокойство в моих глазах. Это психосоматика — сосредоточься на главном.

Я прислушалась к совету Влада и переключила своё внимание на него. Только он имеет значение, остальное неважно и незначительно.

Глава девятая

— Ты аппетитная штучка, Виктория.

Его слова словно взрыв фейерверков: я вся пылаю. Он наклонился и нежно поцеловал меня. Спросите, что я не могу сделать для него? Ответ прост — я пойду за ним на край света, я всё брошу ради него, я умру, если ему понадобится моя жизнь и я приму самую страшную тайну, которую он пока скрывает от меня.

— Я так сильно тебя хочу, но мы не будем торопиться, — предупредил он.

У меня перехватило дыхание от его слов. Я гляжу на него, не отрывая глаз, как будто хочу впитать его возбуждение, вдохнуть в себя его внутренний мир. А он нежно проводит тыльной стороной ладони по моей щеке к подбородку. Спускается вдоль шеи к моей груди. Где-то внутри, в тайной глубине, мои мышцы сжимаются в страстном томлении. Влад снимает халат с моих плеч, и он падает к моим ногам, смотрит на меня с высоты своего роста. Запускает обе руки в мои волосы и жадно целует в губы. О боже, этого поцелуя стоило подождать. Я с трудом сдерживаю чувства, в крови бушуют гормоны, а сердце бьётся быстро, быстро, можно сказать трепещет, как крылышки колибри. Я тоже не бездействую. Провожу рукой по его щеке, а потом целую, ощутив губами лёгкую щетину — я могу прикасаться к нему, целовать и это несравнимое ни с чем чувство, когда хочешь полностью раствориться в любимом.

Влад легонько подтолкнул меня, и я падаю на кровать, а он лёг рядом. Распахнув глаза безмолвно задыхаюсь. Мои лёгкие, как будто наполнились ватой, которая не пропускает воздух. Страсть, вожделение, желание — всё смешалось в один восхитительный комок, образовавшийся в моей груди.

Слишком всё идеально и интуиция мне подсказывает — добром всё это не кончится. Смутное предчувствие набирает оборот вместе с возбуждением. Даже не думала, что может быть так хорошо. Мысли разбегаются и остаются только ощущения и чувства. Только я и он, и биение наших сердец, наши стоны, а всё остальное больше не имеет смысла.

Я как будто возвращаюсь из другого мира. Сознание ещё затуманено и я сквозь прикрытые ресницы вижу его. Разве может быть так нереально хорошо? Этот парень создан любить.

— Ты больше не кажешься мне чужой, далёкой и неизвестной, — тихо, чтобы не разрушить таинство послевкусия любви, признался Влад. — Близость — ключевой рубеж, после которого возникают доверие и ощущение единства. Мы обнажены не только физически — обнажены наши души, и мысли наши открыты друг для друга.

Ну, на счёт мыслей не знаю, а со всем остальным я согласна.

— Да, так и есть, — устало прошептала я.

— Отношения принимают более серьёзный оборот — доверительный и глубокий. Что скажешь?

— Хочу ещё, — смущённо пробормотала я.

— Детка, ты последний романтик на земле, — звучно рассмеялся Влад.

Детка? Как странно он назвал меня. А, что, мне нравится, как в американском кино.

— Рада, что снова повеселила тебя, — изображая обиду, заметила я.

— Не обижайся, мне нравится твоя прямота, — успокоил меня Влад. — Надеюсь, ты предупредила родных, потому что я не отпущу тебя так скоро: я только вошёл во вкус.

— В некотором роде я взрослая девочка и сама могу позаботиться о себе, — ответила я, хоть и не уверена, что разговор с отцом пройдёт гладко, а уж бабуля точно устроит мне истерику.

— Я рад, что ты решила остаться со мной, — поцеловав меня в макушку, похвалил меня Влад.

— Не могу избавиться от чувства, что всё это добром не кончится. — Уткнувшись в плечо Влада, решила сказать. — Мне нереально хорошо — так не бывает.

— Не думай об этом, — посоветовал Влад. — Время покажет, что с нами будет, а до тех пор наслаждайся жизнью. К счастью, у тебя для этого есть всё.

Окно от пола до потолка в нём луна, звёздное небо и мы, как на ладони сквозь стекло.

Почему меня это больше не беспокоит?

— Красивый пейзаж и грустный одновременно.

— Включить яркий свет? — предложил Влад.

— Нет, не хочу, — замотала я головой. — Дикие звери увидят нас. Почему не повесишь шторы?

— Мне нравится моё «обнажённое» окно.

— Кажется, я поняла суть — не отделяй себя от мира и узнаешь, какой он удивительный. Это и есть истина. Пусть смотрят, — осмелев, сказала я.

— Хочу тебя успокоить — нас никто не может видеть, там верхушки деревьев, — успокоил меня Влад. — Ну, если только белка, наша подружка сидит на ветке и радуется нашему счастью.

Влад улыбнулся, а я захихикала. Я сейчас необыкновенно счастлива, надеюсь, что и Влад тоже.

Даже не заметила, когда уснула. Мы говорили, говорили, а потом я провалилась в сон — усталость взяла своё, я ведь так и не отдохнула после ночного дежурства. Надеюсь, Влад тоже спал, а не наблюдал, как я сплю. Это только в кино, да в романах женщины во сне выглядят, как богини, и волосы у них щёлком разметались на подушке, а в реальности во сне мы все выглядим неприглядно.

Утром, после завтрака мы вышли на прогулку в лес. Я решила остаться с Владом пока его родители и кузина Ольга в Тамбове, а бабуля переживёт моё отсутствие. В конце концов, мне надо устраивать мою жизнь.

Осенью в лесу спокойно и я бы даже сказала медлительно. Сыро, промозгло, а тут ещё дождик стал накрапывать. Я не в восторге от слякоти, но рядом с Владом любая погода благодать. Влад обожает осень в любом проявлении, и, как он сказал, готов переселиться в домик на дереве, чтобы впитать всю прелесть увядания природы. Не представляю, что он находит в запахе прели и сырости? Влад романтик и мне это нравится.

В кармане у Влада «ожил» смартфон. Он неохотно вынул его и ответил.

— Нет, я не один. Сейчас неудачное время, — сказал он кому-то. — Это может подождать до завтра? — Он покачал головой и посмотрел на меня с сожалением. — Хорошо. — Отключив смартфон, он выдержал паузу, прежде чем объяснить мне, в чём дело. — Возникли некоторые проблемы, и я должен помочь одному человеку. Ты подождёшь?

Чёрт, вот так всегда, кто-нибудь непременно вклинится с проблемами в самый неподходящий момент.

Нет, я не готова расстаться с Владом сейчас, конечно, я подожду.

— Только можно, я останусь в твоей комнате, — попросила я.

— Не хочешь, чтобы тебя увидели в моём доме? — удивился Влад.

— Не хочу, чтобы кто-то вторгся в «наш мир», — объяснила я.

— Тебе, правда, хорошо со мной? — спросил Влад, взяв в ладони моё лицо.

— Типа того, — хитро улыбаясь, ответила я.

Влад нежно поцеловал меня в губы. Ай, больно. Мои губы после ночных страстных поцелуев распухли и теперь каждое прикосновение к ним болезненно: но боль, как ни странно приятная.

— Ладно, пора возвращаться, — сказал он, и мы вернулись в дом.

Влад проводил меня в свою комнату. Он попросил меня не скучать, а я ему ответила, что в этой комнате не может быть скучно. Влад улыбнулся и пообещал напомнить, как здесь «не бывает скучно», как только освободится от непредвиденных дел.

Когда он ушёл, я взяла с полки первую попавшуюся книгу, легла на кровать и открыла последнюю страницу.

«Так окончилась история удивительной жизни Таис Афинской. Тьма Аида, глубина прошедших веков, поглотила её вместе с первым на Земле Городом Любви и Неба.

Создание светлой мечты не могло долго существовать среди могучих и свирепых царей, полководцев, жрецов фальшивой веры, корысти и обмана».

Книгу я вернула на полку — не в моём вкусе. Но текст, впечатлил меня. Свет реально раздражает общество, поэтому мечтам не всегда удаётся сбыться — не позволят завистники. А завистниками можно считать весь мир людей.

Мой взгляд стал блуждать по комнате — слишком просторной и высокой. Стены белые без какого-то ни было антуража: ни картин, ни другого декора. Пол устлан светлым ковровым покрытием. Мебель тоже светлая. Бельё на кровати, покрывало — всё белоснежное. Не за что зацепиться взглядом. В комнате нет красок. Прозрачная стена, пожалуй, самое яркое пятно, потому что сквозь неё проглядывается лес и кусочек неба. Вот, значит, что — прозрачная стена единственное яркое пятно, картина, которая меняется соответственно погоде за окном. Хм... А это интересно. Летом одни краски, зимой другие и так всякая пора меняет пейзаж на «холсте».

Интересно, чтобы Влад подумал о моей комнате? О белье на кровати в голубой цветочек — бабушкин выбор. Или о ярком ковре на полу с ромбами и квадратами. Ему, наверное, не понравились бы тяжелые шторы на окнах, которые по утрам не пропускают в комнату солнечный свет. Влад любит открытость, прозрачность, простор, а я, по сути, замкнутая особа и люблю уют маленьких комнат.

Кажется, уже прошёл целый час. Голоса внизу стихли. Я поднялась с постели и подошла к длинному светлому шкафу во всю стену, который может, вместить в себя целую коллекцию мужской одежды. Наверное, рыться в чужих вещах, это нехорошо, но вот такая я любопытная. Отодвигаю одну дверцу. На полке стопка рубашек. На вешалках в ряд костюмы — тёмно серый, тёмно синий, чёрный и ещё чёрный, а дальше снова рубашки, но уже на вешалках. Зачем так много? Ладно, если бы Влад работал в представительной фирме, а так, даже не знаю, на что ему вся эта роскошь. Ни разу не видела его в официальной одежде.

За другой дверцей стопки футболок, джинсов, а на вешалках толстовки и шоты — опьяняющий запах свежести вперемешку с запахом хозяина.

Я закрыла шкаф и перешла к комоду. В нём шесть выдвижных ящичков. Выдвинула первый на выбор и ахнула — старинная книга без названия в потемневшей от времени

обложке. Рядом крупный серебряный браслет с вырезанным замысловатым рисунком и изображением головы волка в центре.

Влад оборотень? А какое ещё назначение могут иметь эти атрибуты. Или они с помощью магии контролируют волков — это всё, что мне пришло в голову на этот момент. Так или иначе, но всё это требует объяснений. Возможно, это и есть правда, которая со временем откроется мне.

— Скучаешь?

Влад застал меня врасплох. Хорошо, что я успела задвинуть ящик и отойти к окну, а точнее к стене, которая и есть одно огромное окно.

— Я же сказала, что тут не бывает скучно, — ответила я, соорудив на лице милую улыбку.

— Ещё пару минут, и я присоединюсь к тебе, — пообещал Влад и снова вышел из комнаты.

Нет, ничто не в силах оторвать меня от этого парня — я люблю и любовь моя слепа. А книга, ровным счётом ничего не значит. Старинный артефакт. Богачи коллекционируют разный хлам, вот и Влад туда же. Браслет и книга — это коллекционный антураж, не более того.

Но если вспомнить тех волков из заповедника, то старинные атрибуты могут иметь иной смысл. Даже не знаю, что думать. Нужно ли мне всё это? И какая правда мне откроется?

— Заждалась, — произнёс, Влад, входя в комнату, изображая пластику хищника, крадущегося к жертве.

— Не то слово, — как ни в чём не бывало, сказала я и протянула к нему руки. — Иди ко мне.

— Мне нравится, твоя смелость и решительность, — сказал Влад, подхватил меня на руки и бесцеремонно бросил на кровать, а сам лёг рядом.

— И ещё глупость, — добавила я к сказанному им.

— Глупость? Я услышал сожаления в твоём голосе. — Влад привстал, опершись на локоть. — Что случилось, Виктория?

— Ничего не случилось.

Лучше ему не знать, что я в отсутствие хозяина рылась в его вещах.

— Иди сюда, — загребая меня в объятия, сказал Влад.

Что-то происходит, когда наши губы соприкасаются. Влад целует меня настойчивее и настойчивее. Вот и всё. Я пропала, и я тону в глубоком тёмном омуте любви.

— Кто приходил к тебе? — не удержалась и спросила я позже.

— Лучше тебе не знать.

— И всё же? — не отстаю я.

— Твой друг, Степан. У нас с ним одно дело выгорело.

— И какое такое дело?

— Твой друг бывает полезным, он механик от бога.

Ничего себе! Кто бы мог подумать, что Стёпка вступит в сделку с «гоблином».

— Степан помогает тебе?

— Нет, детка, это я помогаю ему заработать.

Вот откуда у Стёпки деньги, а бабушка верит, что он их зарабатывает в Автомастерской. Эх, знала бы моя бабуля, какой благородный парень, Влад.

Домой я вернулась на следующий день поздним вечером. Нет, бабушка не устроила истерику, она просто сказала, что я должна впредь предупреждать, если соберусь ночевать не дома, иначе она сообщит о моём поведении моим родителям. Значит, она ещё не успела нажаловаться папе? Это хорошо.

Зайдя в свою комнату, я первым делом сняла с окон тяжёлые шторы: тюль всё же оставила. Бабуле сказала, что шторы собираюсь постирать, на что она удивилась и попыталась объяснить мне, что они новые и не успели запылиться, но я настояла на своём. Бабушка пожала плечами и отступила.

Я лежу в своей постели, на белье в голубой цветочек и гляжу в потолок. Розоватые стены, картина «фруктовый натюрморт», яркий ковёр на полу — сейчас меня раздражает моя комната. В комнате чисто, но нет прозрачной чистоты и нет покоя — есть жизнь, суровая и загруженная пустыми мелочами. Я во всём стараюсь подражать Владу, разве это хорошо? Или лучше сказать, разве это правильно?

Чёрт возьми, а ведь я влюбилась. Я помню каждую секунду, проведённую с Владом. Его обворожительный голос всё ещё звучит в моих ушах — «Будь со мной и я подарю тебе счастье». Да, он так сказал.

Жаль, что Влад должен уехать в Тамбов, его отец попросил приехать, что-то надо решить там. Какой долгой будет неделя, я знаю. Что я буду делать без него? Пожалуй, позвоню Стёпке. Он злится на меня, но разве я просила его пугать меня? Мы с ним не виделись, уже целую вечность. Не хорошо так поступать с друзьями. Он заботится обо мне, а я обижаюсь на него. Просто Стёпка не знает, какой Влад классный. Но есть надежда, что они подружатся.

Глава десятая

Неделя, как я и предполагала, тянулась долго и уныло. Скука, приправленная затяжными дождями и серостью, превратила мою жизнь в слякотное желе, из которого, казалось, уже не выбраться. Сегодня свободный день. С утра с бабулей занялись стиркой, потом обедали, а потом я до вечера зависала в интернете. За ужином бабушка была разговорчивая, вспоминала, как мои родители встретились. Конечно, это произошло в местной больнице. Мой отец в то время работал водителем, а мама медсестрой, вот они и встретились там. Банально, поэтому и ненадолго, я так полагаю. Для того чтобы брак был крепким нужны чувства и не просто чувства, а фейерверк эмоций. Я не выйду замуж пока не испытаю нечто подобное. Пока не уверена, что Влад и есть тот человек, слишком много тайн вокруг него.

— Мать, когда думаешь навестить? — спросила бабушка.

— Не в эти выходные, — ответила я с невозмутимым спокойствием. — Поеду уже к маминному дню рождения.

— Восемнадцатого октября у неё, кажись?

Бабушка помнит и мне это приятно. Она не сердится на неё, просто ей обидно, что её сын остался без семьи. Наверное, каждая женщина желает своим детям счастья и если кто-то обижает их чадо, тут не до церемоний.

— Ну вот, и с друзьями повидеешься, развеешься. Сидишь целыми днями, на улицу носа не высовываешь, только до больницы добежишь, да и обратно. У тебя же есть друзья в Тамбове?

— Есть, бабушка, есть, — кивнула я, ковыряясь вилкой в тарелке.

— Не ешь ничего, разве это дело?

— Бабуль, я не голодная.

— Тамара Александровна просила тебя зайти к ней.

— Хорошо, бабуль. Поем и схожу к ней.

Тамара Александровна бабушкина соседка. Тучная и одинокая женщина, страдающая диабетом. Я оказываю ей посильную помощь, потому что для Тамары Александровны пойти в поликлинику довольно проблематично. Обычно её отвозит мой папа по просьбе бабули, но сейчас у него совсем нет времени: он теперь и в нашем доме редкий гость. Работы невпроворот, а ещё, мне кажется, у него появилась женщина. Хорошо бы если так — хочу, чтобы папа, наконец, определился в жизни. Мой папа видный мужчина, он высокий, стройный и без этого отвратительного «пивного» животика, который неизменно появляется у мужчин, которым перевалило за сорок. Лицо у папы без морщин, хоть ему уже почти пятьдесят лет. Седина едва коснулась висков и характер у него хороший — мой папа спокойный и уравновешенный мужчина.

— Стёпка с утра приходил. Он просил передать, что будет ждать тебя сегодня вечером в кафе. Наверное, ты знаешь в каком кафе, раз он так сказал. Говорит, прощения хочет у тебя просить, а что он сделал-то?

— Да, так, провинился малость, — улыбнувшись, ответила я. Зачем бабушке знать, какой опасности подверг меня мой друг, пусть считает его героем. Я ведь уеду, а они останутся тут.

— Ну ты уже сходи, — попросила меня бабуля.

— Сначала зайду к Тамаре Александровне, а после пойду в «Сказку».

— Устала, наверное, — пожалела меня бабуля. — Всю неделю колесила по округе. Ну, это хорошо, опыта наберёшься. Всё лучше, чем на побегушках, тут ты сама себе хозяйка.

— Я не одна езжу, ко мне приставили опытного доктора Елену Викторовну.

— Ну, тоже не плохо. Набирайся опыта, раз занялась врачеванием. Это дело серьёзное. А людям везде медицинская помощь нужна. Помню, как тяжело нам было, пока больницу не построили. Ездили в Тамбов со своими «болячками». А то и к Устинье идёшь с поклоном, она помогала нам. Смолоду Устинья «чёрной» ведьмой считалась, а потом, её, как будто подменили — стала людям помогать, врачеванием занялась. А «травница» она великая, вам бы у неё поучиться.

Знаем мы эту «народную медицину». Сколько случаев, когда пациент приходит, а уже поздно. Спрашивает врач: «О чём вы думали?», а больной отвечает, что травами лечился у знахарки.

Ну, может, раньше другие знахарки были, как знать.

— Когда это было, в прошлом веке? — хмыкнула я.

— Тогда ещё Средние Борки селом величали. Глухомань была страшная. Волки вокруг села бродили, да ветры сквозняком задували.

Была? Глухомань и теперь, только что переименовали в посёлок городского типа, а местные Борки городом считают. А в городе всего три двухэтажных дома, да на улице Новой крутые коттеджи, а в основном частный сектор, избушки неказистые, старенькие.

— Ладно, бабуль, я поела. Пойду, навещу соседку нашу, а потом к Стёпке в кафе схожу.

Скоро вернусь, не переживай.

— Вот и хорошо, — кивнула бабушка. — Иди, одевайся, а я сама посуду со стола уберу.

В кафе под вечерлюдно. Играет музыка, молодёжь, что называется, отдыхает. А я просиживаю все вечера напролёт дома и не знаю, что городок оживает ближе к ночи. Просто молодёжь не бродит по улицам, они сидят где-нибудь в кафе, или в ЦДД занимаются кто чем. Там ведь и кино можно посмотреть, и потанцевать, и спортом при желании позаниматься. Может мне записаться в кружок «Кройки и шитья»?

Стёпка сидит за нашим столиком у окна. Он улыбнулся, когда увидел меня. А вот мне не до улыбок — Ольга, сестра Влада сидит за столиком в центре зала. Она бросила взгляд в мою сторону, и я ей кивнула, поздоровалась. К моему удивлению, она в этот раз ответила на моё приветствие добродушной улыбкой.

— Пришла всё-таки? А я думал, что ты в подземелье у гоблинов сгинула.

Интересно, Ольга слышит нас?

— Привет, — как можно спокойней, поздоровалась я со Стёпкой. — Что за срочное дело, что ты вытащил меня из дома, на ночь глядя?

— Значит, у вас всё серьёзно?

— Кажется, мы это уже обсудили, при весьма экстремальных обстоятельствах, — напомнила я.

— Ты сама не ведаешь, что творишь, — разозлился Стёпка. — Я же предупредил тебя, чтобы

ты не связывалась с этой семейкой.

— А ничего, что ты сам связался с этой семейкой? — язвительно заявила я. — Что, деньги «не пахнут»?

— О, уже рассказал тебе?

Стёпка насупился.

— Между нами нет секретов. Влад всегда честен со мной.

Пусть знает, что у нас с Владом всё серьёзно и что я не очередная игрушка на выброс.

— У меня есть руки и мозги, и я умею чинить дорогие иномарки. Влад помогает мне найти клиентов, вот и вся его помощь.

— Я не осуждаю тебя, Стёпка, — успокоила я друга. — Просто, если ты сотрудничаешь с кем-то, нехорошо о нём дурно отзываться. Влад ведь просто помогает тебе, безвозмездно.

— Ну, положим так и что? — смущённо пробормотал Степан.

— Вот видишь, а ты говоришь, что он плохой, — совсем по-детски сделала я замечание другу.

— Тётка Устинья просила тебе сказать... — осторожно начал Степан.

— Стоп! — остановила я его. — Тётка Устинья пусть знает своё место и не суёт свой нос в мою личную жизнь.

— Не могу поверить, что ты выбрала «гоблина». — Ну вот, снова он за своё. — У меня, между прочим, тоже деньги водятся.

Ольга взглянула на нас. Степан бывает несносным. Зачем только пришла сюда.

— Ничего, что за соседним столиком сидит кузина Влада? И, кстати, деньги здесь не при чём, — сказала я.

— Хорошо, я буду говорить тише, — согласился Стёпка. — Ты в курсе, что с их семьёй что-

то не так?

— Знаю. Все считают их ненормальными. А ты нормальный? — в шутку поинтересовалась я.

— Вот я, нормальный. Я окончил школу, отслужил в армии, освоил профессию. Хорошую профессию, между прочим, денежную.

— Вот видишь, это твои личные «нормы». А Влад окончил два института и не работает — это его норма. Да, возможно, он не служил в армии, но это ещё не критерий нормальности.

— Защищаешь его, — покачав головой, сказал Стёпка.

— А что мне остаётся делать, если вы устроили гонение на него и его семью.

Стёпка замолчал. Сидит, разглядывает ромбики на скатерти, обводит их пальцем. Я жду, когда он хоть что-то скажет в своё оправдание.

К нам, наконец, подошла официантка. Я попросила принести мне апельсиновый сок, а Стёпка заказал пиво. Ладно, пусть так.

Девушка вернулась, не успев отойти. Она поставила на стол заказ и спешно удалилась. Сегодня им приходится суетиться, много посетителей и они буквально летают между столиками.

— Когда я узнал, что собираешься вернуться в наш городок, я надеялся...

О боже, только не это. К чему все эти разговоры, я не понимаю.

— Но ведь мы дружим, — остановила я парня. — Я пришла по твоему первому зову. И если ты хочешь услышать мой дружеский совет...

— Дружеский? — сглотнув, переспросил Стёпка.

— Именно, — назидательно произнесла я. — Пообещай мне, что впредь ты не станешь заводить эти бесполезные разговоры, и тогда мы останемся друзьями. — Стёпка кивнул, согласился со мной. Вот и хорошо. — А теперь давай, рассказывай, зачем позвал меня?

— Просто хотел повидаться. Знаешь, я мог бы предложить тебе... — Стёпка умолк на полу слове. Он совсем сник, и мне стало его жалко. Даже не знаю, чем могу ему помочь.

— Завтра в ЦДД соревнования по вольной борьбе, я участвую, — сказал он. — Если бы ты пришла поболеть за меня, я бы обрадовался. Начало в шесть.

Завтра? Чёрт, но ведь завтра возвращается Влад из Тамбова. Вот если бы сегодня, или вчера, а так... даже не знаю, как быть.

— Хорошо, — пообещала я, хоть и знаю, наверняка, что подведу друга. — Я постараюсь, — добавила, чтобы Стёпка был готов к тому, что меня может не оказаться среди болельщиков.

— Значит, не придёшь, — покачав головой, сказал Стёпка. — А говоришь, что мы друзья.

— Друзья, конечно, — защебетала я. — И я приду, вот увидишь.

— Тётка Устинья колдунья в пятом поколении. Она сильная ведьма. Так вот, она говорила, что в заповеднике живут оборотни...

— Послушай, Стёпа, — остановила я друга. — Ты вообще слышишь себя? Оборотни, гоблины, вампиры — их не существует в природе. Ты серьёзно? Веришь в сказки до сих пор?

— На счёт гоблинов не могу сказать, — пожимая плечами, задумался Стёпка. — Но иногда мне кажется, что оборотни реально бродят в наших лесах.

— Тебе бы к психологу сходить, — посоветовала я.

— Знаешь, а я всё равно так просто не отступлю, — прищурившись, произнёс Стёпка. — Ещё посмотрим, кто нормальный, а кому лучше не появляться в лесу без охраны.

Ах, Стёпка, зачем строить пустые надежды. Впрочем, может ему так будет легче пережить разочарование?

Кстати, что он имел в виду, сказав, что кому-то лучше не появляться в лес без охраны?

Хотя, это пустые угрозы. Ну что может сделать Степан? Он и мухи не обидит, не то, чтобы человека.

Стёпка проводил меня домой и ушёл восвояси. Хорошо с ним и спокойно, когда он не достаёт меня разговорами об отношениях. Он мне, как брат, которого у меня никогда не было и теперь уже, наверное, не будет: если только папа не женится на молоденькой дамочке и та преподнесёт ему сюрприз. А что, я бы не возражала понынчиться с братиком или сестрёнкой.

Бабушка ещё не спала. Она смотрела телевизор в своей комнате. Я постучалась к ней, а потом вошла к ней.

— Бабуль, а что за разговоры ходят среди местных, будто в заповеднике живут оборотни?

— Кто его знает, — пожимая плечами, ответила бабушка. — Но ведь люди зря болтать не будут. Вот, Петрович говорил, что сам видел, как волк из собственной шкуры выскочил и обратился в человека. И признал он в том человеке, друга своего Савелия, сгинувшего в лесу, лет пять тому назад. Так вот он сказывал, что затаился в овраге и до ночи ждал, чтобы из лесу выбраться живым. Савелий, вишь, в людском образе на солнышке грелся, да с пригорка на Борки глядел, всё глядел и глядел, аж до самой ночи, пока последние огоньки в городке не погасли. Потом снова в шкуру волчью облачился, и сиганул в кусты.

— И ты веришь, этому Петровичу?

— А то! — многозначительно произнесла бабуля. — Петрович старик мудрый, как же ему не поверишь.

— Надо же, какие страсти у вас тут кипят — в шутку испуганно сказала я и поднялась с кресла. — Спокойной ночи, бабулечка — сказала я и поцеловала её в щеку.

— Иди, отдыхай — проводив меня взглядом до двери, ответила бабуля. — И не бойсь, дом у меня под защитой, Устинья помогла мне.

— Ладно — покачав головой в недоумении, сказала я и ушла в свою комнату.

Вот вам местный менталитет. Скучно им здесь, вот и выдумывают разные байки. И ведь верят, что человек может превратиться в волка и наоборот. Как, скажите мне?

В полночь, как по приказу я открыла глаза. В тот момент я пожалела, что сняла тёмные шторы — на меня снова смотрели волчьи глаза. В лунном свете волчий взгляд показался мне печальным и умным. Не может вот так осмысленно смотреть волк. Я медленно натянула одеяло, укryвшись с головой. Долго не могла решиться взглянуть в окно, чтобы удостовериться, что зверь исчез. Наконец, осторожно вылезла из-под одеяла и посмотрела в окно. Волк исчез. Но я не уверена, что это был волк — оборотень, как есть, оборотень.

Глава одиннадцатая

Мы в домике на дереве. Влад сидит в кресле, а я сижу на полу у него между ног, на мягкой подушечке. Он играет моими волосами, накручивая на палец локон за локоном, пропускает их между пальцами, слегка оттягивая. Приятно.

— Здесь тепло и уютно. И надёжно.

— Этот домик строили специалисты. Всё продумано до мелочей.

— Да, я заметила.

Здесь даже биотуалет есть и автономный обогрев. Наверное, домик этот влетел в копеечку семье Шумиловых, но оно того стоит.

— Я видела Ольгу вчера в кафе.

Если сестра ему рассказала, что видела меня со Степаном, так лучше я признаюсь сама.

— Да? — удивился Влад. — А я думал, что у тебя на отдых не будет времени, и ты всю неделю будешь трудиться не покладая рук.

— Так и было. Всю неделю лил дождь, и я скучала в одиночестве.

— Вот как? Зато сегодня солнечно.

Так и есть. В пятницу с утра тучи развеялись, и выглянуло долгожданное солнышко. Оно не такое приветливое, как летом, но с ним и мир краше. А если учесть, что сегодня с утра я ждала встречи с Владом, то солнышко прямо в точку выглянуло — природа радуется вместе со мной.

— А ты, как провёл эти дни? — поинтересовалась я.

— Я скучал, — признался Влад.

Скучал вообще, или скучал без меня? Не понятно.

— Спасибо, что пошёл со мной на соревнования, — поблагодарила я Влада.

Конечно, я уговорила Влада пойти со мной и поболеть за моего друга. Стёпка такой ранимый и он очень хотел видеть меня в зале. Он расстроился немножко, когда увидел Влада рядом со мной, но ведь я сдержала слово и пришла в ЦДД.

— Твой друг не стал победителем, — улыбнувшись, заметил Влад.

— Противник оказался сильнее и изворотливее, но я болела за Степана.

— А я болел за верзилу, — посмеиваясь, признался Влад. — Стёпка хороший парень и если бы он не пытался увести тебя, я бы к нему ещё более был благосклонен.

— Он уже не пытается.

Влад улыбнулся, как будто ему что-то известно, по этому поводу.

— Что?

— Ничего.

Он всё ещё улыбается загадочно.

— Я же вижу, что ты улыбаешься.

— Кажется, Степан стал ухаживать за моей кухней, — признался Влад.

— Ого! Ничего себе, — воскликнула я. — Это было бы очень хорошо.

— Замечательно, — кивнул Влад. — Все счастливы, в конечном счёте.

А что, очень даже было бы здорово, но я боюсь, что Степан действует в отместку мне. Я не питаю дружеских чувств к Ольге, но не хотела бы, чтобы мой друг обманывал её.

Мой взгляд лениво скользит по комнате и останавливается на кровати. Она деревянная и похожа на театральную декорацию. Причудливо изогнутое изножье, а изголовье повторяет

форму изножья в противоположном направлении. Слева от изголовья деревянный брус в форме вытянутого листа, в который встроены три округлых светильника. Шесть маленьких подушек сочетающихся между собой цветов расставлены в изголовье.

— Нравится? — спросил Влад.

— Да, я люблю, когда кто-то возится в моих волосах.

— Могу позаимствовать блошек у наших волков, — пошутил Влад.

— Нет, твои руки нежнее, — рассмеявшись, ответила я.

— Я про кровать сказал, нравится? — хмыкнул Влад. — Ты с таким интересом смотрела на неё.

— Эй, откуда ты знаешь, куда я гляжу?

— Я вижу тебя в зеркальном отражении.

Точно. Как неудобно вышло. Прямо передо мной зеркало, встроенное в дверцу мини бара и Влад наблюдает за мной бесцеремонно.

— Мне нравится мебель в домике. Её прямо здесь мастерили? — поинтересовалась я, чтобы хоть как-то сгладить неловкое замечание Влада.

— Мебель изготовили на заказ, но собирали в домике рабочие.

Конечно, рабочие, разве Влад станет заниматься таким «грязным» делом. Всё в его жизни иначе, не так, как у нас — приходится выполнять и грязную и чистую работу. Да, Влад может подарить мне жизнь без хлопот, но разве это важно? Я буду любить его «и в богатстве и в бедности, пока смерть не разлучит нас», только бы он понял, что я его судьба.

Влад задумался. Смотрит в окно и думает о чём-то.

— Любишь подумать в тишине, без посторонних глаз.

— Человеку время от времени необходимо взглянуть на себя со стороны, а так же заглянуть в себя. Ты ведь тоже не исключение, любишь покопаться в своих мыслях.

— Перед сном, в постели, — призналась я. — Я вспоминаю прожитый день и делаю выводы.

— Неплохо, — произнёс Влад и поцеловал меня в макушку.

Вот так сидела бы в домике целую вечность. Здесь тихо и нет надоедливой суеты. Ну, не так уж и тихо — в кустах шебаршится кто-то, птица лесная кричит, но ведь это не суета — это таинственные звуки природы. Так было и будет, пока солнце светит, земля вертится, а люди не разучились любить, пока мир не перевернулся...

Кстати, о природных катаклизмах.

— А если в дуб ударит молния? — спросила я, в надежде услышать ответ, что на дубе установлен громоотвод.

— Никто не застрахован от случайностей.

Ничего себе. Дерево — самое опасное укрытие во время грозы.

— Но ведь мы можем погибнуть.

— На всё воля божья, — несколько иронично ответил Влад. — Так ты не ответила, нравится тебе кровать или нет?

Ах да, кровать.

— Ну, она, я думаю, мягкая, удобная и не скучная.

— Ладно, пойдём, проверим, — предложил Влад и резко поднялся на ноги. А потом подхватил меня на руки и утащил на кровать. Бросил меня, а сам лёг сверху: сегодня он не так нежен, как в прошлые выходные и мне это неожиданно нравится. Его руки властно по-

хозяйски изучают моё тело. Он целует меня, больно впивается в губы.

Что-то не так? Откуда взялась агрессия, я бы так назвала его действия.

— Мне больно, — простонала я.

— Это хорошо, — посмеиваясь, отозвался Влад. — Ты должна помнить обо мне каждую минуту, когда меня не будет рядом.

— Я и без того каждую минуту думаю о тебе, — призналась я.

Не могу поверить, что этот парень превратил меня в послушную рабыню — я на всё готова. Это и есть любовь? Не понимаю, что со мной происходит, когда остаюсь с ним наедине.

— На прошлой неделе ты меня удивила.

— Я рада, что способна удивлять тебя, — в шутку заметила я.

Влад молчит, а мне так хочется узнать, чем я его удивила.

— Ты не спросила про книгу.

Чёрт, он знает, что я рылась в его шкафу? Ох, как же неловко. Собрав оставшееся самообладание я, как ни в чём не бывало, в шутливой форме поинтересовалась содержанием книги: приходится шутить, иначе сгорю со стыда.

— Я нашёл её на чердаке нашего дома в Сибири. И браслет там же лежал, в коробке из-под обуви. Мама, когда мы собирали вещи, посоветовала взять эти предметы с собой — это атрибуты очень сильной ведьмы.

— И книга, и браслет, наверное, бесценны. Современные ведьмы могли бы отдать много денег, только бы заполучить древние писания.

— Хочешь продать древние писания? — звучно рассмеялся Влад. — Она бесценна. Это книга Тайн.

— Если честно, я бы прочитала её.

— Не прочла бы, там одни иероглифы.

— А расшифровать не пробовал?

— Нет, не пробовал, — ответил Влад и почему-то стал серьёзным.

Я не планировала разрушать романтический настрой и теперь злюсь на себя, что завела этот разговор.

— Я бы могла попробовать. Мне нравится разгадывать шарады. Вдруг там заговоры какие-нибудь зашифрованы или предсказания. Или можно пойти к бабке Устинье, она точно прочтёт.

— Устинья? Она же не грамотная — с ироничной улыбкой заметил Влад.

— Чтобы расшифровать наследие сильной ведьмы, нужны другие знания.

— Забудь, — улыбнувшись, сказал Влад и поцеловал меня в губы: едва прикоснулся к ним.

— Тебе нравится командовать? — спросила я.

— Мне нравится властвовать, — ответил он. — Меня возбуждает покорность.

— А мне нравятся сильные мужчины.

— Я хочу, чтобы ты переехала жить ко мне.

Вот это поворот. Сначала предупредил, чтобы я знала своё место, а теперь делает нереальное предложение.

— Переехать на дерево? — в шутку поинтересовалась я.

— В наш дом, — серьёзно произнёс Влад.

— Но, я... как бы живу у бабушки. Мама... — стала несвязно бормотать я.

— Ты взрослая девочка, Виктория. Ты сама вправе решать, как поступить в той или иной ситуации. Или тебе непременно нужен штамп в паспорте? Давай распишемся.

— Нет, формальности меня мало интересуют, — поспешила высказать я своё мнение на этот счёт. Не могу понять, шутит он, или серьёзно предлагает мне жить под одной крышей.

— Я не тороплю тебя с ответом. Подумай.

— Хорошо, я подумаю, — пообещала я, хоть и не представляю, способна ли я добровольно отдаться в беспрекословное подчинение.

Не представляю, как скажу маме, она точно закатит истерику, станет говорить, что все планы рухнули, а она так мечтала, чтобы я окончила Медицинский институт, и чтобы я работала в хорошей клинике. А папа? Он ведь не позволит мне просто уйти, потребует официальной регистрации брака. Даже не знаю, как быть.

— У тебя такой растерянный вид, — посмеиваясь, заметил он.

Ещё бы тут не растеряться, не каждый день тебе вместе жить предлагают.

— Так и есть, — призналась я. — Слишком много всего навалилось.

— Никогда не позволяй близким людям вторгаться в твоё личное пространство. Родственники первое зло на пути к достижению цели.

Это его жизненное кредо? Меня учит жить, а сам два института окончил и, думаю, не без родительских наставлений. И теперь, без родителей шагу ступить не может. Почему он, взрослый мужчина, до сих пор живёт с родителями? Был бы самостоятельным, давно уже укатил куда-нибудь. Так нет, он не станет обижать родителей, и останется с ними до конца.

— Всё развивается слишком стремительно, — пожаловалась я. — Ты уверен, что я нужна тебе?

— Да, — ответил Влад без тени сомнений. — И ты уйдёшь с работы — это не обсуждается.

Куда он торопится, ведь мы едва знакомы. Может, он социопат? Люди с такого вида психическим расстройством живут в разладе с обществом, что, несомненно, присутствует в характере Влада. Он так же сказал, что мне кое-что придётся узнать о нём, так может, это и есть его тайна? Психическое расстройство — это проблема.

Хотя, нет, не может быть, Влад умный и образованный человек. Это я сгоряча так плохо подумала о нём. Просто предложение прозвучало слишком рано. Мы недостаточно знаем друг друга, чтобы жить вместе, да и готова ли я перечеркнуть намеченные планы ради этого мужчины. Не знаю. Думаю, это будет очень опрометчивый шаг. Так нельзя. Разве можно ставить на чаши весов любовь и жизненные стремления? Не думаю, что это честно.

Я бы сказала, что Влад ведёт себя эгоистично. Конечно, у него много денег, и он сможет содержать нас обоих, и мне не придётся работать, но разве это правильно? Я не хочу жить затворницей — мне нужен коллектив.

— Не думаю, что моей маме понравится, если я уйду из профессии, — нарушила я молчание.

Влад молчит. Я жду, когда он скажет, хоть что-нибудь.

— А знаешь, что я думаю? Твоё тело идеально, — неожиданно сменил тему Влад и повернулся ко мне лицом, подперев рукой подбородок. Он так жадно разглядывает меня, что я, конечно, краснею под его жадным взглядом. — Гибкое, изящное, сияющее. — Ого! Это приятно слышать. — Удивительные формы. Живот словно шёлковый, плавно стремится к изгибу бёдер. — Влад нежно провёл рукой по моему животику и дальше к моему сокровенному местечку. — А тут... — О боже, я вся в его власти. — Бесконечно

чуткое к прикосновениям, обожаемое мной тайное местечко.

— Серьёзно? — попыталась я всё обратить в шутку.

А Влад не щадит меня, поглаживает моё тело, пощипывает, растирает и вдруг повернув меня на бок звонко шлёпнул по попе. От неожиданности я вскрикнула, но уже через мгновение поняла, что мне это понравилось.

— Надеюсь, ты готова меня принять, — произносит он и вдавливая меня своим телом в матрас.

Вот так всегда — он подавляет меня, но готова ли я к повиновению.

— Пора выбираться отсюда, уже стемнело, — предложил Влад. Сейчас пойдём в дом.

— Твои родители дома? — Влад положительно кивнул. — Лучше останемся тут.

— Трусиха, — посмеиваясь, заметил он. — Значит, моё предложение переехать ко мне, отложено в долгий ящик? — Опять он вернулся к этому разговору. — Я не люблю ждать. И ещё догонять.

— А я не заморачиваюсь по этому поводу. Жду, когда нужно ждать тороплюсь, если нужно поспешить.

— Флегматик, — улыбнувшись, заметил Влад.

— Так и есть, но это не имеет значения.

— А что имеет значение? — спросил Влад, глядя мне в глаза, а заодно и в самую душу.

— Ты и я. И то, что с нами будет.

Влад улыбнулся и положил руку мне на бедро, словно лев, охраняющий свою самку. Вот в этом он весь — властный, не терпящий соперничества.

— Может, тут останемся?

У меня слипаются глаза, и я уже около часа борюсь со сном.

— Да, конечно, поспи, — сказал Влад и погасил свет. — А я буду охранять твой сон.

Уснёт, я знаю. Ну, не оставит же он меня тут одну. В окошке-иллюминаторе темно, хоть глаз выколи. Я закрываю глаза и сразу проваливаюсь в сон. Мне хорошо и спокойно. Не хочу думать не о чём тревожном.

В бабушкином доме пахнет жжёной травой.

— Бабушка, что сгорело? — спросила я с порога.

— Дом «чистила», — ответила она и ушла в свою комнату.

Бабушка, время от времени, очищает дом, как она говорит «от скверны», жжёт чертополох или зверобой, но прежде делает влажную уборку, добавляя в воду соль. Глупость, конечно, но она уверена, что дом со временем вбирает негатив, от которого нужно избавляться. К слову, в городке эта процедура само собой разумеющееся.

Я ушла в свою комнату и до ужина не выходила. Лежала на кровати, впереv невидящий взгляд в экран телика. Думать не о чём не хотелось: боялась заблудиться в собственных мыслях и не найти выход. Я влюбилась, а это не входило в мои планы. Прежде, я не испытывала таких сильных чувств и не знаю, чего ждать теперь.

Спустя час я наполнила ванну и с удовольствием погрузилась в тёплую воду. Как мало нужно человеку для счастья — маленькая комнатка, наполненная паром с чудесным запахом чайной розы и в голове не осталось ни одной мысли. Я расслабилась и забылась — так приятно. Я слышу, как бабушка возится на кухне. Она обиделась, хоть меня и не было дома чуть меньше суток: я ушла в пятницу в шесть, а вернулась в субботу, в четыре часа дня. И она ещё не знает, что завтра Влад предложил мне провести вечер вместе на нейтральной полосе, и я знаю точно, что бабуля снова обидится. Может, стоит подумать о совместной жизни с

Владом? Кто мне запретит.

Ох, нет, слишком рано. Эти его предупреждения о сужении моего личного пространства напугали меня, и теперь прежде чем я приму решение подумаю сто раз.

— Вылезай, красавица, — постучала в дверь бабушка. — Ужин стынет.

У бабушки добрый голос, значит, я прощена. Конечно, я поспешила к ней, хоть немного побудем вместе. Мы вместе коротали время, а теперь я оторвалась от дома и бабуле скучно в одиночестве.

— Завтра ты дома? — спросила она, ковыряясь вилкой в своей тарелке.

— До шести я свободна.

— Хорошо, — спокойно согласилась она. — Поможешь мне днём вещи в шкафу перебрать, а потом иди, гуляй, дело молодое.

Ну, слава богу, бабуля перестала дуться на меня.

— Конечно, помогу, — пообещала я.

— И не задерживайся, завтра, — заранее предупредила бабушка. — Тебе с утра на работу.

Точно. Работа. Как же я не хочу идти на работу. Влад прав, женщина должна сидеть дома, варить щи и воспитывать детей, и это залог крепкого брака.

— Тебя опять по сёлам определили?

— Нет, бабушка, я своё отъездила, теперь другую бригаду направили.

Всё утро следующего дня, мы с бабушкой разбирали её скарб. Боже, чего там только нет, а в основном хлам, который требует срочной утилизации. Я спросила, зачем она хранит всё это, а бабуля, посмеиваясь, ответила, что выбросить жалко. Но пару ценных вещичек я всё-таки нашла и выпросила у бабушки: бронзовый подсвечник, который бабуле и дедуле подарили на бронзовую свадьбу и ещё серебряную чашу, соответственно подаренную на серебряную свадьбу, а вот до золотой свадьбы дед не дожил.

Я не помню деда, маленькая была. Бабушка говорила, что он любил меня и с гордостью выводил меня на прогулку. Он так и не узнал, что мама с папой развелись.

— Так я возьму эти вещи? — спросила я.

— Бери, не жалко, — сказала бабуля. — Только береги, не выбрасывай.

— Да кто же такое выбросит, бабушка. Это ведь раритет.

— Говори по-русски, — выругалась она. — Страх как не люблю, когда подражают заморским врагам. Пусть они нам подражают.

У бабушки свой взгляд на жизнь и не мне её переубеждать.

Часть вторая Глава двенадцатая

На лесные тропы тонким слоем лёг снег. Это ещё не тот снег, который холодом обжигает лапы, завтра от него не останется и следа. В здешних местах снег, раньше декабря не ложится на землю. Лунный свет освещает лесные тропы, что значительно облегчает бег. Что-то случилось, иначе он не стал бы их беспокоить посреди ночи. От логова до места сбора не близкий путь, а ещё нужно обогнуть заповедник, чтобы не нарваться на неприятности. В заповеднике всего-то пара волков, но они стоят десятка из стаи, с ними лучше не шутить и границы их владений лучше не нарушать.

«Вожак злой, значит, дело серьёзное», — передал мысль крупный Бета-самец, возглавляющий стаю. — Пospешим, он ждёт нас уже более часа».

Стая прибавила ход. Бежать по скользкому снегу, который лёг поверх свежей опавшей листвы, тяжело, но разве объяснишь вожаку.

«Мы на месте», — передал стае мысль самец-бета.

Вожак стоял на холме и поджидал стаю. Дальше нельзя терпеть, потому что ситуация выходит из-под контроля. Волки из заповедника не только контролируют свои владения, но и посягают на контроль всего леса. До сих пор они жили в мире, но что-то изменилось и теперь боя не избежать.

«Люди больше не могут контролировать волков, хоть прежде, мы были спокойны на этот счёт. Нам придётся дать бой. Вчера и в прошлые дни я, мною замечены следы чужаков вокруг логова — это недопустимо. Кто вчера оставался на дежурстве?»

«Я», — несмело послал мысль мелкий волчонок с обрубленным наполовину хвостом. В прошлом году, волчонок вышел в город и забрался в сарай к бабке Наталье. А той понадобилось что-то, и она как раз вышла на подворье. Увидела волка и ну орать. Бедолага метнулся в подворотню, да и застрял, тут-то его и настигла кара в образе Петровича с топором. Муж выскочил на крик жены и успел наказать нарушителя. От боли волчонок сиганул, что есть мочи, шкуру подрал и хвоста наполовину лишился, успел-таки взметнуть топор Петрович. Раны зажили, а в стае в шутку волчонка прозвали «подранком».

«Подранок? И ты не учуял чужаков?» — буквально прогремела мысль вожака.

«Учуял», — отозвался тот. Но разве я справился бы с ними?»

«Ладно, забудь, — смягчил тон вожак. — Начинаем тренировки. Зимой я намерен дать бой, так что, смекайте. И потом, стая слишком мала. Пора пополнить строй»

«Будет сделано, — мысленно отозвался Бета-самец. — Только я в толк не возьму, чем они тебе насолили? И к чему такая спешка, могли бы завтра осудить, в штабе»

Вожак оскалился и строго взглянул на Бета-самца. Тот поёжился и склонил голову к лапам.

«Кому ещё интересно узнать, зачем я вас вызвал?» — обведя взглядом стаю послал мысль вожак. Стая притихла. Вожак оскалился в улыбке — волки покорные, как и прежде. Нелегко ему было бороться за место вожака, когда прежний Альфа погиб, защищая главную самку, когда та угодила в капкан. Они оба погибли, и место вожака осталось свободным. Ему пришлось несладко и пришлось сразиться с каждым зверем из стаи, но теперь он не выпустит их из-под контроля. Псы явились по первому его зову, хоть дело можно было решить в любой другой день. Одна проблема тревожит вожака — он уже целый год правит стаей один, без подруги, а это непростительная ошибка и надо бы ему поторопиться с

выбором. На примете есть одна подходящая самка, но она пока находится в раздумьях. Но он заставит её подчиниться до сражения с чужаками, до третьего месяца зимы. А потом... они ему за всё заплатят.

Глава двенадцатая

К шести я была уже готова.

— Пусть твой кавалер зайдёт, поздоровается хоть, — попросила бабушка, провожая меня у порога. — А то ты у нас, как будто без рода, без племени.

— В другой раз, — сказала я и хотела уже выскочить из дома, но бабушка остановила меня.

— Зачем ждать, — стала настаивать бабуля. — Пусть знает, что за тебя есть, кому волноваться, что ты не, как в «ветер в поле». Они тогда ответственность чувствуют.

— Хорошо, — вздохнув, согласилась я.

Влад видит меня и на его лицо озаряет улыбка. Он спешит ко мне на встречу.

— Бабушка хочет, чтобы ты с ней поздоровался, — смущённая, что мне пришлось попросить его об этом, сказала я.

— Хорошо, — неохотно согласился Влад.

Странное дело, я ведь познакомилась с его родителями, почему бы не уважить мою бабулю и не поздороваться с ней? Меня слегка зацепило, что Влад проявил неуважение к моей бабуле.

Мы вместе поднялись на крыльцо.

— Бабушка, это Влад, то есть Владислав Шумилов. А это моя любимая бабуля, — представила я свою бабушку.

— Очень приятно. Виктория, замечательная девушка, — сказал Влад и улыбнулся бабуле. Потом серьёзно взглянул на меня. — Нам лучше поторопиться, — сказал он, взял меня за руку, быстрым шагом вывел за ворота. — У тебя чудесная бабушка, — заметил Влад, как мне показалось, несколько иронично.

Не понимаю, что произошло. Бабушка вечно всё усложняет, но Влад тоже мог проявить уважение.

— Куда мы едем? — поинтересовалась я, когда мы сели в автомобиль. Настроение у него явно испортилось, а от приветливой улыбки не осталось и следа.

— В одно местечко, — ответил он и подмигнул мне.

Ну, слава богу, всё в порядке.

Городишко накрыла поздняя осень. Он буквально захлебнулся проливными дождями, а сегодня выпал снег. Это ещё не тот снег. Тонким слоем покрыл землю, но думаю, завтра к обеду растает. В наших краях, снег на землю ложится в декабре. Как-то убого и уныло. Если бы я не встретила Влада, чувствую, давно сбежала бы. Наверное, здесь нужно не только родиться, но и жить долго-долго, чтобы привыкнуть к захолустью: или смириться с ним. Почему Шумиловы приехали сюда, а не в Тамбов. Даже обидно. Хотя, в Тамбове, Влад вряд ли обратил бы на меня внимание. Вон он помог мне в тот раз, когда я чуть не упала в лужу и даже взгляд на мне не задержал.

Влад остановил автомобиль у одного из двухэтажных домов. Молча вышел из машины. Не дожидаясь, пока он обойдёт автомобиль и поможет мне выбраться, я вышла сама. Молодёжная улица, кусочек цивилизации. Три двухэтажных дома и ЦДД на площади.

— Небольшой подарок для нас, — сообщил Влад.

Пока ничего не понимаю: куда он ведёт меня и что всё это значит. Мы вошли в подъезд

и поднялись на второй этаж. Одна из двух дверей железная, что называется, «за семью печатями»: думаю, нам туда.

Так и есть, Влад достал из кармана брюк связку ключей и открыл дверь.

— Кто тут живёт? — поинтересовалась я.

— Мы, — улыбнувшись, ответил он. — Ты и я. Держи. Он отдал мне другую связку ключей.

— Зачем это?

— Это твои ключи.

Не представляю, зачем он мне дал их. Разве я приду сюда одна? Нет, конечно.

— Ты купил эту квартиру? — Влад кивнул. — Когда?

— На прошлой неделе. Входи, — пригласил он меня в дом.

Конечно, квартира шикарная — уютная, светлая, современная.

— Зачем мне ключи? Без тебя я не приду сюда.

— Как знать, — ответил он. — Пусть этот дом будет твоим «тайным местечком». Если вдруг почувствуешь желание укрыться от всех, тебе будет куда пойти.

— Хорошо, — согласилась я и убрала связку ключей в сумку.

— Там кухня, можешь пока осмотреться, — сказал Влад и ушёл в комнату, соседствующую с гостиной (думаю, там спальня).

Он предложил посмотреть мне кухню — это намёк? То есть, если я соглашусь с ним жить под одной крышей, моё место будет на кухне? Ладно, это мы ещё посмотрим, где моё место. Я не позволю ему помыкать мной: или я уже позволила? Только я и он. Одни. Могу представить, как нам будет хорошо вдвоём.

— Я пригласил массажиста, — предупредил Влад, когда я вышла в гостиную.

— Зачем? — удивилась я.

— Нам нужно быть в форме, — подмигнув, сказал он.

В «форме»? Не представляю, что это значит. Ладно, пусть так. Меня теперь заботят другие мысли — он купил эту квартиру, чтобы мы здесь жили вместе? Куда он так торопится, как будто его кто-то, или что-то подгоняет. Мы едва знакомы. Неужели, ему мало наших встреч?

— Если я приму твоё предложение, мы станем жить здесь? — поспешила узнать я.

— Ну, некоторое время мы можем пожить тут.

Ах, да, мистер «Много Денег» не рассматривает квартиру, как вариант для постоянного места жительства: слишком тесно для него. Ему нужен простор, воля и волки под окнами.

— А мне тут нравится, — с неким вызовом сказала я. — Мы люди простые, королевские покои нам не к чему.

В один шаг Влад подскочил ко мне, схватил на плечи и, не сводя с меня потемневшего взгляда сказал:

— Считай, что ты вытащила выигрышный билет. Разумно принять выпавшее благо, как данность и уж точно не стоит говорить, что тебе неловко пользоваться тем, что тебе не принадлежит. Я слишком долго ждал тебя и теперь всё что у меня есть, я положу к твоим ногам.

Я так и застыла. И мне это надо?.. Чёрт, кажется, да, именно это мне и нужно. Никогда не думала, что испытаю такое сильное желание подчиниться. Влад так больно сжал мои плечи, и этот потемневший взгляд... О, боже, я хочу его прямо сейчас. Но Влад отпустил меня. Дыхание у него тяжёлое, почти, как и у меня.

— Не теперь, — сказал он, догадавшись, о чём я подумала. — Сейчас придёт массажист.

Этот массажист, так некстати. До него ли мне теперь, когда чувства выплёскиваются наружу, а душа трепещет, словно крылышки бабочки. Едва сдерживая, желание — болезненное и тягучее, я села на диван.

— Потерпи, — сказал Влад тёплым голосом. — Потом я помогу тебе снять напряжение.

Совсем некстати в моей голове промелькнула мысль — всё, что мне предстоит узнать об этом парне, возможно связано с его психическим заболеванием. Его поступки сводят меня с ума. Ну, вот, к примеру, зачем нам массажист? Если бы он попросил, я бы сделала ему лечебный массаж, он забывает, что я медработник. А мне не зачем расслабляться я и так, как кисельная барышня, расплываюсь и не могу никак собраться. Но лучше мне не перечить Владу, он этого терпеть не может. И всё равно, не понимаю, зачем он вызвал массажиста? Приучает к другой жизни? Так и есть. Но готова ли я к переменам в жизни.

Массажист пришёл в семь часов. Высокий subtilный парень лет около тридцати.

— Я вызвал его из Тамбова, — объяснил Влад, заметив мой заинтересованный взгляд.

Парень мнётся у порога. На нём джинсы, курточка поверх футболки на ногах спортивная обувь. В руках чёрная сумка. Одет он не по погоде и видимо пока добирался, промёрз, что называется «до кости».

— Можешь расположиться тут, — указал ему Влад на диван.

Парень снял обувь и куртку. Прошёл в комнату, поставил сумку на пол, и предварительно потерев ладошки, как будто пытался их согреть, стал вытаскивать из сумки поочерёдно полотенце, бутылку с маслом, плоские округлые камни, две красивые баночки с кремом. Всё разложил на столике, что стоит у дивана.

— Ты первая, — улыбнувшись, сказал мне Влад. — Иди, переоденься. Одежда в шкафу.

Даже так? У меня тут и одежда имеется? Ладно. Иду в соседнюю комнату. Кровать в полкомнаты, шкаф во всю стену, мягкий ковёр на полу: занавесок на окнах нет. Какой-то фетиш на открытые окна. Ладно, ещё в лесу, но ведь тут соседи. С улицы комната проглядывается, вся, как на ладони. Успокаивает, что окна перекрывают ветки раскидистого клёна, но они теперь голые, без листьев.

Раздеваюсь и думаю, мне всё с себя снимать, или оставить бельё? Я ни разу не была в салоне красоты. Ладно, оставлю только трусики. Иду к шкафу и открываю дверцу — простыня подойдёт, искать халат не стану. Повязываю простынь вокруг груди и выхожу в гостиную.

— Там есть халат, — улыбнувшись, сказал Влад и сел в тяжёлое обитое белой кожей кресло. — Ладно, и так сойдёт. Ложись, а я буду смотреть.

Он будет наблюдать за действиями массажиста? Это уже паранойя какая-то.

— Не доверяешь? — осмелев, спросила я, укладываясь на живот и удерживая простыню на груди.

— Нет, хочу взять мастер-класс, — ответил Влад. — Вдруг сам захочу тебе побаловать массажем.

— Ладно, учишь, — великодушно позволила я.

Парень делает своё дело, не обращая на нас никакого внимания. Он льёт масло мне на спину. Его руки тёплые, скользкие и сильные. Он не щадит кожу на моей спине. Его ладони поднимаются медленно, но неизменно вверх по моим рёбрам, глубоко разминая тело. Теперь плечи и снова возвращается на пояс. Каждый раз, когда его руки устремляются вниз,

я испытываю приятный отзыв внизу живота. Какие сильные, властные и в тоже время нежные руки у парня. Он прирождённый массажист.

Парень оставил мою спину и теперь массирует ноги. Я, как будто оказалась в нирване. Если бы раньше знала, что массаж это так приятно, тратила бы все деньги на походы к массажисту.

Теперь в ход пошли камни. Чувствую, как он укладывает их вдоль позвоночника. Интересное ощущение — болезненное и приятное одновременно. Комнату наполнила приятная, расслабляющая музыка: Влад устроил мне комфортное времяпрепровождение. А тем временем, парень накрыл меня простынёй, и так я пролежала минут десять.

Когда он снял камни, я снова ощутила руки мастера. Он снова смазал мою спину маслом или кремом, я не поняла, и стал поглаживать ладонями моё тело. А вот это уже слишком, кажется, парень увлёкся, потому что его руки коснулись моих ягодиц.

Я в ужасе приподнялась и оглянулась на массажиста. К моему удивлению, теперь меня массирует Влад.

— А где мастер? — спросила я.

— На кухне, пьёт кофе.

— Твои руки теплее, — заметила я.

— Я и сам теплее. Намного теплее, чем ты думаешь.

Куда же ещё больше?

— Всё, теперь в душ, — приказал Влад, шлёпнул меня ладошкой по попе и ушёл на кухню, где его поджидал массажист.

Ванная комната чудесная, впрочем, чему я удивляюсь, Влад может себе позволить отличный ремонт. Я включила душ и направила его на своё разгорячённое тело. Каждая мышца горит под струями тёплой воды. Я вижу себя в отражении зеркал и не узнаю эту девушку. Ещё месяц назад, неприметная серая мышка, теперь превратилась в яркую, свободную и уверенную личность. Даже тело моё изменилось — оно прекрасное, женственное, а всегда негативно относилась к своим формам. Провожу рукой по изгибам и довольно улыбаюсь. Чувствую себя ужасной развратницей, но мне нравится это. Я поняла — Влад постепенно приучает меня к другой жизни, к жизни без забот. Могу предположить, что массажист за сеанс получил больше, чем я зарабатываю за целый месяц работы в больнице.

Не знаю, нравится мне такая жизнь, или нет. Проводить дни напролёт в салонах вместе с такими же скучающими «куклами», какой, наверняка, стану я. Говорят, что человек к хорошей жизни привыкает быстро. Возможно. Но есть одно обстоятельство — Влад в скором времени откроет мне свою тайну. О чём он мне расскажет? Он хочет добиться от меня полного подчинения и покорности, вот и старается, ублажить, чтобы услышав правду, я уже не смогла отказаться от него и приняла всё, о чём бы он мне не поведал.

Наверное, при других обстоятельствах я приняла бы с радостью его предложение и переехала к нему, но сейчас мне страшно. Что скрывает от меня этот человек?

На вешалке два халата — светлый и серый, взяла светлый, потому что он меньше по размеру, набросила на плечи и вышла в гостиную.

Влад сидит в кресле. При виде меня он поднялся.

— Подожди меня, я скоро, — сказал он. — Можешь пока выпить кофе или чай на выбор.

Лучше чай. Вряд ли я разберусь с кофе машиной, которая пугает меня одним своим видом. Я не знаю, на какую кнопку нажать и уж точно не разберусь, куда налить воду и

куда вставить кофейную капсулу.

Я иду на кухню и открываю холодильник, доверху забитый продуктами: зачем так много еды? Я, по мнению Влада, слишком худая и он решил малость округлить мои формы?

Какое счастье, среди красочных упаковок и пакетиков бутылка с апельсиновым соком.

Пью сок прямо из бутылки.

Возвращаюсь в гостиную и растягиваюсь на диване. Массажист ушёл, когда я принимала душ. Наверное, у него осталось много вопросов относительно нас. Интересно, в каком салоне он работает в Тамбове. Может, встретимся случайно когда-нибудь.

Кстати, на следующей неделе я еду в Тамбов. Маме исполняется сорок пять лет, и я должна её поздравить. Даже не знаю, что подарить. Думаю, это будет ювелирное украшение. Хорошо, что деньги есть, зарплата осталась нетронутая. Тут особо не потратишься — покупать нечего.

Влад появился неожиданно и, конечно, напугал меня. Он взял меня за руку и поднял с дивана. Сбросил с моих плеч халат.

— Ну, как чувствуешь себя? — поинтересовался он. — Понравился ли тебе мой подарок?

Ах, это был подарок? А я не поняла.

— Я расслаблена, но при этом страшно возбуждена, — призналась я.

— Значит, ты не станешь возражать, если я уложу тебя в постель?

— С удовольствием, если только ты не предложишь мне сон.

— О, нет, сон не входил в мои планы, детка. Потом я позволю тебе вздремнуть пару часов.

Пару часов? Ладно, высплюсь после, а теперь лучше покориться воле моего любимого мужчины.

Свет, восхитительный свет. Я прячусь с головой под одеяло от солнца. Меня встретило восхитительное утро — солнечные лучи бьют в окна до пола. Влад не таится от людей, как он говорит, поэтому не вешает шторы. Потихоньку и я привыкаю жить «открыто», но в ясные дни это невыносимо. Вылезаю из укрытия и любуюсь пейзажем за окном, где осень обнажила корявые ветки деревьев. Без «одежды» им, наверное, стыдно, деревьям. Скорей бы снег пошёл, прикрыл бы их наготу.

Здесь спокойно. При всей открытости квартирки я чувствую защиту от суровой правды снаружи. Только бы не разрушить этот маленький хрустальный мирок, в котором так тепло и уютно. Я вздрагиваю, потому что не знаю, чего ожидать дальше, когда Влад откроется мне. Не обернётся ли для меня его тайна непреодолимым препятствием, которое не позволит мне остаться с ним.

Глава тринадцатая

— Ты надолго едешь? — спросила бабушка, утром в среду за завтраком.

— В пятницу вернусь.

Я еду к маме. Это так тревожно и волнительно. Я уже не та неуверенная в себе девушка, которая приехала из Тамбова два месяца назад. Столько всего произошло в моей жизни. Я еду с удовольствием — мне необходимо взглянуть на ситуацию со стороны. Конечно, я поговорю с мамой, что она мне скажет? Мама уверена, что я продолжу учёбу через год или два, а я не знаю даже, что будет завтра. Теперь я в полной и безоговорочной власти Влада и мне трудно понять, что будет дальше — откуда взялись волнение и тревога.

Мама ждёт меня. Вчера звонила весь день, и сегодня мы уже три раза говорили с ней по телефону.

— А на работе уладила? — поинтересовалась бабушка.

Ну, конечно, что за глупый вопрос.

— Да, бабуль, «уладила». На два дня меня подменит Елена Викторовна — она чудесная женщина.

— Хорошо, — кивнула она. — Автобус во сколько?

Ох, эти вопросы, не понимаю, к чему они? Я взрослая девушка и сама могу о себе позаботиться.

— В два часа.

— Отец тебя на станцию отвезёт?

Бабушка застыла в ожидании ответа.

— Нет, бабушка, меня отвезёт Влад.

Конечно, бабуля надулась и покачала головой. Что-то хочет сказать, но не решается.

— Говори, бабуль, — тёплым голосом попросила я. Какая-то я нервная стала. Вот бабушке нагрубил, а зачем, сама не понимаю. Она ведь беспокоится обо мне.

— Этот Влад, он ведь так и не зашёл в наш дом, — полушёпотом, как будто нас кто-то услышит, сказала она.

— И что, бабушка? — улыбнувшись, спросила я, потому что знаю, к чему она клонит. Она вычистила дом, «обкурила» его чертополохом и теперь думает, что люди с негативным настроением не смогут войти в её дом. — Мы торопились, вот и всё.

— Нет, милая, ты ошибаешься.

— Пусть так, бабушка, — разозлилась я. — Время покажет, зачем разговорами кликать беду.

— Ой, как бы нам не пришлось слёзы лить, — пробурчала она и поднялась из-за стола. — Говорят, у них в заповеднике...

— ... живут оборотни. Ха-ха-ха, — громко произнесла я. — Ты-то понимаешь, что это бред. Я уберу со стола и пойду собираться, — сказала я. У меня нет желания препираться с ней, я еду к маме и настроение у меня отличное.

К вечеру я кое-как добралась домой. В пути сломался автобус, и пассажиров попросили выйти и погулять, пока будет производиться ремонт. Гуляли мы около часа на вольном воздухе, а для точности на пронизывающем ветру. Я поблагодарила себя, за то, что надела тёплую куртку и обмотала шею длинным из козьей шерсти шарфом.

В Тамбов добрались, когда уже стемнело. Я взяла такси, чтобы не трястись в

переполненном маршрутном автобусе.

Мама выглядит великолепно: свежая, помолодевшая и счастливая. Хорошо, что я оставила их с отчимом одних — пусть поживут для себя. Наверное, маме хорошо с Владимиром Ивановичем, раз у неё такой сияющий взгляд. Хотя и обидно немного — они рады, что я уехала?

— Рассказывай, — с порога стала допрашивать меня мама. — Анфиса в гневе, значит, парень стоящий, — подмигнув мне, заметила мама.

Анфиса — это и есть моя бабуля, а так же бывшая мамина свекровь. Полное имя Анфиса Ивановна, но мама зовёт её по имени и не иначе.

— Значит, бабуля уже успела пожаловаться? — улыбнувшись, спросила я.

— Официальным тоном сообщила по телефону, что ты «отбилась от рук» и ещё «забросила работу» и в институт не готовишься.

— Ты же не поверила ей, правда? — хитро улыбаясь, спросила я. Мама обняла меня и вместо слов поцеловала в макушку. — А вообще, мы с бабулей живём в мире и согласии, — призналась я. — Она классная, честное слово, только беспокоится обо мне чуть больше, чем надо.

— Думаю, отчасти она сказала правду. — Мама тепло улыбнулась, а, значит, она на моей стороне. — Лучше расскажи, кто он, из какой семьи?

— Ну, он сильный, смелый, высокий, красивый и у него удивительные глаза.

— Это всё? Не густо, — покачав головой, заметила мама.

— Он окончил два института, — продолжила я.

— Вот это уже лучше.

Ох, мама, а любовь, значит, уже не в цене?

— Его родители очень состоятельные люди. Они купили дом у местного миллионера. Влад...

— Парня зовут Влад? — почему-то обрадовалась мама. — Обожаю это имя.

Ах, да, моего отчима зовут Владимир, а коротко Влад.

— Рассказывай дальше.

— Влад помогает отцу в делах компании, он юрист и ещё он психолог, но не практикует.

— Зачем работать, если родители богачи — неплохо.

Ох, мама, ты всему найдёшь оправдание.

— Мама, нет, конечно, не в этом дело, он просто пока ещё не определился.

— Защищаешь его? Ты влюбилась? Какая прелесть, девочка моя. — Мама обняла меня и поцеловала в макушку.

Мы сидим в моей комнате. Чувствую, возвращаться в Борки будет непросто. Присутствие мамы рядом успокаивает. Сейчас все мои переживания отошли на второй план, и я ощутила себя маленькой девочкой счастливой и беззаботной.

— И что ты думаешь? — серьёзно спросила мама.

Теперь она решила изобразить строгость, чтобы я не слишком увлекалась своей свободой.

— Он предложил мне жить вместе, но я пока не готова.

— Правильно, — согласилась мама. Именно такой ответ она и желала услышать. Но уже через минуту, к ней снова вернулась беспечность, и она стала болтать со мной, как с подружкой. — Не торопись. Поживи для себя, а там видно будет.

— Я тоже так решила.

— Вот и хорошо.

Мама прагматик и не приветствует скоропалительных решений. Она, конечно, на моей стороне, но не позволит отступить от намеченной цели.

— Анфиса сказала, что парень этот, Влад, «нечистый», что она имела в виду? — как бы, между прочим, поинтересовалась мама.

Я рассмеялась. Бабушка в своём репертуаре.

— Он не переступил через порог её дома после «чистки», — объяснила я. — А мы просто торопились к Владу домой, нас ждали его родители, поэтому отказались от приглашения войти в дом.

— Она всё ещё «очищает» дом? — Мама улыбнулась, по-доброму.

— Да, представляешь?

— Ну, хорошо. Потом вечером поговорим по душам. А сейчас пойдём, поможешь мне накрыть на стол.

Мама не стала устраивать пышное торжество — только все свои. «Свои» это мамина подруга тётя Валя с мужем дядей Андреем и друзья Владимира Ивановича, моего отчима

— тётя Зина и дядя Олег. Мне понравилась эта идея. Терпеть не могу громких домашних «посиделок» с салатами и танцами, толпой на одном квадратном метре.

Я достала из сумочки продолговатую синюю коробочку, открыла и протянула маме подарок.

— Это тебе. С днём рождения.

— Ничего себе, — изумилась мама. — Это очень дорогой подарок.

— Ты — дороже, — сказала я и поцеловала её в щёчку.

Если честно, эту цепочку мне помог купить папа. То есть, можно сказать, что я добавила

папе, и мы купили маме подарок. Вот такой мой папа хороший человек. Никогда, наверное, не пойму, почему расстались мои родители. Мама мучилась, страдала одна с ребёнком в большом городе. Хотя, нам было весело и всё закончилось удачно, а, значит, плохое и вспоминать не стоит.

— Хорошо, — поцеловав меня в макушку, сказала мама. — Твой папа благородный человек.

Догадалась, что подарок не только от меня: маме знает, сколько я получаю и даже двух зарплат вряд ли хватило на столь щедрый подарок.

— Ты расскажешь мне когда-нибудь, почему мы уехали от папы? — осторожно спросила я.

— Может быть, — уклончиво ответила она. — А, может, сама поймёшь, когда-нибудь.

Как же я пойму? Вот опять она ушла в сторону от разговора. Хотя, может ей не хочется сегодня, в свой день рождения, вспоминать былое. Теперь она счастлива и это очевидно.

На следующий день я вернулась в Средние Борки. У меня был день в запасе, но чтобы не искушать себя понапрасну, я решила отказать себе в удовольствии встретиться с друзьями: это слишком для меня.

Влад встретил меня на автостанции. После Тамбова тяжело смириться с тем, что я добровольно отправилась в этот городишко.

— Выглядишь растерянной или расстроенной, — заметил Влад.

— Через денёк, другой пройдёт, — пообещала я.

Влад усадил меня в автомобиль, и мы поехали: куда, я понятия не имею. Но вот, через десять минут, мы остановились у двухэтажного дома, в котором Влад купил квартиру для нас, а если быть точной, то для наших встреч.

— Я ужасно замёрзла в дороге, — пожаловалась я.

— Была бы умной девочкой, дорога из Тамбова могла пройти в тепле и комфорте.

Понятно. Я могла бы позвонить ему и попросить забрать меня в Тамбове. Сама не знаю, почему не позвонила. Его автомобиль преодолел бы расстояние от Борок до Тамбова за час, ну или, может, чуть больше.

— Теперь бы сесть к камину, помечтать, а ещё не отказалась бы выпить чашечку кофе.

— Хочешь романтики? Сейчас устроим для тебя нечто романтическое, — пообещал Влад.

— Нет, не надо, — запротестовала я. — Просто будь со мной.

Мне сейчас не до игр и уж точно не до романтики: на душе страшная тоска. Конечно, рядом Влад, мне становится легче, эта квартирка помогает забыть, что за окном не Тамбов, а Средние Борки, крохотный районный центр с четырьмя тысячами жителей и волками, которые бродят в окрестностях городка.

— Я скучал без тебя, — признался Влад.

Как непривычно видеть его таким, по-детски наивным и смущённым. Приятное открытие — я нравлюсь Владу, и я реально верю, что он скучал без меня. Этот взгляд, он многого стоит.

— Мне не хватало тебя, — в свою очередь призналась я.

— Могла бы взять меня с собой, мне не терпится познакомиться с твоей мамой.

Я не подумала об этом. Мне неудобно перед Владом, но не хочу торопиться. Для меня знакомство с родителями это слишком серьёзный шаг.

— Не думаю, что моя мама готова познакомиться с тобой.

Влад улыбнулся и пожал плечами: его это мало заботит. Мне не понравился его жест, и я насупилась. Он должен уважать мнение моей мамы, а как же иначе? Он прислушивается к своим родителям, а я тоже пока не готова выйти из-под маминого контроля. Как быть, ума не приложу. С одной стороны — я всё ещё мечтаю продолжить учёбу, а с другой — мне нужен Влад и я боюсь потерять его.

— Ты приехала, и я заметил, что ты чувствуешь себя несчастной. Я слишком давлю?

— Нет, конечно, нет. Мне хорошо с тобой и спокойно.

— Тогда, что так расстроило тебя?

Нет, он так просто не отстанет с расспросами.

— Этот городок.

— Хочешь вернуться в Тамбов?

Не то слово! Только теперь я бы хотела вернуться домой с Владом. Представляю, как хорошо нам было бы вместе. Столько возможностей и перспектив.

— Не теперь, но в перспективе, да, — призналась я. Пусть знает, что я не собираюсь прозябать здесь.

— Хорошо, — согласился Влад, но взгляд остался напряжённым: он без радости принял мои планы на будущее.

Что его так беспокоит? Почему бы нам вместе не уехать в Тамбов? Ничего не понимаю, Когда он подумал, что я решила вернуться к себе домой, запаниковал и это очевидно.

— А ты сам, не хотел бы перебраться в крупный город?

— У меня нет такой возможности, — холодно ответил Влад.

Что? Нет возможности? Да при желании, он может позволить себе виллу на Мальдивах.

— Я не понимаю тебя, — покачав головой, сказала я. — Ты можешь позволить себе всё, чего только пожелаешь.

— Но не переезд. — Влад нахмурился, и я почувствовала себя виноватой. Можно было другое время найти для разговора. — Больше ни слова, — предупредил меня Влад и он не шутит.

Я, хитрая, как лиса, подошла к нему и обняла за талию обеими руками. Спрятала лицо, уткнувшись ему в грудь. Влад обнял меня за плечи и поцеловал в макушку. Кажется, мне удалось успокоить его.

— Останемся тут? — спросил он.

— А у меня есть выбор? — поинтересовалась я

— Родители сегодня хотели видеть тебя.

Вот как он им подчиняется. Почему? Ему двадцать восемь лет, а он никак не может оторваться от маминой юбки.

— Я поеду, — коротко ответила я.

Если Влад это озвучил, значит, он хотел услышать положительный ответ.

— Но прежде, ступай в душ, мне не терпится заняться с тобой любовью.

Понятно. Если честно, я тоже соскучилась и ждала нашей встречи.

К вечеру небо заволочли тяжёлые тучи. Радуюсь, что непогода не настиг меня в дороге, а то бы я совсем околела. Холода наступают со всей серьёзностью, боюсь, что дня через два выпадет снег и уже не сойдёт.

Вечерний воздух чист и ясен. Влад молчалив. Он внимательно смотрит на дорогу, а я искоса наблюдаю за ним. Он невероятно привлекателен. Сижу и радуюсь своему счастью. Этот парень со мной и он дорожит нашими отношениями. Сердится на меня, жалеет, может даже прикрикнуть, но главное, любит и это очевидно. К этому я стремилась? Найти любовь? Даже не знаю. Время идёт, а я всё ещё не знаю, чего хочу и на что способна. Эти мысли выматывают меня, изводят, но я всё ещё нахожусь во мраке своих мыслей.

Десять минут и мы на месте. По-хорошему весь городок можно обойти минут за двадцать. Только чтобы добраться на улицу Новую придётся потратить чуть больше времени — дорога лежит через мост и потом ещё в гору нужно подняться. Но на автомобиле быстро и удобно.

Алиса Витальевна и Игорь Всеволодович встретили нас в гостиной.

— Виктория, здравствуйте, милая. Как съездили? — спросила Алиса Витальевна и, подойдя ко мне, обняла за плечи. Сразу отпустила на шаг и оценивающе окинула меня взглядом. — Сразу видно, что ребёнок виделся с мамой — сказала она. — Глазки светятся, и улыбка с губ не сходит.

О, глазки светятся совсем по другому поводу. Влад подмигнул мне и хитро улыбнулся.

— Наверное, большой город не хотел отпускать вас в наше захолустье? — и в шутку и всерьёз спросила она.

Ну вот, женщина меня поняла. Удивляюсь, почему она не воздействует на мужа, разве ей не хотелось бы жить в Тамбове, к примеру. Нет, они стоически живут в Средних Борках.

— Не совсем так, — пробормотала я. — Я торопилась вернуться, хоть у меня и был в запасе ещё один день.

Влад криво, но довольно улыбнулся. Ну, конечно, ему известна причина, по которой я торопилась — я скучала без него.

— Мы присоединяемся к поздравлениям, — произнёс молчаливый до сих пор Игорь Всеволодович. — У вас, наверное, ещё молодая мама, сколько вам лет?

Ого! А это не слишком бесцеремонный вопрос? И всё же, я решила ответить.

— В апреле мне исполнится двадцать шесть.

— Значит, двадцать шесть. Сначала мы прибавляем годы, а потом наступает момент, когда фактический возраст называешь до последней минуты, а с утра с тоской думаешь, ну вот, уже пятьдесят.

— Папа, — одёрнул отца Влад. — У нас время лимитировано.

— Торопитесь? — хитро улыбнувшись, спросил Игорь Всеволодович. — Не стоит торопить

время — наслаждайтесь каждой минутой.

— Пора за стол, — позвала нас Алиса Витальевна. — Я приготовила ужин специально к вашему возвращению Виктория.

Конечно, мне приятно, что меня ждали. Я позвонила Владу на полпути в Борки и попросила, чтобы он встретил меня на Автовокзале. Конечно, он предупредил родителей, а то я уже было подумала, что Алиса Витальевна мысли умеет читать на расстоянии.

— С утра возилась на кухне, — подтвердил Игорь Всеволодович.

— Мне очень приятно, — поблагодарила я Алису Витальевну.

— Я знал, что ты вернёшься сегодня. Скорей, почувствовал, — словно отвечая на мой мысленный вопрос, сказал потихоньку Влад.

— Я соскучилась, вот и приехала раньше срока, — так же тихонько ответила я.

— Хватит шептаться, пойдёмте уже к столу, — пригласила нас Алиса Витальевна.

У Влада отличные родители. Они любят сына, а заодно всех, кто ему дорог. Сколько лет они живут вместе? Если считать, что Влад у них родился сразу, то вместе они уже около тридцати лет. Я бы тоже так хотела — вместе и навсегда.

Стол такой изысканный и соблазнительный: Алиса Витальевна мастерица по этой части. У мамы на дне рождения не было столько еды, сколько она приготовила к моему приезду. Моя бабушка теперь принялась бы бормотать про себя, что они не только «гоблины», но ещё и «буржуи», которым деньги девать некуда.

— Ты, наверное, проголодалась, — сказал Влад и, не дожидаясь ответа, стал накладывать мне на тарелку всякие вкусняшки. Даже не знаю что это, и из чего приготовлено. — Можешь пробовать всё, не бойся, — заметив мой блуждающий взгляд, сказал Влад. — А этот салат я тебе не предложу — там морские гребешки, а ты терпеть не можешь морепродукты.

Владу обо мне известно всё. Он ненароком выведал все мои тайны. А вот мне мало что известно о нём.

— Всё своё, — гордо заметил Игорь Всеволодович. — Овощи, фрукты. За исключением мяса — оно с местного рынка, и морепродукты из супермаркета.

— Как вы познакомились? — поинтересовалась Алиса Витальевна.

Наверное, этот вопрос своим детям задают все мамы на всём белом свете.

— В кафе, — взялся ответить Влад. — Она сидела с другом и поглядывала на меня. А я сидел с Ольгой и на взгляды Виктории отвечал улыбкой.

— Боже, вы ещё такие дети, — рассмеялась Алиса Витальевна.

— Вот видишь, Алиса, а ты говоришь молодёжь нынче бесцеремонная и развязная, не то, что мы были, а они дети в сравнении с нами. А ведь мы с тобой познакомились при

весьма пикантных обстоятельствах.

— Игорь, — одёрнула мужа Алиса Витальевна.

— Нет, нет мама, пусть папа расскажет, — в шутку потребовал Влад.

— Мы отдыхали в охотничьей избушке с друзьями. Выпили вина, конечно и к ночи решили поиграть...

— Игорь, — снова одёрнула мужа Алиса Витальевна.

— Мама, не мешай, пусть выкладывают всю правду, мне интересно узнать, при каких обстоятельствах познакомились мои родители, — поддержал отца Влад.

— Разожгли костёр на дворе и решили поиграть в «бутылочку».

— Да, да, да, — разгорячённо произнесла Алиса Витальевна. — Он очаровал меня своим поцелуем. Меня никто так не целовал, никогда.

Алиса Витальевна в смущении закрыла лицо ладошками. О боже, да это же они, как дети, а не мы.

— С того дня мы вместе и не расстаёмся никогда.

У Влада отличные родители. Почему местные с таким негативом относятся к этой семье? Оправдание одно — зависть. Горожанам не даёт покоя мысль, что этим людям удалось заработать столько денег.

Ужин прошёл великолепно. От Алисы Витальевны я узнала много интересного. Оказывается, Влад в детстве часто болел и начальную школу окончил на домашнем обучении. Потом, когда стал учиться в школе, начались другие проблемы — он не привык жить в социуме, поэтому часто возникали конфликты со сверстниками. А ещё я узнала, что Влад был ужасно задиристым и удар всегда наносил первым, то есть мог постоять за себя.

Теперь понятно, откуда в нём непреодолимое желание властвовать и подавлять.

Потом мы пили чай, сидя у камина. Я смотрела, как пляшут языки пламени на берёзовых поленьях, и думала о нас с Владом. Мы должны быть вместе, как его родители. Разве я теперь смогу жить без него? Так мало времени прошло с того дня, как мы познакомились, а моя жизнь изменилась и в лучшую сторону: больше мне не кажется, что жизнь сравнима с осликом, который уныло ходит по кругу и перекачивает тонны воды, вода льётся не оставляя после себя ничего, кроме воспоминаний. Я поверила, что могу быть счастливой даже в этом небольшом, богом забытом городке.

— Ты чего так поздно? Опять с этим была? — обиженно буркнула бабушка. — Мать твоя звонила, интересовалась, как ты добралась, а мне и ответить нечего. Позвони ей, успокой.

— Хорошо, бабушка. Теперь уже поздно, я завтра позвоню.

— Я ей сказала, что ты, наверное, с этим, с Владом.

— Спасибо, бабуль, — сказала я и поцеловала её в щёчку.

— Я поужинала без тебя. Одна.

Обиды, обиды. И что мне делать? Я не могу разорваться.

— Прости бабушка. Я была в гостях.

— Ладно, иди спать, — вздохнув глубоко, сказала бабушка и, покачивая головой, ушла в свою комнату.

Ну вот, всё испортила. А я хотела поделиться с ней своими впечатлениями от поездки. А ещё хотела рассказать о семье Влада, о том, что они очень приветливые люди. И что местные напрасно обижают эту семью. Они уже так много хорошего сделали для города, но по-прежнему числятся в изгоях.

В мою комнату через прозрачные занавески заглянула яркая луна: она в ореоле. Какая красота. И ни одной звёздочки. Небо в тучах, а луна выбралась на островок нетронутого облаками неба. Так тихо. После шумного города я снова вернулась туда, где шуметь после девяти часов не полагается. Здесь люди уважительно относятся друг к другу. В десять часов ложатся спать и городок, как будто вымирает.

Завтра на дежурство, поэтому Влад отпустил меня домой сразу после ужина с родителями. Мы договорились встретиться во вторник — Влад уедет по делам куда-то на три дня — и это так долго, по моим меркам. Я не хотела сегодня расставаться с ним, но чтобы не создавать себе проблем, попросила отвезти меня домой.

Никак не могла уснуть. День выдался трудный: сначала дорога, потом радость по поводу встречи с Владом, потом ужин с его родителями. Нет, день получился не трудный, а насыщенный приятными событиями. Сегодня Влад был необыкновенно нежный. И весёлый.

Интересно, чем теперь занимается Влад? Кормит волков в заповеднике? Конечно же, это я в шутку подумала. Но ведь волки реально живут в заповеднике. Значит, и к дому подходят. И вокруг дуба тоже бродят. То есть, они рядом. Почему волки не нападают на это семейство? Ну не потому же, что они хорошие люди? Что если моя бабушка права и я ввязалась в нехорошую историю?

Ну да, и, в конечном счёте, окажется, что Влад и вся его семья путаются с оборотнями. Смешно.

Нет, здесь что-то другое. Эгоизм? Влад такой властный, не терпящий возражений человек. Он редко идёт на компромисс и всё должно быть так, как он скажет. А может, так и должно быть? Он мужчина, а я женщина, которую он выбрал. Так устроена жизнь — мужчина властвует, а женщина позволяет себе быть слабой.

Глупые мысли. Наверное, луна так подействовала на меня, и теперь я копаюсь в сплетнях, поддавшись всеобщей истерии по поводу «лесной» семейки.

Ближе к полуночи, мне всё-таки удалось заснуть.

Глава четырнадцатая

Солнечный свет — от него никуда не спрятаться, разве что залезть с головой под одеяло. Нужно было послушать бабушку и вернуть на окна плотные шторы, которые я сорвала, стараясь подражать Владу во всём.

Пора вставать, с утра на дежурство. Вышла в гостиную и улыбнулась: на столе корзина великолепных белых роз. Мне нравится сочетание белого и зелёного — в этом есть некая чистота. Влад? Когда он успел?

— Стёпка заходил, — сказала бабушка, входя вслед за мной в комнату. — Велел к тебе в комнату поставить, но я не решилась, не хотела будить тебя раньше времени.

Стёпка перешёл все рамки приличия. Надо мне с ним встретиться и поговорить на счёт ухаживаний. Неужели, не ясно, что я не рассматриваю его кандидатуру.

После дежурства, иду по Центральной улице, домой и встречаю Стёпку. Очень кстати.

— Тебе понравились цветы? — с ходу спросил он.

— Стёпа, — выдохнув, начала я. — Цветы красивые, но хорошо, если они к месту.

— Нет повода? — Стёпке всё нипочём, стоит и улыбается. Вот чумной. Ну как на него сердиться?

— Серые будни и только, — пожаловалась я.

— Сегодня будем улыбаться, а плакать будем завтра, — в шутку пригрозил он.

— Я вижу с тобой говорить бесполезно, — отмахнулась я. — Больше никаких букетов, ни больших, ни маленьких.

— Даже в день рождения?

— До весны ещё дожить надо.

— Доживём. Надеюсь, — поёжившись, ответил Степан.

Кого он там увидел у меня за спиной, что так смутился?

— Виктория.

— Влад? — обернувшись на зов, в страхе произнесла я. Даже не поняла, почему так испугалась. Я чуть ли не подпрыгнула на месте, когда услышала его голос.

Надеюсь, он видел, что я со Стёпкой встретилась случайно и всего пару минут назад. Стёпка поступает, как вредитель, знает ведь, что я с Владом, но стоически гнёт свою линию.

— Я уже освободилась. Вот, Стёпу встретила.

— Здравствуй, Степан, — кивнул моему другу Влад.

Стёпка насупился. Вот чудной парень, Влад ему помогает выжить в непростом мире бизнеса, а он ещё и дуется на него. Если бы не Влад, он ни одного ретро автомобиля не продал бы. А тут, одеваться стал прилично и может себе позволить купить целую корзину роз. Нашёл бы себе девушку из местных — они так и ждут, когда их кто-нибудь замуж позовёт. Парни уезжают из Средних Борок, в город учиться и не возвращаются, а девчонки остаются и тут уже начинается борьба за выживание — кто поспел, тот и съел. А Стёпка парень видный и при деньгах — ему стоит только намекнуть и самая красивая девушка из местных, его.

— Стёп, ты не оставишь нас? — попросила я.

— Да, принцесса. Слушаю и повинуюсь, — склонив в почтении голову, произнёс Степан.

Да что с ним такое? Эти его выходки... Степан реально обнаглел.

— Значит, ты освободилась уже? — спросил Влад. Я кивнула. — Пойдём, я тебя провожу.

Влад взял меня за руку, и мы пошли по Центральной улице.

— Ты без машины? — поинтересовалась я.

— Автомобиль во дворе у твоего отца. Он осматривает его.

— Ты так часто обращаешься к механику, — заметила я.

— Лучше раньше, чем позже обнаружить поломку.

— Профосмотр? — пошутила я.

— Техосмотр.

Влад молчаливый сегодня. Это из-за Стёпки, или другая причина — не понятно. Идём молча, даже странно.

На лавочке у ветхого дома сидит старуха. Я её помню ещё с детства — это тётка Устинья. Так не бывает, прошло пятнадцать лет, а она совсем не изменилась и одежда на ней всё та же — платок тёмный на голове, юбка длинная чёрная и куртка засаленная. На ногах валенки, обрезанные по щиколотку.

— Здравствуйте, — кивнула я ей.

— Фиска, ты? — крикнула она.

Фиска? Она шутит? Фиской в городке зовут мою бабулю.

— Ой, ты, наверное, внучка её, — улыбаясь беззубым ртом, сказала бабка. — Одно лицо, вот как ты на бабку свою похожа.

Серьёзно? А мне всегда казалось, что я вылитая мама.

— Ты зайти ко мне как-нибудь, — сказала она. — Я тётка Устинья, помнишь меня?

Конечно, помню. Я обходила стороной её дом и теперь хочу поскорей уйти.

— Только без кавалера приходи, — предупредила она.

Вот народ! Такая бесцеремонность. И что интересно, если хотят что сказать, так «лупят» прямо в лоб. С чего это я должна заходить к ней, да ещё и без кавалера? Мне мимо её дома неприятно проходить, а она меня в дом приглашает зайти.

Мы с Владом пошли дальше. Мне неловко перед ним из-за разговора с ведьмой.

— Говорят, что тётка Устинья ведьма, — сказала я.

— Так и есть, — рассмеялся Влад.

— Как думаешь, зачем она попросила меня зайти к ней?

— Ты ведь не пойдёшь? — поинтересовался Влад. — Я бы не рискнул, — добавил он.

— Поверь, я тоже.

— Пойдёшь домой? — спросил он.

— Нет, сегодня хочу укрыться в «тайном местечке».

Я стала называть «тайным местечком» квартиру на Молодёжной улице, а Влад не стал противиться.

— Тогда жди меня, — улыбнувшись, приказал Влад. — Я подъеду минут через двадцать.

Мне нравится приходить в нашу квартиру. Маленький островок тепла и уютна. Пожалуй, я серьёзно подумаю над предложением Влада, но при одном условии — мы будем жить здесь, в этой чудесной квартирке.

— Раздевайся, — приказал Влад. Он сел в кресло и закинул ногу на ногу.

— Вот так сразу? Даже чаем не угостишь? — попыталась отшутиться я.

— Я хочу видеть тебя.

— Не могу, — честно ответила я.

Он шутит? Или пытается доказать своё право на «владение» мной. Он увидел меня со Степаном и теперь не может успокоиться.

— Почему не можешь? — спросил он и отвёл в сторону недовольный взгляд. Я разозлила его и это очевидно.

— Мне неловко.

Может, мне уйти? Пусть подумает над своим поведением. Я не позволю ему мной манипулировать бесцеремонно. Властвовать — это одно, а вот так, это похоже на издевательство.

Влад смотрит на меня и молчит. Наверное, ждёт, когда я исполню его приказ. Одна рука его свободно лежит на колене, а второй он обхватил подбородок, приложив указательный палец к губам.

— Виктория, в чём дело? — устало спросил он.

— Я не могу, — призналась я. — Да, мы любовники, но ведь есть какой-то предел.

— Можно и так сказать, — хмыкнув, согласился он. — Но мы не должны стесняться друг друга. Наши тела больше не принадлежат нам — мы, теперь единое целое. Разве ты не чувствуешь это?

— Что мне делать? — тяжело вздохнув, спросила я, чтобы покончить с этой нелепой ситуацией.

Влад поднялся с кресла и неторопливо подошёл ко мне. Указательным пальцем зацепил вырез моей блузки и притянул к себе. Чтобы не упасть, я ухватилась за его руки. Он покачал головой и стал расстёгивать пуговицы на блузке. А я взялась за пояс его джинсов и тоже расстегнула пуговицу, а потом потянула молнию. Если раздеваться, так вместе — одна я не стану, ни за что.

— Молодец, — проворковал он, не отрывая горящих глаз от меня. Одним движением он сбросил блузку с моих плеч.

Осмелев, я помогла ему снять футболку и откинула её в сторону. Чёрт, такое волнение, как будто в первый раз. В этом что-то есть. С каждым новым движением желание растекается по телу волнительной дрожью.

— Видишь, нет ничего страшного в том, что мы раздеваемся — это так естественно.

— Вместе, — уточнила я.

— Ничего, скоро ты поймешь, какое наслаждение можно получать, доставляя удовольствие партнёру.

— Я пока не готова. Это ты у нас, опытный любовник.

— Эй, я мужчина. Думаешь, я со всеми был так нежен? Только ты, поверь мне.

Улыбку никуда не спрятать. Мне нравится, что Влад оправдывается передо мной — это так забавно. Он боится меня обидеть, а, значит, его чувства ко мне самые, что ни на есть настоящие.

Осмелев, я помогла снять ему джинсы.

Запускаю пальцы между трусами и телом и тяну их вниз.

— Теперь что, Виктория? — шепчет он.

— Раздень меня, — прошу я.

— Хорошо, — улыбнувшись, говорит он и опускается передо мной на колени. Приятно видеть Влада на коленях. Он расстёгивает пуговицу на моих джинсах, тянет молнию, стягивает джинсы, а потом и трусики.

— Всё, — говорит он и поднимается на ноги. — Я не люблю одежду, — признался

Влад. — Она скрывает не только наши тела, но и души. Сейчас ты открыта — тебе не за что спрятаться.

Но мне уже не до слов и, тем более, не до откровений — я беру инициативу в свои руки.

Влад улыбается, позволив мне насладиться минутной властью над ним.

Когда ко мне возвращается ясность мыслей, я открываю глаза и вижу лицо любимого перед собой — оно ласковое и нежное. А глаза... как странно. В комнате мало света, а в глазах Влада играют зеленоватые искорки.

— Твои глаза. В них как будто пляшут искорки, — сказала я. Никогда ничего подобного не видела. Влад отвёл взгляд в сторону.

— Ничего не поделаешь, это природа.

Влад резко поднялся с постели. Он стоит предо мной сильный и абсолютно голый и это так заводит. Кто бы мог подумать, что через пару месяцев, как я увидела этого красавца в кафе «Сказка» он будет стоять предо мной открытый и влюблённый.

— Что, значит, «природа»? — опершись на локоть, спросила я.

Влад хитро улыбается.

— Что есть, то есть, — ответил Влад, натягивая джинсы.

— Нам пора уходить? — спросила я, наблюдая, как он одевается.

— Нет, детка, у нас впереди долгая бессонная ночь и долгий день чтобы выспаться.

— Я бабушку не предупредила, она будет волноваться.

— Так позвони ей, в чём проблема?

Точно, я могу ей позвонить. Рядом с Владом я теряю голову, забываюсь, как будто ненормальная делаюсь.

Бабушка, конечно, выказала своё недовольство, но меня сейчас это мало заботит. Я вообще могу переехать к Владу, если возникнут осложнения с родственниками. Мне надоели их нравоучения и понукания. Хорошо хоть папа в последнее время, редкий гость в бабушкином доме — думаю, он завёл роман. Хорошо если бы так — он заслуживает счастья.

— Поднимайся, красавица, — в шутку приказал Влад. — Твой мужчина проголодался, а ты лежишь, бездельничаешь.

— Если я приму твоё предложение жить вместе, всё будет именно так? — спросила я за ужином.

Я приготовила два стейка и овощной салат с кедровыми орешками. Влад любит мясо, им забит весь холодильник. Причём он просит, чтобы его стейк я готовила средней прожарки — это ужасно, но я смирилась.

— А разве может быть иначе? Мы идеально подходим друг другу. Сколько ещё впереди открытий, ты и представить себе не можешь, — посмеиваясь, заметил он.

— В плане любви, да, я согласна, нам есть куда двигаться. А как мы будем жить?

— Регулярно, — посмеиваясь, ответил Влад.

Отшутился, как всегда. А я ведь хотела серьёзно поговорить. Пора мне решаться, иначе Владу надоест уговаривать меня, а если он рассердится, пощады не жди. Стоит поторопиться с решением. Не представляю, как стану жить без него, если ему надоест ждать моего решения.

— Куда мы идём? — спросила я. Ночь, темно, хоть глаз выколи, а Влад вытащил меня на прогулку.

— Ты боишься? — в удивлении вскинув брови, спросил он.

— Конечно, боюсь. Я нормальный человек, которому свойственно испытывать чувство

страха.

— А я, по-твоему, ненормальный?

— Да, представь себе. Кто ходит ночью в лес?

— Это наша земля — мы в заповеднике.

— Мне от этого нелегче, — огрызнулась я, потому что мне реально страшно. Я то знаю, что тут бродят волки. А иные считают, что в заповеднике водятся оборотни.

Мрачно и сыро. Земля остыла и на почве заморозок. Ужасно скользкая тропинка и я, то и дело спотыкаюсь. Влад крепко держит меня под руку и не позволяет свалиться на землю.

— Всё, мы на месте.

После ужина Влад предложил мне прогуляться по ночному городку. Я, конечно, согласилась, но не думала, что мы отправимся на прогулку в ночной лес. Иногда предложения Влада заводят меня в ступор — не знаешь, что произойдёт в следующую минуту. С ним, как на пороховой бочке — опасность подстерегает тебя на каждом шагу. Не понимаю, почему я всё ещё с ним. Он, как будто приворожил меня или я сделалась его сексуальной заложницей. Конечно, теперь я не смогу без него обходиться — он, совершенно бесцеремонно владеет мной, манипулирует на своё усмотрение, потому что знает, как сильно я привязана к нему.

— Мне нравится домик на дереве, но сейчас, когда темно и холодно... я не знаю, — тихо произнесла я, боясь, что лесные звери меня услышат.

— Пойдём, — без лишних церемоний, взяв меня за руку, сказал Влад. — Домик совсем близко. К тому же, волки ушли.

— То есть, как ушли? Навсегда? — обрадовалась я.

— Нет. Они вернутся, конечно. Через время.

Стало немного спокойней, к тому же, через пару минут мы подошли к дубу. Влад взял меня за руку и повёл по ступенькам в дом.

К моему удивлению, в домике тепло. Влад не стал включать свет, а зажёл свечи, которых в комнатке предостаточно и они расставлены в хаотичном беспорядке.

— Чем займёмся? — устало поинтересовалась я и прилегла на кровать.

— Кроссворды будем разгадывать, — хмыкнув, ответил Влад.

— Я не люблю кроссворды. Зачем мы сюда пришли?

— Сейчас узнаешь.

— Это будет романтический вечер?

Неужели ему мало? Мы весь вечер ворковали и вот опять — эти свечи, его боевой настрой. Чувствую, завтра буду спать весь день, как убитая.

— Скорей мистический, — улыбнувшись, усмирил моё воображение Влад.

Вот как? А это что-то новенькое. Я поднялась, и села на постели, поджав под себя ноги. И тут я увидела раскрытую книгу на столе, ту самую, старинную и потрепанную, которая лежала в ящике комода в комнате Влада.

— Ты знаешь, как ею пользоваться? — вскочила я и присоединилась к Владу.

Это мне интересно и сон, как рукой сняло. Может, это и есть тайна, которую Влад скрывал от меня до сих пор?

— Не имею ни малейшего представления, но она работает.

— Эта книга, часть твоей тайны? — спросила я, в надежде получить достоверный ответ.

— Может быть — уклончиво ответил Влад. — Но, я предполагаю, что пришло время

надеть браслет.

— Почему ты так решил? — спросила я. Так волнительно, что я даже дышу через раз. Влад доверился мне, а это дорогого стоит.

— Мне приснился сон, в котором я видел книгу. Она лежала на столе раскрытая, а на странице горели два слова «Время пришло».

— Может, тогда не стоит заниматься тем, что может быть опасным, — предупредила я. — Почему ты решил, что время пришло надеть браслет?

— Эй, трусиха, ты со мной и тебе нечего бояться.

Влад задумался и молчал целую минуту, а я, приоткрыв рот, любовалась им и тешила себя мыслью, что это всего лишь шутка, на счёт книги и браслета. Просто Влад решил придать себе ещё большей значимости. Ну, что же, пусть так.

— В этой книге зашифровано избавление, — наконец, произнёс он.

— Избавление? От чего? — спросила я и сглотнула образовавшийся комок в горле. Кажется, время пришло, и я теперь услышу тайну, которая так или иначе должна была открыться мне. С чем мне придётся столкнуться, я понятия не имею. А он, как нарочно, выбрал место, откуда я при всём желании не сбегу. Разве пойду теперь одна через лес?

— Ты веришь в магию? — спросил Влад. — Скажи мне, что ты думаешь о жизни?

Ничего себе вопросик. К чему всё это? Что ж, попробую ответить.

— Я не верю в чудеса, не верю в удачу, и полагаюсь только на себя. Я не отношусь к жизни слишком серьёзно, потому что всё проходящее.

— Интересно, — покачав головой, сказал Влад. — И всё же, что, по-твоему, жизнь вообще?

— Для меня жизнь это иллюзорное восприятие определённого отрезка времени. Яркие моменты, или серые будни. Выражаясь метафорично — жизнь сравнима с лошадкой, которая уныло ходит по кругу и перекачивает тонны воды, а она льётся не оставляя после себя ничего, кроме воспоминаний. Другими словами, суета это серость и скука от однообразия вроде бы нужных дел.

— Очень хорошие мысли, — похвалил меня Влад. — Ты умная девушка. Примерно так думаю и я. Тогда почему не соглашаешься переехать ко мне? Ну, если в твоей голове водятся такие мысли, значит, где-то рядом бродит отчаяние. Ты ведь не прагматик.

— Просто я побаиваюсь тебя, вот и всё.

— Так и должно быть, — ровным голосом произнёс Влад.

— Это я уже поняла, что ты привык властвовать.

Влад улыбнулся и поцеловал меня в щёчку. Ловким движением застегнул браслет на запястье и заглянул в книгу.

— Я собирался сделать это долгие шесть лет.

— Что ты собирался сделать? — сглотнув образовавшийся ком в горле, поинтересовалась я.

— Узнать, что это за хрень.

Не успел он произнести последние слова, как браслет на его запястье ожил. Так и есть, я видела, как по нему пробежал тусклый свет, едва заметный, но я успела заметить его.

— Что это было? — покрывшись от страха мурашками, спросила я.

— Откуда мне знать, — бесстрастно ответил Влад. — Не дёргайся, всё только начинается. Знать бы, что написано в книге.

Какое счастье, что он не знает, что означают эти иероглифы.

— Давай закончим сеанс, — предложила я. — Мне не нравится эта затея.

Ночной лес прорезал волчий вой. Я буквально подпрыгнула на месте, а сердце забилося так, что дышать стало больно.

— Тихо, тихо, — попытался успокоить меня Влад. — Чего ты так испугалась.

Мне кажется, что я сейчас умру от страха.

— Ты же сказал, что волки ушли?

— Значит, это другие волки, из дальнего леса.

— Что если они сунутся в заповедник? Он ведь остался без охраны, — предположила я.

— Мы на дереве. Волки нас не достанут, — сказал Влад, а я ему не поверила. Они могут подняться по лесенке, не такие волки глупые, чтобы не догадаться, как это сделать.

— Чужаки не сунутся в заповедник.

— Ага, скажи ещё, что ты с ними договорился. — Я закрыла глаза и сделала три глубоких вдоха и выдоха: обычно меня эта простая процедура успокаивает. — Теперь скажи мне, ты видел свет, который пробежал по браслету?

— Видел, — кивнул Влад.

— Не хочешь его снять? — предложила я.

— Нет, — ответил он и откинулся на спинку кресла.

— Ты меня пугаешь.

Что-то произошло, после того, как Влад надел этот браслет. Не понятно, зачем он устроил весь этот цирк. Что сподвигло его к проведению ритуала, в котором он ничего не смыслит. Он морочит мне голову, но зачем? Всё это так странно. Почему бы ему не успокоиться и не начать жить обычной жизнью. Теперь у него есть я и ему не нужно больше искать «тайное местечко», чтобы периодически заглядывать в себя. Зачем? Мы теперь есть друг у друга и этого достаточно, чтобы чувствовать счастливыми. Предлагает мне переехать к нему, а сам ведёт себя, я бы сказала, очень глупо и по-юношески.

— Пойдём домой, — неожиданно предложил Влад.

— А книга? Мы её здесь оставим?

— Толку от неё никакого, — захлопнув старинные письма, сказал Влад и стал поочерёдно гасить свечи.

— Мы вернёмся в квартирку? — спросила я.

— Нет, уже поздно. Мы пойдём в дом, в мою комнату.

Вот чёрт, как неудобно. Утром я встречусь с родителями Влад, как посмотрю им в глаза?

— Ты не снял браслет, — напомнила я, когда мы покидали домик на дереве и спустились вниз по винтовой лестнице обвитой вокруг ствола. Как умно придумано — зверь не сунется

сюда, не поймёт, что по лесенке можно подняться на дерево.

— Знаешь, мне не хочется его снимать. Возможно, он нашёл своего хозяина.

Ладно, пусть носит. Может мне показалось, или просто огонёк от свечи отразился на браслете.

Я чувствую какую-то недоговорённость, как будто Влад хотел рассказать мне что-то, но я испугалась, и он не стал откровенничать. Наверное, пришло время ему открыться мне, но чувствую, я не готова услышать правду.

Глава пятнадцатая

— Почему всякий раз, когда видишь меня с другим мужчиной, хватаешь и тащишь в постель, как будто метишь границы. Прямо, как герой женского романа.

— Детка, границы давно помечены, а ты должна помнить кто твой повелитель.

Он шутит?

— Ты мой повелитель? — хмыкнула я.

— Разве не так? И, знаешь, я не читаю женские романы. Даже не думал, что они могут быть увлекательными. Там и про секс написано? — притворно удивляясь, спросил Влад.

— И про оборотней, и про вампиров, и про троллей, и про любовь, — подхватив его шутливый настрой, ответила я. — Но с недавних пор я не увлекаюсь чтением, некогда, знаешь ли.

Влад улыбнулся и покачал головой. Его ничем не пробьёшь, как не старайся.

— Что нужно было от тебя этому парню? — серьёзно спросил Влад.

Ну, что я говорила? Он гнёт свою линию и всё.

— Знай меру, — предупредила я. Влад улыбнулся и покачал головой.

— Мы с Филиппом когда-то учились в одном классе. Его мать лежит в кардиологии, и я присматриваю за ней.

— Ты доктор?

— Фельдшер, — язвительно ответила я. — Но я стану доктором, обязательно.

— Понятно, — кивнул он и сел в кресло.

— Что-то не так? — спросила я, потому что таким Влада ещё не видела. Он, как будто ушёл в себя — замкнулся.

— Всё хорошо, — ответил Влад, но я не уверена.

— Ты поссорился с родителями? — выдвинула я самое тупое предположение, потому что с родителями Влада сложно поссориться — они такие милые.

— Нет, конечно, — хмыкнул он.

— Тогда что? — не отстаю я.

— Я не могу тебя контролировать, и это выводит меня из себя.

— Зачем меня контролировать? Я твоя и это очевидно. Я люблю тебя, Влад.

Да, я призналась ему в любви. Первая. Пусть считает меня глупой, но я это сказала.

— Ты любишь меня? — О боже, что не так? Как будто я сказала, что-то запредельное. — Чёрт, мы ни разу не говорили друг другу этих слов. Я тоже люблю тебя, Виктория. Прости, что тебе пришлось первой признаться.

— Ничего. Я призналась в том, что чувствую.

— Это и так очевидно, — покачивая головой, сказал он. — Я не подумал, что нужно озвучить свои чувства.

— Ты, как будто расстроился?

Странная реакция на признания. Разве я его заставляла произносить эти слова?

— Ты совсем не знаешь меня, — с неким отчаянием в голосе сказал Влад.

— А ты не знаешь меня.

— Нет, детка, я знаю тебя. Очень хорошо знаю.

— Знаешь, ты изменился с тех пор, как стал носить этот браслет. Мы так и будем сегодня сидеть в потёмках? — спросила я, чтобы хоть как-то отвлечь его от бессмысленного

разговора.

— Можешь включить свет.

— А тебе он не нужен?

— Нет, мне нравится мрак.

— Я заметила, — пробурчала я и включила свет. Да, этот браслет повлиял на Влада и это очевидно.

— Ну вот, нарушила таинство, — отозвался Влад и поднялся с кресла.

Сегодня лучше его не трогать. Первый раз я вижу Влада, не владеющим собой, не владеющим ситуацией — я вижу растерянного Влада.

— Пойдём на кухню, я приготовлю нам чай, — предложила я.

— Лучше налей мне вина, — попросил он. — И себе тоже.

На кухне, я вздохнула: сегодня Влад слишком «давит» на меня. Достала из шкафа бутылку Шабли, потом взяла из сушилки два бокала и наполнила их восхитительным белым вином. До знакомства с Владом я понятия не имела, какое вино хорошее, а какое не стоит пить. Теперь всё изменилось — я стала разбираться в дорогих винах. А ещё, как не стыдно себе признаться, я стала носить дорогие вещи, купленные на деньги Влада, и мне нравится чувствовать себя «дорогой». Много изменилось в моей жизни.

— Держи.

Я подала бокал любимому и села у его ног: как верный пёс, ей-богу. Когда стала такой покладистой, ума не приложу. Жила и даже не подозревала, что секс может когда-нибудь поработить меня. Сопротивляться бессмысленно — я уже не представляю себе жизнь без Влада.

— Я сегодня давлу на тебя? — отпив из своего бокала, спросил Влад.

— Ты сегодня меня расстраиваешь, — ответила я и тоже выпила немного вина.

— Переживёшь, — улыбнувшись, сказал Влад. — Я и таким бываю.

— А я? Почему не разрешаешь мне капризничать? — возмутилась я.

— Твои капризы должны соответствовать твоему положению. Я исполню любое твоё желание, но в остальном, ты должна быть покорной и терпеливой.

Что? Мне это надо? Чёрт, я бесхарактерное существо. Ради этого парня я готова на всё даже если его действия будут противоречить моим принципам.

— А зимой, ты бываешь в домике на дереве? — спросила я. Не знаю, чем его отвлечь или развлечь.

— Холода не пугают меня.

— Давай Новый год встретим на дереве, вдвоём, — предложила я. — А ёлку прямо в лесу украсим.

— Хорошее предложение, — похвалил меня Влад. — Устроим вокруг ёлки хоровод.

— И пригласим белку, твою подружку.

— Она не пропустит веселье, — подхватил мою шутку Влад.

Ну, слава богу, ко мне вернулся мой Влад.

Я поднялась с пола и унесла пустые бокалы на кухню. Открыла холодильник и в качестве «перекуса», выбрала тонко нарезанный сыр в золотистой упаковке. Выложила

его на тарелку и вернулась в гостиную.

— Будешь? — предложила я Владу.

— Нет, спасибо, — поморщился он. — Сыр дурно пахнет.

— А мне нравится. Давай, телик посмотрим, раз мы сегодня решили провести вечер, как супруги, которые прожили в мире и согласии лет двадцать.

— Ладно, детка, иди под бочок, будем смотреть сериал.

— Не люблю сериалы, если они не про вампиров.

— Может, займёмся любовью? — в шутку предложил он.

— С удовольствием, — ответила я и принялась раздеваться.

Глаза у Влада округляются, и он растерянно качает головой.

— Но сначала в душ, — предложила я. — Вместе.

— Заманчиво, — произнёс он и шлёпнул меня по попе. — Пойдём, примем душ.

Мне нравится вместе принимать душ. Влад моет мне волосы и тело, а потом просит потереть ему спинку. Кожа у него упругая и бархатистая, приятная на ощупь. Мышцы на руках каменные, но не перекаченные и мне это ужасно нравится. Влад сильный и сексуальный одновременно. Его тело, как будто создано для любви.

Я стою, как парализованная под его жарким взглядом. Через пару мгновений он снимает халат с моих плеч, и тот падает к моим ногам. Костяшками пальцев Влад гладит моё лицо и его прикосновения отдаются сладкой болью внизу живота.

— Хочешь меня? — спрашивает он.

— Да, — чуть слышно отвечаю я.

— А если я скажу, что не стану заниматься с тобой любовью, пока ты не переедешь ко мне окончательно.

— Я сильно огорчусь, — отвечаю я.

— Не проще ли уступить мне? — продолжает пытку Влад. Я сгораю от желания, а он тянет время, смакует моей страстью.

— Зачем тебе это? Не всё ли равно, живём мы вместе, или встречаемся, практически каждый день?

— Хорошо, выходи за меня замуж.

— Что?

Моё сердце, как будто стрелой пронзило. Не думала, что эти четыре слова вызовут во мне такую панику. Раньше, я считала невероятной глупостью, когда девушка падала в обморок, услышав предложение руки и сердца, а теперь сама близка к потере сознания.

— Жалуешься на слух? — улыбнувшись, спросил Влад.

Чёрт, что делать? Я не могу отказать ему, а согласиться пока не готова.

— Вижу, моё предложение застало тебя врасплох. Конечно, я дам тебе время подумать. Скажем, три дня.

— Три дня?

— Эй, ты способна трезво оценивать ситуацию?

— Кажется, нет.

— Ты так сильно обрадовалась или расстроилась? — хохочет Влад.

— Не знаю.

Стою перед ним обнажённая и растерянная. Мои щёки пылают. К моему удивлению, мне нравится моя нагота, моя открытость перед любимым. Я вижу, как жадно он смотрит на меня. Я желанна и это очевидно.

Чёрт, я извращенка.

— Через три дня продолжим, — сказал Влад и накинул на плечи халат.

Я лежу в его объятиях. Он прижался грудью и животом к моей спине, и уткнулся носом

В МОИ ВОЛОСЫ.

— Я боюсь тебя. Я боюсь потерять тебя. Боюсь, что надоем тебе, и ты бросишь меня.

— Я тоже, — неожиданно признался Влад. — Мне даже страшно подумать, что ты можешь уйти. А ведь так бывает, люди доверяют друг другу, а потом расстаются.

— Я-то никуда не денусь, — вздохнув, заверила я любимого. — Мне иногда кажется, что не хватит жизни, чтобы я насытилась тобой.

— Завтра родители устраивают вечеринку.

— Для кого? — удивилась я. Неужели, снова в мою честь?

— «Проводы осени». Они устраивают бал каждый год в ноябре. День выбирают, ориентируясь, по погоде.

— А кто будет?

— Все, кому эта идея кажется интересной. Я приглашаю тебя.

— Хорошо, — согласилась я, не представляя, что надену. Одежды полно, но вот чтобы пойти на бал — нет, таких вещей в моём гардеробе не наблюдается. Дома, в Тамбове у меня осталось платье с выпускного вечера — нежно голубое и очень красивое. Но, я не успею съездить за ним.

— Раньше не мог сказать? — разозлилась я.

— В чём проблема? — забеспокоился Влад.

— У «Золушки» нет бального платья, — призналась я. — В нашем городке ничего не купишь, а в Тамбов я уже не успею съездить.

— Ольга поделится с тобой нарядами, — лениво произнёс Влад.

— Ольга? Не очень-то твоя кухня жалуется меня, — призналась я. — Иной раз даже не здороваются.

— Она странная, но добрая, — улыбнувшись, заметил Влад.

Ладно, придётся воспользоваться предложением, если хочу пойти на бал к Шумиловым.

Утром мы поехали к родителям Влада. Ольга с радостью согласилась мне помочь. Она предложила мне на выбор три платья, одно краше другого: я выбрала бирюзовое в пол, с закрытой грудью и открытой спиной. Просто у меня есть туфли под него и украшение.

Алиса Витальевна и Игорь Всеволодович пригласили нас пообедать с ними. Конечно, мы согласились. За обедом Ольга много разговаривала со мной, интересовалась, нравится ли мне моя профессия, и не боюсь ли я крови. Когда я сказала, что кровь всего лишь сопутствующий фактор моей профессии, она сказала, что именно такая девушка и нужна её брату — «чтобы выдержать характер моего братца, нужно быть очень сильной женщиной», сказала она дословно. Что ж, не могу не согласиться с ней.

После обеда мы попрощались и обещали не опаздывать завтра: бал начнётся в семь. Не представляю, кто к ним придёт?

Я попросила Влада отвезти меня домой. Мне нужно выспаться и привести себя в порядок перед завтрашним вечером, а с ним это невозможно будет сделать.

Влад тяжело вздохнул, но противиться не стал.

— Устинья приходила, — с порога сообщила бабушка. — Тебя искала.

— Тётка Устинья? Что ей надо от меня? — удивилась я.

Вот пристала, старая ведьма!

— А ты не вороти нос от неё. Она, между прочим, моя подруга ещё смолоду. Мы с ней всего на свете повидали. Ты зайди к ней, ей, есть, что сказать тебе.

— Бабушка и ты туда же? Не пора ли вам оставить в покое эту семью? Вот выйду замуж

за Влада, и посмотрите, какой он добрый и отзывчивый. И родители у него великолепные.

— Замуж? — вскричала бабуля. — А как же учёба?

— Не ты ли мне говорила, что в двадцать пять у тебя уже «семеро по лавкам» сидели?

— Так я... а ну тебя.

Бабушка ушла в свою комнату. Всё ясно, если бы я со Стёпкой встречалась, всё было бы хорошо, а Влад ей не нравится.

Ну и ладно. Всё, решено. После бала я приму предложение Влада.

С утра я принялась готовиться к приёму. Конечно, воображала себя сказочной принцессой, а Влад принцем, который на балу уделит мне максимум внимания и это так волнительно. Мы будем кружить с ним в танце, и мне будут завидовать местные девушка: если, конечно, этот бал состоится. Хотя, они ведь не первый год собирают вечеринку, а значит, уверены, что люди придут. Странно, что Степан не рассказывал мне о благотворительном вечере, который ежегодно устраивают Шумиловы.

— В прошлом году отец твой был у «пришлых», — сказала бабушка. — Там он с Верой и познакомился.

Бабушку словно подменили, она доброжелательная и разговорчивая, и, кажется, смирилась, что я с Владом.

— Так знала, что у отца есть женщина и молчала?

Скрывала от меня. Почему? А я хожу, переживаю, что папа в одиночестве мается.

— Шила в мешке не утаишь, — сказала она. — Знать, не знала, но догадывалась. А вчера Устинья мои догадки подтвердила, и имя женщины назвала, и сказала, что они у «гоблинов» сошлись.

Понятно. И здесь без «магии» не обошлось. Значит, бабуля ходила к Устинье, к местной колдунье, чтобы к сыну женщину «привязать». Это нехорошая идея и я бы не стала так рисковать. Что если заговор против отца подействует? Точно не знаю, но слышала, что «привороженных» съедает тоска, да так сильно, что последний даже погибнуть может. А если с Верочкой случится беда, а отец не сможет жить без неё?

О, боже, пора мне браться за ум, я обживаюсь в городке и даже мыслить начинаю по местному. Разве я верю в привороты? Нет, конечно. И в оборотней не верю. И колдунья всего лишь «травница».

Но, если честно, я уже не знаю во что верить. Всё смешалось в моей голове. Странно, что я ещё работу не бросила и не сбежала к Владу, чтобы не расставаться с ним ни на минуту. Всё же кое-что осталось от моего бывшего самообладание, которому завидовали все мои подруги. Но теперь они бы вряд ли узнали меня — любовь к Владу обратилась в зависимость, я уже не мыслю жизни без него. Это словно болезнь, вирус от которого вряд ли избавлюсь когда-нибудь. Влад сказал, что он моногамный, а я макси моногамная. Даже не думала, что когда-нибудь влюблюсь так сильно, что и жизни не пожалею для любимого. И это не пустые слова, я знаю.

К шести часам за мной приехал Влад. Не представляю, как бы я пешком шла по улице в вечернем платье и в пальто.

— Пусть войдёт, — попросила я бабушку.

— Не войдёт он. Порога не переступит, — буркнула она.

— Бабушка, что за глупости.

— Вот посмотришь, не войдёт, — сказала она и вышла из дома. Я выглянула в окошко. Влад поздоровался с бабушкой. Теперь они разговаривают. Неужели, правда не войдёт? Что

не так?

Бабушка направилась к дому, а я отошла от окна. Схватила сумочку, накинула пальто и выскочила ей навстречу.

— Я же сказала тебе, — пролепетала бабуля, поравнявшись со мной.

— Бабушка, — одёрнула я её. — Перестань подозревать его.

— Ты сегодня вернёшься? — громко спросила она.

— Возможно, — уклончиво ответила я.

— Твоей бабушке я не нравлюсь, — сказал Влад, когда мы отъехали от дома.

— Сам виноват, — ответила я. — Почему бы тебе не войти в её дом? Ты пугаешь её отказом.

— Это так важно? — удивился он.

— Представь себе, всё дело в этом.

— Хорошо, завтра пусть готовит пироги, я приду в гости, — улыбнувшись, пообещал Влад.

— О, это во многом облегчит мою жизнь.

Шумиловы украсили фасад дома разноцветными огоньками. На деревьях развесили гирлянды: всё горит, сверкает и переливается. Из дома звучит музыка — струнный оркестр. Вдоль улицы, упирающейся в лес, стоят дорогие и совсем скромные автомобили. Ничего себе гости и из Тамбова приехали? Не представляю, как хозяевам удастся объединить разношёрстные сословия. Конечно, Алиса Витальевна и Игорь Всеволодович прекрасные люди и народ на сословия не делят, но ведь не все такие демократичные.

Ладно, посмотрим, во что всё это выльется.

— Удивилась? — спросил Влад.

— Приятно удивлена, — согласилась я.

— Пойдём в дом? — предложил он мне руку.

— Да, конечно.

Я окинула взглядом любимого. Отличный серый костюм, белоснежная рубашка — две верхние пуговицы расстёгнуты. Он не носит галстук? Но так даже лучше, сексуальнее я бы сказала.

— Люблю тебя, — сказала я, взяла Влада под руку и мы зашагали к дому.

А в доме уже толпятся гости. Шведский стол, понятно. Столы установлены по периметру гостиной, так что все желающие подкрепиться не станут толкаться, пробиваясь к угощениям: всё продумано. Я мало с кем, здесь знакома, но всё равно мне весело. А вот и мой папа с Верочкой. Симпатичная женщина — маленькая, пухленькая с короткой стрижкой почти под «ёжик». Ей лет сорок на вид. Я подмигнула папе и кивнула, одобрив его выбор. Папа широко улыбнулся и кивнул мне в ответ, поблагодарил за понимание.

— Тебе нравится тут? — спросил скучающим голосом Влад.

— Да, очень, — ответила я, не поддержав его настроение. Я думала, что буду в центре внимания, а он скучает и норовит улизнуть от всеобщего веселья.

— Я сделала причёску, два часа провозилась с ногтями, час выбирала платье в гардеробе твоей кухни...

— Ладно, пойдём, сделаем пару кругов, — предложил Влад, сообразив, к чему я клоню.

— Вальс? — удивилась я. Не думаю, что у меня получится. Я вспомнила свой выпускной и то, как я чуть не упала, не успевая перебирать ногами за партнёром. Мне нравится танцевать, но вальс...

— Всё получится, — сказал Влад и закружил меня в танце. Я едва успевала за ним. А он кружит и кружит меня и если бы только Влад выпустил меня из своих рук, я бы свалилась. Только когда мы остановились, и Влад принял меня в свои объятия, я увидела, как на нас все пялятся. Особенное неудобство я доставила женской половине населения от

двадцати пяти, до тридцати. Ненавистные взгляды так и буравят меня — они думают, что я с Владом из-за денег, я чувствую это. Или этот парень не мне одной нравится так сильно, что я готова отстаивать своё счастье, чего бы мне это не стоило.

— Ну, как? — спросил Влад, обнимая меня за плечи.

— Дерзко и круто, — ответила я, переводя дыхание. — Ты прекрасно танцуешь и ты великолепен.

— Десять лет занимался бальными танцами.

— Перестань, — не поверила я. — Танцоры такие манерные, а ты...

— Что не так со мной? — удивился Влад. — Почему бы мне не заниматься танцами? В Сибири в нашем посёлке жила настоящая педагог-хореограф, она и собирала детишек в школе, чтобы проводить с нами платные занятия.

— Ты сильный, властный, смелый, а ещё ты подавляешь, даже в танце.

— Это мешает тебе принять моё предложение?

Какое из них? Теперь их два — к предложению переехать жить к нему добавилось предложение руки и сердца. Запуталась я окончательно. Всё слишком быстро развивается. Я вернулась в этот городок с определённой целью и никак не предполагала, что найду здесь любовь всей жизни, который ни под каким предлогом не намерен менять место жительства, а меня не устраивает жизнь в Борках, пусть и с любимым. Вот если бы он согласился переехать в Тамбов, а так, я не готова ему ответить.

— Нет, дело не в твоей власти надо мной — мне это даже нравится, — начала я издалека.

— Тогда что?

— Эй, вы ссоритесь?

К нам подошла Ольга. На ней узкое алое платье, которое идеально повторяет контуры её отличной фигуры. Выглядит Ольга шикарно. Она симпатичная девушка, только слишком свободная. В большом городе её жизнь оставалась бы незамеченной, но в маленьком городке она вся на виду. Почему она ведёт себя так вызывающе? Меняет парней, как перчатки, частенько её можно заметить выпившей, а ещё курит прямо на глазах у местных старушек, чем шокирует их окончательно. Это протест или жизненное кредо?

— Мы разговаривали, а ты бесцеремонно вторглась в наше личное пространство.

— Только хотела сказать, что вы потрясающая пара. Я дико завидую вам и люблюсь со стороны.

— Спасибо, — кивнула я ей.

— Кстати, сейчас будут разыгрывать призы, не пропустите, — предупредила Ольга и растворилась в толпе.

— Так что скажешь? — снова вернулся к разговору Влад.

— Я не чувствую себя защищённой, — призналась я.

— Что? — слишком громко спросил Влад. Парочка, что стояла неподалёку от нас, отошла чуть подальше — поняли, что разговор серьёзный. Как неловко, мы ведь на балу.

Как обычному человеку, мне интересно посмотреть какие призы будут разыгрываться и

кому они достанутся, но чувствую, мне не удастся принять участие во всеобщем веселье.

— Поднимемся в мою комнату, — предложил Влад.

Он не предложил, он просто не оставил выбора, так напористо произнёс предложение.

— Здесь так тихо.

— Стены оснащены шумоизоляцией.

— Зачем мы здесь? — спросила я.

— Тихо, — обнимая меня, прошептал Влад у самого уха. — Ты сводишь меня с ума. Ты играешь со мной, и я уже не понимаю, что происходит. Ожидание — ненавистное ожидание. Боюсь, что ты просто исчезнешь в какой-то момент.

О боже, он издевается? Мне неловко оттого, что я заставляю его страдать.

— Тогда не дави на меня, — чуть отстранившись, сказала я, глядя в его пылающие страстью глаза.

— Ты же знаешь, детка, что всё будет хорошо. Чего ты хочешь?

— Я знаю тебя только как любовника, но что касается всего остального, не знаю, чего ждать от тебя, — призналась я. — Я не знаю тебя.

— Значит, теперь нам предстоит вернуться к первому этапу отношений?

Я киваю. По крайней мере, у меня появится возможность всё обдумать и взвесить, пока Влад будет ухаживать за мной.

— И сколько этот этап продлится? — не отстаёт он.

— Недолго, — успокоила я его.

Вот, теперь я его боюсь. Опять эти зеленоватые искорки в глазах.

— Может, включим свет? — судорожно сглотнув, предложила я.

— Ну, если тебе нравится заниматься любовью при ярком свете, тогда валяй, включай.

— А мы сейчас займёмся любовью?

— Нет, конечно, — посмеиваясь, ответил Влад. — Ко мне в комнату могут войти мама или Ольга. У нас не принято запираеть дверь. — А вот чуть позже...

— Я хотела вернуться домой.

— И не мечтай, — предупредил он. — Ты сегодня такая аппетитная. Кстати, выглядишь потрясающе. Я хотел бы всегда видеть тебя такой.

— Это нереально, — хмыкнув, ответила я.

— Ещё как реально, — сказал Влад и взял меня за руку. — Когда согласишься, стать моей, будешь носить самые дорогие вещи даже дома.

— Купишь мне эксклюзивный халат?

Влад улыбнулся и потащил меня вниз, к гостям. Я едва успевала перебирать ногами:

ужасно устала и теперь легла бы уже в постель, но бал в самом разгаре. Я думала, что будет весело, но Влад совершенно не умеет веселиться и мне настроение испортил: теперь бы я уже ушла домой, но разве это возможно.

Как только мы появились среди гостей, к нам подошла Алиса Витальевна.

— Влад, нехорошо покидать зал, — выказала она сыну своё недовольство им. — Это дурной тон.

— Нужно было кое-что обсудить, — огрызнулся он и утащил меня танцевать.

— Всегда только классическая музыка звучит на балу? — поинтересовалась я.

— На то он и бал, — ответил Влад и закружил меня в танце. Рядом с нами вихрем пронеслись мой папа и Вера, они выглядят счастливыми. Папа всё-таки успел похвастаться, показал мне новенькие часы на руке. Он выиграл приз? Как хорошо. Я кивнула ему, оценив

выигрыш.

А вот и Ольга кружит в танце: я глазам своим не поверила — она танцует со Стёпкой. Когда он пришёл? Я не видела его среди гостей.

После танца Влад предложил перекусить и повёл меня к столу с угощениями.

— Так много еды.

— Всё это приготовить нам ничего не стоит, — кивнув на стол, уставленный изысканными яствами, сказал Влад. — Ради веселья мои родители готовы отдать последнее, лишь бы видеть людей счастливыми.

— Они у тебя добрые очень.

— Так и есть, — согласился Влад.

Он налил нам вино и набросал в большую плоскую тарелку разной еды.

— Отойдём в сторонку, — предложил он. — А лучше уйдём на кухню.

— Да, и это правильное решение — не люблю, есть прилюдно.

— А какие призы разыгрывались? — поинтересовалась я.

— Дорогие, — ответил с улыбкой Влад. — Хотела бы поучаствовать?

— О нет, спасибо, — смущённо пробормотала я.

Как неудобно вышло. Что меня дёрнуло спросить на счёт призов? Вот так всегда, сначала скажу, а потом жалею.

Далеко за полночь стали разъезжаться и расходиться гости. Я ужасно устала. Общий гомон звучал, как будто через толстый слой ваты.

— Оставайтесь у нас Виктория, — предложила Алиса Витальевна. — В нашем доме несколько гостевых комнат.

Упс! Она не предполагает, что я могу лечь спать в комнате Влада: конечно, я смутилась.

— Мама, — одёрнул её Влад. — Я сам решу, где ей лечь.

Алиса Витальевна исчезла так же быстро, как и появилась.

— Она не догадывается? — поинтересовалась я. — Из какого она века?

— Из прошлого, — буркнул Влад, недовольный поведением матери.

Мы поднялись в комнату Влада. Я подошла к прозрачной стене прислонила к ней руки и

стала вглядываться во мрак. Не скрою, мне страшно, но страх вперемешку с восторгом — невероятное ощущение.

— Чего ты хочешь, детка? — спросил он, подойдя ко мне со спины, обнял меня, сцепив руки в замок у меня под грудью.

— Спать, — честно призналась я.

— А как же душ? — удивился он, оставляя на шее дорожку из поцелуев.

— Утром, всё утром, — сонно пробормотала я.

Влад оставил меня, скинул атласное покрывало с кровати и расправил постель. Помог мне раздеться и уложил спать.

— Спокойной ночи, — проворковал он над ухом. Я буду рядом, спи.

Я сразу провалилась в сон, даже странно.

Ночью, я слышала шорохи под окном. И ещё пронзительный вой — он прозвучал так близко, что у меня даже во сне от страха мурашки пробежали по телу. Я вспомнила, что задний двор не отгорожен от заповедника забором. Почему? Неужели им не страшно жить на одной территории с дикими зверями?

Утром, я проснулась от взгляда. Влад лежал на боку, повернувшись ко мне, и с

нескрываемым интересом разглядывал меня.

— Эй, так не честно, — укрывшись одеялом с головой, пролепетала я.

— Ты очаровательное создание и тебе нечего стыдиться, — хмыкнув, произнёс он. — Я получил истинное наслаждение, наблюдая за тобой.

Я вылезла из укрытия и огляделась. Рядом с кроватью, на тумбочке лежит приготовленный для меня халат и новое бельё: как кстати. На кресле пакет, которого вечером не было.

— Джинсы, свитер и сапожки.

— Это лишнее, — сказала я и поднялась с постели.

— Нет, не лишнее. Мы отправимся на прогулку. Это Ольга принесла, я здесь не причём.

Значит, бельё новое и халат, тоже от Ольги? Ну, что же, спасибо ей за то, что отнеслась ко мне с пониманием.

— Домой ты меня не отпустишь, — догадалась я.

— Не сегодня, — строго произнёс Влад.

Влад проводил меня в ванную комнату на втором этаже. Здесь только душевая кабинка, а ванны нет. Вот почему в наш первый день мы остались на первом этаже — Влад хотел, посадить меня в ванну. Правильно. Под душем мы бы так не расслабились.

После душа, я накинула халат и вернулась в комнату Влада. Появился столик перед кушеткой. На нём завтрак.

— Я решил позавтракать отдельно от остальных — только ты и я. Наш первый завтрак на двоих.

А по мне, так лучше бы я дома позавтракала, с бабулей. Она уже ничего не говорит, только вздыхает, когда я изредка появляюсь дома.

— Хорошо, — присев на краешек постели сказала я.

— Что? — не понял Влад и устремил на меня удивлённый взгляд.

— Я принимаю твоё предложение. Только, здесь, в этом доме, я жить не стану.

— Хочешь, чтобы я купил нам дом?

— Достаточно переехать в нашу квартиру на улице Молодёжной.

— Как скажешь, — растерянно пробормотал Влад. — Но это ненадолго. Всё равно нам со временем придётся перебраться в родительский дом.

— Почему? — возмутилась я. — Ты зависишь от них?

Влад нахмурился и тяжело вздохнул, прежде чем ответить.

— Да, — поморщившись, ответил он.

Лучше мне остановиться: не слишком ли я на него давлю.

— Ну что, завтракаем и на прогулку в лес? — предложила я. Там, на вольном воздухе, я попробую разобраться, почему он боится «оторваться» от родителей.

— Да, я так и планировал.

Лес притих, приуныл. Непривычная звенящая тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием сосен, стрекот сороки, да воронье карканье. После шумного бала, хочется побыть наедине с природой, вдохнуть свежего воздуха и просто посмотреть в небо, пусть свинцовое и не доброе, но в этом тоже есть смысл.

— Пойдём дальше, — предложил Влад.

— Как скажешь, — пожимая плечами, ответила я.

— Не боишься?

Конечно, боюсь, но разве это остановит его? В принципе, скоро Волчий овраг, а я там,

как своя — все тропы исхожены. Звери туда не суются, знают, что там с человеком можно встретиться, а им не к чему такие встречи, особенно если человек окажется охотником.

— С тобой мне ничего не страшно, — призналась я.

— Хорошо, — кивнул Влад. — Но лучше нам остановиться здесь. Не знаю, с чем придётся столкнуться, — озвучил свои опасения Влад.

Мудрое решение.

— Смотри, это гриб? — схватив за руку Влада, спросила я. Под кустиком, огромный с красной шапочкой, кажется это подберёзовик и он подмёрз уже. — Обожаю запах грибов.

Я подбежала к кусту и наклонилась, чтобы сорвать это чудо, как вдруг услышала предупредительный рык. Прямо из зарослей кустарника на меня смотрели волчьи глаза. Конечно, это волк. Глаза бесцветные и в чёрном ореоле. Волк чёрный, я уже видела его, когда Степан решил пощекотать нервы себе, да и мне заодно.

Я застыла, понятия не имея, как поступить. Бежать, но тогда мне придётся повернуться к зверю спиной, остаться на месте, тогда зверь может напасть на меня и я стану лёгкой добычей. Влад стоит в стороне, метрах в двух от меня. Я не вижу его и от этого мне вдвойне страшно.

— Не шевелись! — приказал он. — Спокойно, детка.

Я слышу шуршание листвы под его ногами: неужели он идёт ко мне?

— Стой! — снова приказал он. А я и не думала шевелиться. — Ты должна уйти, медленно.

Что? Это он мне говорит? Я попыталась оглянуться, но Влад снова приказал мне, чтобы я не шевелилась. А в следующую минуту, он быстрым движением рук подхватил меня и переместил за свою спину: всё, я под защитой: ох, не знаю, надолго ли.

Из зарослей вышел огромный чёрный волк. Он оцетинился, устремив на меня два зеленоватого рыжих глаза. Я никогда не видела волков воочию, только один раз и то мёртвого, когда мой отец принёс трофей с охоты: но тот был серый с коричневыми подпалами.

Мы нарушили их границу владений, вот, наверное, в чём дело. Не стоило заходить так далеко. Или лучше бы мы ушли в Волчий овраг.

— Уходи, — прошипел Влад.

Волк отступил на шаг, но не ушёл.

— Даже не думай — произнёс Влад.

Это он с волком говорит? Серьёзно?

— Виктория, ступай в дом, — приказал Влад.

Он шутит? Как я пойду? А если волк бросится за мной следом?

— Иди в дом, — повторил он. — Ничего не бойся.

Ах, будь, что будет. Если мне суждено сегодня погибнуть, так тому и быть. Я так перепугана, что лучшее для меня, это попытаться уйти.

— А ты? — спросила я.

Нет, без Влада я не уйду. Почему бы нам не попробовать вместе уйти?

— Виктория, лучше тебе послушать меня и уйти, пока я держу ситуацию под контролем.

Волк, осмелев, сделал шаг.

— Стой! — приказал Влад, и волк снова отступил.

Я схожу с ума, или Влад реально говорит с волком? Да, лучше мне уйти. Кажется, я главная помеха теперь. Сейчас я побегу в дом и позову на помощь Игоря Всеволодовича, это будет считаться разумным поведением.

Сначала несмело, не поворачиваясь спиной к волку, я стала отступать назад. Зверь подался грудью вперёд, но ошетилившись снова отступил. Значит, Влад реально держит ситуацию под контролем. Я развернулась и бросилась к дому. Мчалась так быстро, что, кажется, ветер свистел в моих ушах. Забежав в гостиную, я громко позвала Игоря Всеволодовича. Он выскочил из своей комнаты и, не спрашивая меня не о чём, выскочил из дома, даже не накинув куртку.

Надеюсь, всё будет хорошо. Странно, что Игорь Всеволодович не взял ружьё.

Через десять минут мужчины вернулись. Влад виновато взглянул на меня и попытался взять за руку, но я не уверена, что хочу его прикосновений.

— Всё хорошо, Виктория, — прикоснувшись рукой к моему плечу, сказал Игорь Всеволодович и ушёл в свою комнату.

— Ты только что разговаривал с волком?! — отступив на шаг, дрожащим голосом спросила я. — И волк послушался тебя.

— Всё не так, — вытянув перед собой руки, и сделав осторожный шаг в мою сторону, сказал Влад.

— Нет, всё так, — тихо возразила я. Влад сделал ещё один шаг в мою сторону. — Не подходи ко мне, — остановила я его.

— Ты... оборотень? — осмелилась спросить я.

Вот почему он не мог войти в бабушкин дом. Какая же я глупая. Местные не станут понапрасну наговаривать на людей, значит, Шумиловы реально оборотни, или водятся с ними — не понятно.

— Нет, Виктория, я не оборотень. Всё не так.

— Я хочу уйти, — попросила я. — Не хочу ничего слушать.

— Хорошо, я отвезу тебя домой, — согласился Влад.

Я развернулась и вышла из дома Шумиловых. Влад пошёл за мной. Я не стала отказываться от предложения отвезти меня домой — я слишком напугана. Происшествие в лесу подкосило меня, выбило из калии. Это и есть правда, которую Влад так тщательно скрывал от меня — в заповеднике живут оборотни и это очевидно. Слишком хорошо всё начиналось, и я поверила, что, наконец-то, у меня всё сложится удачно. Влад предупредил меня, и я пообещала ему, что приму любую правду, но разве я могла подумать, что всё обернётся именно так? Поверить не могу, что в заповеднике реально живут оборотни. И Влад из их компании. Кажется, мир сошёл с ума. Или я.

Чёрт возьми, как страшно и как обидно. Нет не обидно — это нереально.

Глава шестнадцатая

— Как же так? — охает и причитает бабуля. — Уволилась и мне ничего не сказала.

Когда решила уехать? Что там у вас случилось?

— Ничего, бабушка, всё хорошо. Просто решила вернуться домой.

— Говорила тебе, не связывайся с этими «гоблинами».

— Они не «гоблины», — огрызнулась я. — Они Шумиловы.

«И гораздо опаснее, чем ты предполагаешь, бабуля». Подумать только, оборотни существуют в природе. Если бы факт не был так очевиден ни за что, не поверила бы.

А, может, я всё сама себе придумала? Просто эта семья способна контролировать диких животных, как дрессировщик в цирке.

Ох, я уже ничего не понимаю. Тётка Устинья сразу сказала, что семейка эта «не чистая», а я ей не поверила. А горожане верят, поэтому осторожничают с ними. Ещё бы не осторожничать, если у Шумиловых оборотни в услужении. Или нет? Шумиловы и есть оборотни?

Чёрт, я уже ничего не понимаю. Меня мутит уже вторые сутки, возможно, я занималась любовью с оборотнем. Я целовалась с ним...

Чёрт возьми, мы занимались сексом: к слову, нереальным сексом.

Надеюсь, время поможет мне забыть это невероятное злоключение. И ещё, надеюсь, что Влад не уничтожит меня, как ненужного свидетеля до того, как я покину этот городишко.

— Опять я одна остаюсь, — вытирая слёзы, сказала бабушка.

Ещё бабушка скулит с утра. Мне жаль её, но разве у меня остался выбор — нет, конечно.

Да, я бегу. Сбегаю тайком, уволившись с работы в связи с переменой места жительства. Даже отец ещё не знает, что я уезжаю. Я попросила бабушку пока никому не говорить о моём бегстве, боюсь, что Влад не выпустит меня из города так просто.

— Стёпка заходил, так я сказала ему, что ты к матери, на выходные едешь.

— Спасибо, бабушка.

— Из-за чего хоть поссорились? — не удержалась и всё-таки спросила она.

— Лучше тебе не знать, — сквозь слёзы ответила я и горько улыбнулась.

— Что ж, поезжай, — обречённо произнесла бабуля и ушла в кухню. — Бережёного бог бережёт.

Вещи собраны. С работы я уволилась. Со Стёпкой только не попрощалась, ну он поймёт, когда узнает, что я уехала тайком. Он предупреждал меня, а я ему не верила. Стёпка хороший человек и верный друг. Я-то думала, что он специально оговаривает Влада, а Степан реально заботился обо мне.

Чёрт, как больно. Даже не думала, что Влад так глубоко забрался в моё сердце. При мысли, что я больше не увижу его, душа рвётся на части и протестует против моего решения, но я не могу поступить иначе. Правда оказалась слишком страшной. Пройдёт немало дней, а может лет, прежде чем я вернусь к нормальной жизни. Понятия не имею, чем буду заниматься и как стану жить.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Пойдём детка, пообедаем. Я приготовила твои любимые котлетки. Грибочков нажарила. Картошечку сварила.

— Иду, бабушка.

Я не голодная, но не хочу обижать бабушку напоследок. Обедали молча. Не думала, что я стану есть. Истинно говорят, что аппетит приходит во время еды. Съела так много всего, как в первый день, когда приехала в Средние Борки. Это было недавно, а, кажется, что уже прошло несколько лет. Как много всего случилось.

Вожусь на кухне, перемываю посуду после обеда.

— К тебе гость, — сказала бабушка. — Он вошёл в дом.

Влад? Чёрт, зачем он здесь. Мне нельзя с ним видаться иначе я позволю ему уговорить себя остаться, а это невозможно.

— Скажи ему, что я зайду позже. Пусть ждёт меня в квартире на Молодёжной улице, — попросила я бабулю.

— Хорошо, — кивнула она и ушла.

Бабушка вернулась и села за стол. Она молчит.

— Бабушка, пора тебе дом «почистить», — сказала я.

— Нежеланный гость? — спросила она. — А я уже подумала, что он поможет мне остановить тебя от очередной глупости.

Она считает мой отъезд из Борок, глупостью? А вот я так не считаю. Местных, наверное,

устраивает соседство оборотней, а мне этого не надо. Рисковать жизнью — на это я не согласна. Подумать только — оборотни существуют.

— Всё равно сожги свои травы, — посоветовала я.

— Не поможет моя «чистка», — покачав головой, ответила бабуля. — Видно любовь ваша стёрла все границы.

— Думаешь, он любит меня? — садясь за стол, спросила я.

— Любит, не любит, одному Богу известно и ему самому.

— Ты не обижайся на меня, бабушка. Я уезжаю, потому что так будет лучше для всех.

— Утро вечера мудренее, — сказала бабушка. — Посмотрим, куда тебя выведет.

Нет, нет и нет. Я уезжаю навсегда. Надеюсь, воспоминания сотрутся со временем из моей памяти.

Автобус в шесть и у меня есть в запасе четыре часа. Я могу пойти теперь к Владу, в нашу квартирку и всё объяснить ему. Но ведь ничего не изменится — я не останусь с оборотнем, хоть и люблю его больше жизни. А, может, он правду мне сказал и он никакой не оборотень? Подумаешь, не позволил волку меня обидеть, с этим любой дрессировщик справится.

Нет, что-то мне не по себе, лучше уеду от греха подальше. Попробую справиться без Влада. Попробую, но не уверена, что справлюсь.

В шесть я на перроне. Сажусь в автобус, занимаю своё место по билету. Действую, подчиняясь инстинктам: так плохо мне ещё не было никогда.

Два часа пути и я в Тамбове. Днём мы бы ехали часа три, а ночью трасса пустая и автобус не на каждой остановке останавливается.

От Автовокзала поехала на такси, чтобы не трястись в автобусе. Я соскучилась по Тамбову. Огни родного города пляшут, переливаются, как будто празднуют моё возвращение. Завтра начнётся новая жизнь, в которой не будет Влада, не будет этого скверного городишка, а главное, не будет страшной истории с участием оборотней.

Чёрт, что я делаю?

На полпути, попросила водителя остановить такси. Вышла подышать: меня всё ещё

мутит. А ещё эти мысли: разве смогу жить без Влада?

Но ведь и с ним у нас ничего не получится. Я села в автомобиль, и мы поехали дальше по шумным улицам Тамбова. Я дома и я рада, что всё закончилось.

— На перепутье? — спросил водитель, седовласый и розовощёкий мужчина лет пятидесяти.

— Типа того, — хмуро ответила я.

— Своей дочери я бы сказал так — от себя не убежишь, — почёсывая одной рукой лоб, сказал он.

— Так и есть, — согласилась я. — Но обратной дороги нет.

— Дорога есть, было бы желание, — не согласился он со мной.

Я не стала вступать в дискуссию, просто замолчала. Ему хорошо говорить, а если бы его дочь связалась с оборотнем, чтобы он тогда сказал?

— Приехали. Девушка, вы в порядке? Выглядите неважно.

— Всё в порядке, — глухо отозвалась я.

— Улица Советская. Дом какой?

— Можно и здесь остановить. Хотя, нет, сумка тяжёлая. Можно вот в ту арку заехать.

— Можно и в арку, — буркнул водитель.

Кое-как поднялась на пятый этаж — сумка тяжёлая и неудобная. Всегда мечтала купить чемодан на колёсиках, но он стоит кучу денег.

— Доченька моя, я так рада, что ты вернулась. Теперь всё будет хорошо, как раньше.

Придётся поверить маме на слово, иначе сойду с ума.

Чёрт возьми, неужели, я оставила Влада?

Часть третья. Глава семнадцатая

(Из прошлого)

— У нас будет ребёнок.

— Ты серьёзно? Разве мы с тобой не обсуждали это? О чём ты вообще говоришь?

— Глеб, ты не можешь так говорить. Пойми, это благо, которое послано нам свыше, — взмолилась черноволосая красавица. Её серые глаза наполнились слезами. Одна слезинка скатилась по длинной реснице, потекла и остановилась на середине щеки. Она поблёскивает в скупых, остывших солнечных лучах, проникающих в комнату сквозь не зашторенное окно. Глеб и Полина живут открыто — им нечего скрывать. Или они думают, что если окна открыты, так никто не догадается о тайне, которую хранит семья.

— Полина, нет и точка, — взревел Глеб. — Ты меня поняла? Избавься от ребёнка, немедленно.

— Глеб, я не хочу говорить теперь с тобой. Уходи и не возвращайся, пока не успокоишься.

Глеб в бешенстве стукнул кулаком в дверное полотно и выскочил из дома.

— Не понимаю, почему нельзя? — поглаживая пока ещё плоский живот, произнесла Полина и опустилась на диван. — А я так хотела. Чёрт, что же теперь будет?

Она заплакала. Прикрыла лицо ладонями, как будто хотела спрятаться, как в детстве, когда мы прячемся за шторой, а ноги наружу и думаем, что укрылись от всего мира.

— Слезы? Что случилось?

Пришла соседка Алиса — яркая блондинка с небесно голубым взглядом и ямочками на щеках. Она присела рядом с Полиной и стала успокаивать соседку, поглаживая рукой по волосам.

— Дверь нараспашку, — мягким голосом стала говорить она. — А если чужак вломится, что будешь делать? Они, вон бродят по посёлку, понаехали, как будто у нас тут «золотая жила». Знают, где можно заработать, вот и едут. А мы и сами справляемся, верно?

— Ох, Алиса!

Новая волна боли вырвалась из груди Полины рыданием.

— Какие шикарные волосы у тебя, Полина, — перебирая пряди, заметила Алиса. Чёрные, как смоль и густые. Не то, что у меня — три волоска в ряд.

Попытка успокоить соседку, кажется, удалась. Полина притихла и убрала руки от лица и, наконец, взглянула на Алису опустевшими глазами.

— Хочешь побыть одна? Ты скажи. Я видела, как Глеб выскочил из дома, и по его виду поняла, что у вас здесь не всё гладко. Ты же знаешь, что я всегда на твоей стороне. Не хочешь рассказать, что произошло? — попыталась выяснить соседка, в чём суть конфликта. Глеб и Полина живут, душа в душу, можно сказать, они пример для подражания. Бывали мелкие перебранки, но чтобы вот так, со слезами — это впервые.

— Я беременная, — на выдохе призналась Полина.

— И что? — в восторге вскричала соседка. — Это же счастье какое! Слезы-то откуда? Мы с Игорем только мечтаем о такой радости. Господи, так что же вы ругаетесь, тут радоваться надо. Мы уже и приёмного ребёнка рады взять, только бы в доме смех детский зазвучал.

— Глеб не хочет детей, — зло выпалила Полина.

— Это он сейчас не хочет, а как увидит крошечные ручки, ножки, носик, так и полюбит — так бывает, — принялась успокаивать Полину соседка. — Хочешь, я поговорю с ним. А пока, пойдём ко мне, я тебя чаем травяным напою ты и успокоишься. Ты же знаешь, что мама у меня травница знатная, к ней со всей Сибири едут, вот как. У меня травы на каждый жизненный случай имеются, вот и успокоительные есть.

Полина вытерла рукавом слёзы и согласилась пойти к Алисе: всё не одна. А одной ей теперь никак нельзя — не дай бог потеряет контроль над собой и тогда всё пропало.

Женщины вышли из дома. Полина не стала закрывать дверь на ключ. Она знает, что в дом к ним никто не посмеет войти, всякий почувствует опасность, которая его подстерегает за порогом: это всё равно, что войти в логово к волку.

— Погода какая, осень пришла в Сибирь — сказала Алиса. — В посёлке говорят, что зима будет лютая и лучше жильё заранее утеплить. Мы с Игорем уже окна заклеили и снаружи дом утеплили.

Полина улыбнулась: им с Глебом не к чему утепляться, волчья кровь в жилах не позволит замёрзнуть, даже в самый лютый мороз. Хотя, стоит подумать, ведь теперь она несколько месяцев не сможет примерить волчью шкуру. Беременность не позволит.

Полину передёрнуло, когда она вспомнила о неприятном разговоре с мужем.

— Красивый у вас дом, — сказала Полина, входя в калитку к соседям. — Добротный и ухоженный.

— Ваш дом лучше, — отмахнулась Алиса. — Игорёк за Глебом тянется, во всём ему подражает и всё равно отстаёт от него во всём, — Алиса улыбнулась.

«Это намёк на беременность, что и здесь Игорёк её от Глеба отстал?» — подумала Полина.

— Всё ещё у вас будет, — попыталась успокоить соседку Полина.

— Мне нравится, что наши мужчины вместе работают. Глеб умный и пробивной, а вот Игорь только и умеет, что исполнять приказы.

— Зато вместе они сила, — сказала Полина и смахнула набежавшую слезу.

— Так и есть, — согласилась Алиса. — Не плачь, милая, я помогу тебе и потом, когда ребёночек родится, помогать буду.

— Спасибо, Алиса.

— Пойдём в дом? — предложила соседка.

— Давай немножко в беседке посидим, на воздухе. Погода и правда, небывалая в этих местах. Тепло и солнечно.

— Так я сюда сейчас чай принесу. Может, завтра за опятами в тайгу пойдём?

— Может, и пойдём, — безрадостно согласилась Полина.

«Со мной Алиска в безопасности, а без меня на неё зверь может напасть, значит, мне идти надо».

— На прошлой неделе, на дядьку Ваньку волк напал, так он еле отбил. Хорошо, что старик далеко не пошёл, по краю грибы собирал. А так бы, уже не было в живых дядьки Ваньки, — предупредила Полина соседку.

— По краю пойдём, не станем углубляться — сказала Алиса и ушла в дом готовить чай.

«Интересно, — подумала Полина, — стали бы Алиса с Игорем водиться с нами, если бы им стало известно, кто мы есть на самом деле?»

Полину пробил смех, и она едва сдерживая себя, уткнулась лицом в ладони. Пришло на ум, что у неё ни разу не возникло желание наброситься на Алису, или на Игоря. Наверное,

дружба сильнее инстинкта зверя.

Вернулась Алиса с подносом в руках. Фарфоровые чашечки, мельхиоровые ложечки, сливки в кувшинчике — всё у этой женщины аккуратно, всё продумано, до мелочей. Печенье в вазочке, конечно, она сама испекла.

Полина взглянула на всю эту красоту и тяжело вздохнула. У неё тоже могло быть в жизни вот так, спокойно и размеренно, рюшечки, вазочки, тарелочки, но судьба распорядилась иначе.

Полине было шестнадцать, когда на неё в тайге набросился волк. Он оцарапал когтями девушке бок и скрылся в зарослях. Девочка выжила, но сделалась замкнутой и раздражительной. Даже родители её побаивались, а уж сверстники вовсе обходили стороной: она могла дать отпор любому, кто посмел взглянуть на неё косо или словом обидеть. Когда Полине исполнилось восемнадцать лет, объявился Глеб. Полина была рослой девочкой, оборотень решил, что она уже готова к обращению, но он ошибся и ему пришлось ждать, когда волчья кровь возьмёт верх, когда ничто не помешает человеку принять магический дар. Он заставил девушку выпить волчьей крови, и обряд перевоплощения был завершён. Полина смирилась, тем более что в человеческом облике Глеб был интересный парень. Они поселились среди людей и жили, как полагается людям. Глеб открыл своё дело, стал торговать лесом. Потом к нему подтянулся сосед Игорёк и стали они работать вместе. Днём они были обычными людьми, а по ночам убегали в стаю и носились по тайге в поисках приключений. Когда-то это нравилось Полине, но теперь,

когда впереди забрезжил новый «смысл», Глеб так предательски обошёлся с ней. Она не понимала, что так напугало его? Если потребуется, она не станет прибегать к помощи врачей, она и сама родит, дома. Только бы Глеб согласился.

— Ты чай-то пей, а то остынет, — выдернула Полину из мыслей соседка.

— Да, спасибо, — закивала та и взяла чашку. — Вкусный чай.

— Печенье попробуй. Миндальное.

Полина взяла печенье и удивилась, насколько оно нежное — тает во рту и послевкусие остаётся приятное.

— Ты такая мастерица, — похвалила Полина соседку. — Ты могла бы быть хорошей матерью. Дай бог, чтобы у вас с Игорем всё получилось.

— Ох, Полинка, мне бы только забеременеть, а там я и в больницу лягу на все девять месяцев, только бы мне родить ребёночка.

— А Игорь у тебя терпеливый. Это хорошо.

— Да, он обещал не оставлять меня, даже если у нас с ним никогда детей не будет. Его сестра, Иришка в прошлом году дочку родила, Ольгой назвали, так Игорь в племяннице души не чаёт, любит её, как дочь родную. Каждый месяц четвёртого числа несёт подарок. Говорит, «ну вот, нам уже один годик с хвостиком», а потом через месяц идёт и говорит, «ну вот, нам уже один годик с двумя хвостиками».

— Игорь хороший парень, добрый.

— Мы сибиряки все добрые, нам не к чему быть злыми, а то и замёрзнуть от злобы недолго.

— А я родом из Тамбова — призналась Полина. — Меня ещё ребёнком увезли родители в Сибирь. Отца перевели вот он, и привёз нас с мамой сюда. Потом мамы не стало, а отец снова женился. А потом я встретила Глеба, мы переехали в ваш посёлок и поселились рядом с вами, — улыбнувшись, поделилась Полина с соседкой своими воспоминаниями.

— Я помню, как вы только приехали. Домик у вас был — избушка на курьих ножках, а теперь вон какие хоромы отгрохали.

— Ладно, спасибо за чай, а мне пора домой идти. Ещё обед не готов, а Глеб уже скоро вернётся.

— А у меня уже всё готово, могу бездельничать, — похвасталась Алиса.

Глеб вернулся раньше обычного. Он подошёл к Полине, обнял её и прижал к груди.

— Нам нельзя иметь детей, понимаешь? Если узнает стая, они убьют и тебя и ребёнка.

— Убьют? Зачем же? Что он им сделал? — заливаясь слезами, спросила Полина.

— Нам нельзя, пойми, — объяснил Глеб. — Мы не знаем чего ждать, понимаешь? Стая не допустит рождение ребёнка. Это будет чистокровный оборотень.

— И что? — снова взмолилась Полина. — Он не причинит вреда стае.

— Ты уверена?

Полина вжалась в мужа и снова дала волю слезам. Она не знала, как ей поступить. Призрачное счастье, которое так заманчиво забрезжило в её жизни, развеялось, в пух и прах, и женщина потеряла смысл дальнейшего существования.

Они стояли посреди комнаты, обнявшись несколько минут. Молчание нарушил Глеб.

— Послушай, мы можем вот что сделать, — поглаживая жену по плечу, сказал он. — Я спрячу тебя, а стае скажу, что ты уехала к тётке в Тамбов. Когда на свет появится младенец, мы отдадим его в приемную семью, а сами издалека будем помогать нашему ребёнку. — Он посмотрел на жену и тяжело вздохнув, добавил. — Только так мы сможем сохранить ему жизнь.

Предложение ужасное, но Полина восторгалась, как будто ожила. Её взгляд потеплел, а губ коснулась едва заметная улыбка. Почувствовать себя матерью хотя бы на краткий миг, разве это не счастье? И потом, она ведь будет рядом с малышом, она никому не позволит его обидеть. Она уже знает, кому отдаст ребёнка.

— Мы всё сделаем, чтобы наш ребёнок был счастливым. У нас достаточно денег, чтобы обеспечить ему безбедное будущее. И уж точно не позволим приёмным родителям обижать его, — с оптимизмом сказала Полина и хитро улыбнулась.

— Ты тоже о них подумала? — спросил Глеб.

— Да, — уверенно произнесла Полина. — Они рядом.

Глеб улыбнулся и кивнул, соглашаясь с женой.

— Когда твоя беременность станет очевидной? — спросил Глеб.

— Уже скоро.

— Тебе нужно будет укрыться, затаиться на время.

— А, может, я теперь поеду к тётке? Она сколько раз звала меня погостить. То есть, нас конечно.

— Что ж, пусть так и будет. Напиши и предупреди, что приедешь на некоторое время погостить у неё.

В конце весны Полина вернулась в Сибирь. Одна. Младенца тайно вывезли из Тамбова Алиса с Игорем. В посёлке супруги сказали, что мальчика родила племянница Алисы и, мол, отказалась от ребёнка, а они его забрали, чтобы родная кровь не мыкалась по свету

неприкаянно. Алисе Полина сказала, что Глеб отказался от ребёнка, и будто ей удалось уговорить его оставить младенца, не губить. Алиса отнеслась с пониманием, но не могла не скрыть восторга — они с Игорьком так мечтали о детях, а тут такая возможность.

Вскоре разговоры утихли, и жизнь пошла своим чередом. Полина навещала малыша,

Алиса ревновала, но виду не подавала. В тайне опасалась, что рано или поздно, Полина потребует вернуть ей сына. Горевала, конечно, но разве могла запретить видеться матери с сыном.

Как-то поздним вечером, Полина пришла расстроенная. Когда Алиса уложила малыша в постельку, Полина разоткровенничалась. Она открылась пред Алисой, поведав ей страшную тайну. Но, к удивлению Полины, Алиса приняла «другую реальность» спокойно. Счастье материнства, которое досталось Алисе в результате смутного происхождения младенца и невозможностью его жизни в семье оборотней, затмило страх перед открывшейся страшной тайной. Она уверилась, что уже никто и никогда не отнимет у неё ребёнка, которого она так полюбила. А ещё через пару дней, Полина сообщила, что они с Глебом вынуждены покинуть посёлок на неопределённое время и эта новость стала ключевой в признании Полины — Алиса торжествовала. Она теперь знала наверняка, что Полина не посмеет отобрать у неё сына.

— Он такой красивый, — склонившись над колыбелькой, сказала Полина и поцеловала мальчика в носик. — Обещай, что он будет жить в достатке и никогда не узнает нужды.

— Полина, милая, ты и представить себе не можешь, до какой степени я счастлива. Ты же видишь, теперь я знаю всю правду о вас с Глебом, но разве осуждаю? Или бегу «звонить» по всему свету, что среди нас свободно разгуливают оборотни? Мне теперь всё нипочём — я теперь мама и это так необыкновенно.

— Мы уходим, но сердце моё останется здесь, рядом с сыном, — призналась Полина. — Смотри, Алиска, если не сбережёшь его...

— Что ты? — вскричала Алиса. — Я справлюсь, честное слово. Вот и няньки уже нашлись — сестра моя Алевтина, ещё Ирина, сестра Игоря каждый день навещает. Оленьку приносит, и они с Владиком играют. Пусть растут родными, мало ли что в жизни их ждёт.

— Пусть так и будет — согласилась Полина. — Не по своей воле уходим, — вздохнув, призналась Полина. — Стая что-то заподозрила. Боюсь, как бы они не вычислили сыночка моего.

— О боже, — встревожилась Алиса. — Объясни, чего нам опасаться?

— Если прикажу уехать из здешних мест, так уедете, поняла? — Алиса кивнула. -

Если что-то пойдёт не так, я подам знак, и вы уедете в Средние Борки, моя тётка вам поможет устроиться. Все деньги Глеб переведёт на счёт Игоря, и не дай бог вам обидеть нашего сына.

— Что ты, что ты — запричитала Алиса. — Мы и живём только ради него. Но, как нам уберечься, если стая нападёт на след?

— Мы с Глебом будем рядом, всегда. Вам нечего опасаться, — улыбнувшись, пообещала Полина. — И не бойся, я не стану требовать обратно сына.

Мальчик рос слабый и болезненный. Алиса заботилась о нём и любила, как своё собственное дитя. Ночи напролёт сидела у кровати, случись ему захворать. Везла к врачам именитым, платила по счетам огромные деньги, но сына выходила. К десяти годам болезни отступили, и мальчик уже ничем не отличался от своих сверстников.

Полина с Глебом больше не появлялись и не тревожили Алису напоминанием, что ребёнок им с Игорем не родной, а усыновлённый. Одно беспокоило Алису, что если мальчик со временем станет оборотнем? Он ведь сам тогда уйдёт к родителям. Эти мысли пугали Алису больше, чем стая, которая могла вычислить мальчика.

К восемнадцати годам, юноша превратился в статного красавца, за которым девушки,

что называется, толпами ходили. Парнишка оказался умным, любознательным и усидчивым, школу окончил с почётной грамотой. Но вскоре Полина подала знак и Шумиловы перебрались в Тамбовскую губернию, в городок Средние Борки.

К главе семнадцатой (Наши дни)

(Наши дни)

— Они сказали вам, что пора поменять место жительства, и поэтому вы уехали в Средние Борки, — догадалась я.

— Так всё и было. Полина и Глеб отдали нам всё, что им удалось накопить за годы людской жизни. Поверь, этого было более чем достаточно. Потом, Игорю тоже удалось накопить достаточно денег — продажа леса выгодный бизнес.

Вот откуда у Шумиловых деньги? Ну что ж, это справедливо. Алиса Витальевна с Игорем Всеволодовичем ни в чём не отказывают Владу и сами живут, что называется, как у «Христа за пазухой».

— Это из-за стаи? Им стало что-то известно? — поинтересовалась я.

— Мы под защитой магии веры. Его наложила моя мать, а она была сильной ведьмой. Никто не причинит моей семье вреда, пока я жива.

— А браслет? Он, кажется, защищает Влада, и я в этом убедилась.

— О, нет, милая. Браслет сам по себе ничего не стоит.

— Влад разговаривал с волком и тот подчинялся ему, — вспомнила я инцидент в лесу, из-за которого мне пришлось вернуться домой.

— О, Влад с волками на дружеской ноге — улыбнувшись, призналась Алиса Витальевна.

— Это был оборотень? — догадалась я.

— Это была Полина.

Ого! Она здесь? То есть в заповеднике живут биологические родители Влада?

— Почему же она угрожала мне? Я ведь была с её сыном...

— Э нет, Влад мой сын, — возразила Алиса Витальевна. — А Полина... она считает что любая женщина, может накликать беду на Влада, вот и защищают его.

— Они убивают женщин, которые дороги Владу?

Что за бред?

— Пока некого было убивать, — призналась Алиса Витальевна. — Влад не падок на женщин, а вот тебе каким-то образом удалось привлечь его внимание.

Я смущённо опустила взгляд. И сама не понимаю, почему Влад выбрал меня?

— Теперь всё изменилось, и ты правильно поступила, когда уехала из Борок.

Я в удивлении посмотрела на женщину.

— Мы жили в мире и согласии, пока в наш лес не пришли оборотни из Сибири.

— Те самые? — удивилась я.

— Глеб и Полина не подпускают стаю, охраняют границы заповедника. Но если бы мы знали, что у них на уме. Стаей потеряла вожака и теперь ими управляет местный Альфа-самец.

Господи, сколько их, этих магических существ? Сибирские, местные, чужие, свои...

Вот почему так осторожничает Влад. Поэтому он не уезжает из этих мест. Выходит, если нам удастся расшифровать книгу — мы все станем свободными? Книга отведёт все беды, а может даже уничтожит оборотней.

— Эта книга... можно мне будет взять её? — осмелилась попросить я. — Нужно попытаться расшифровать знаки.

— Конечно, милая. Но к кому мы только не обращались, поверь мне, никому не удалось раскрыть тайну знаков.

— Ну, это мы ещё поглядим. Теперь такие технологии.

— Попробуй, детка, — улыбнувшись, сказала Алиса Витальевна. — Но тебе придётся приехать за книгой в Средние Борки.

— Я подумаю, как забрать книгу, — сдержанно ответила я.

— Он скучает без тебя, поверь мне.

Понимаю. Но пока я не готова. Вся эта магия... это слишком опасно и непонятно.

— Спасибо, что навестили меня, — искренне поблагодарила я Алису Витальевну. Про Влада и его страдания ни слова. Я не знаю, к чему приведут меня мои мысли.

— Теперь ты знаешь всё.

Алиса Витальевна поднялась с кресла, обняла меня за плечи и поцеловала в макушку.

— Полина молодец, что выбрала вас — вы настоящая мама и очень хороший человек, — искренне высказала я своё мнение.

— Мы были дружны, к тому же у нас с Игорем не было своих детей. Идеальный вариант приёмных родителей, для «особенного» младенца.

— А тётка Устинья? Она не знает, что Влад...

— Нет, не знает. И не узнает, — предупредила меня взглядом Алиса Витальевна, чтобы я молчала. — Она нас не помнит, а Влада, тем более.

— Да, конечно, — кивнула я. — Всё, о чём я услышала в этой комнате останется со мной до конца дней моих.

Алиса Витальевна улыбнулась.

— А что же будет с нами? Со мной и... с Владом, если я вернусь к нему? — не удержалась и спросила я.

— Вы будете жить, любить. А я приму внуков, как родных, — и в шутку, и в серьёз сказала Алиса Витальевна. — Ну, так что мне передать Владу?

— Ничего ему не говорите. Я должна подумать и решить для себя всё окончательно.

Алиса Витальевна тяжело вздохнула. Я понимаю, что она хочет видеть сына счастливым, а мне что делать? Тайна оказалась ужасной, и вернуться теперь к Владу, всё равно, что броситься в омут с головой. К тому же, Алиса Витальевна не уверена, что кровные оборотня не возьмёт верх, над человеческой сутью. Что если Влад, все-таки переродится? А мне потом что делать?

— Хорошо, Виктория. Провожай гостью. Игорь Всеволодович за мной подъедет в шесть, а сейчас уже без пяти минут.

— Игорю Всеволодовичу привет передавайте, — попросила я.

— Конечно, милая. Владу я не скажу, что была у тебя.

Я кивнула и закрыла дверь за гостьей. Так даже лучше будет. Зачем обнадёживать напрасно. Я не знаю, что будет завтра. И потом эта семья действительно связана с оборотнями. Мало того, что их приёмный сын рождён "охотником" в семье оборотней, так ещё и Алиса Витальевна дочь и внучка потомственных ведьм.

Нет, я не согласна. Не хочу больше "магических" приключений. Завтра тридцать первое декабря и меня пригласили друзья встретить с ними Новый год. Подарки я уже купила. Кстати, мама с отчимом тоже уходят куда-то. Если бы знала раньше, что дома никого не будет, позвала бы друзей к себе. Но теперь уже поздно говорить об этом.

Платье серебристое висит в шкафу, ждёт своего звёздного выхода. Я купила его у

знакомой, которая только что вернулась из Германии: она там отдыхала у друзей. Так вот, это платье она привезла для себя, но я умоляла её уступить его мне, сказала, что мне очень важно выглядеть на все «сто» и, что якобы в этот Новый год решится моя судьба. Конечно, она уступила мне «серебристую мечту» и пожелала удачи.

Чёрт, кого я обманываю? Делаю вид, что ничего не случилось, а ведь я только что узнала всю историю — от начала до конца. Теперь все встало на свои места. Я так старалась забыть Влада, но каждым днём чувствую, как любовь к этому парню проявляется во мне, игнорируя все мои страхи.

Нет, мне не жить без него.

Глава восемнадцатая

— Ох, глазам не верю, — заохала бабуля. — Внученька, как же я соскучилась без тебя. И хоть бы разок позвонила. Вроде и жила недолго у меня, а как уехала, так я и затосковала. Отец весь извёлся, меня винит, что это я тебя своими упрёками довела, потому ты уехала. А я что? Разве я чем тебя обидела?

Конечно, бабуля расплакалась, а я принялась утешать её.

— Бабулечка моя, ты ведь знаешь, как тяжело мне пришлось. Прости меня, ладно?

Бабушка ещё всхлипывала какое-то время, поглаживала меня рукой по плечу, по волосам, потом вытерла слёзы носовым платком, который извлекла из рукава у запястья и снова убрала его туда.

— И правда, что это я «нюни» распустила, — спохватилась бабушка. — Ты, наверное, проголодалась в дороге. Пойдём, я пирожков испекла, щи сварила, как знала, что гости на пороге будут.

Ох, как же я соскучилась. Всё здесь такое родное и даже пирожки, и щи...

— Убежишь, сегодня на ночь? — спросила бабушка. Поставила передо мной тарелку со щами, подвинула корзинку с пирожками и села напротив. — Ешь, пока не остыло.

А меня и не надо уговаривать — так вкусно. Щи в тарелке, хоть фотографируй и в кулинарную книгу фото помещай. А пирожки, это вообще шедевр — маленькие, аккуратненькие, золотистые. Я их называю «Машенькиными», потому что они, как с картинки из сказки про «Машу и Медведя».

— Убегу, бабуль, — честно призналась я. — В Новогоднюю ночь нехорошо молодой девушке сидеть дома.

— Правильно, — согласилась бабушка. — А я тоже собиралась пойти к соседке, к Тамаре. Вот и пирогов испекла. Будем с ней чай пить, да телевизор смотреть. Вот она обрадуется, когда узнает, что ты вернулась — ей без тебя тяжело, она всегда уверена, что помощь под рукой.

— Только никому не говори, что я приехала, — предупредила я бабушку. — Тамаре Александровне скажи и всё — она всё равно никуда не ходит и ни с кем, кроме тебя и врача своего не общается. Я с Автостанции окольными путями добиралась, чтобы меня никто не приметил.

— О, это ты так думаешь, что тебя никто не заметил, — посмеиваясь, сказала бабуля. — Молва уже пошла по посёлку, поверь мне.

Ну, тут, пусть себе говорят, только бы Влад не узнал.

После обильного позднего завтрака, местами напоминающего обед, мы с бабушкой часа два просидели за разговорами.

— Ты совсем или погостить? — первым делом спросила бабушка.

— Поживём, увидим, — ответила я. Лучше не загадывать, а что будет, то и будет. Я тебе подарок привезла, — спохватилась я. Побежала в комнату и принесла коробку с бантом. — Вот, держи. Очень нужная вещь для выпечки, это тестомес.

— Спасибо, милая, это нужная вещь, руки уже не те, устаю, пока тесто ставлю. А я опростоволосилась, не знала, что увижу тебя в праздники, — запричитала бабуля.

— Живи долго-долго и не хворай, это главный подарок, — успокоила я бабушку.

Бабушка поделилась последними новостями, а я, вспомнила рассказ Алисы Витальевны,

и попыталась кое-что выведать у бабули.

— Ты случайно не помнишь, что там случилось с племянницей тётки Устиньи, когда та приезжала погостить к ней? Это давно было, лет двадцать семь тому назад, а то и больше.

— А тебе почём известно? — удивилась бабуля. — Мать тебе, что ль рассказала?

— Она, — кивнула я, чтобы не выдавать Алису Витальевну.

— Так это давно было. Приехала она, пожила с полгода, кажись, и снова в Сибирь вернулась. Зачем приезжала, никому неизвестно.

Как же им удалось скрыть беременность? А рождение ребёнка? Неужели тётка Устинья сработала, как повитуха? На все руки мастерица ведьма.

Ничего я от бабули не узнала. Придётся обратиться к первоисточнику — отправлюсь к самой тётке Устинье. Если она вспомнит Влада, то, возможно, поможет ему — она ведь колдунья, можно сказать ведьма, значит, заговоры всякие знает. Конечно, пока жива Алиса Витальевна, Владу ничего не угрожает, а когда её не станет? Надо искать спасение из всех источников. Вот и книгу бы не мешало специалистам показать, вдруг расшифруют тайные знаки. А, может, Устинья и разгадает, она ведь тоже ведьма.

Но это подождёт — сегодня последний день уходящего года и я намерена начать жизнь с чистого листа.

Десять тридцать. Серебристое платье, привезённое из Германии моей знакомой, дождалось своего звёздного часа. Оно прекрасно легло по моей фигуре, как будто на меня было сшито. Минимум косметики — хочу выглядеть естественной.

Сердце замирает от мысли о скорой встрече. Я ужасно соскучилась. Не знаю, чего мне ждать, но, надеюсь, Влад примет меня.

Я закрываю глаза и запрокидываю голову, застигнутая волной тоски и томления. Приятные воспоминания вспыхнули в моём сознании фейерверком страстей: сильные, ласковые руки, поцелуи и его сумрачный волнующий взгляд — всё так живо в памяти.

Но разве смогу жить без Влада Шумилова? К чёрту опасности — я хочу быть с ним. Я люблю его. Вот так, люблю и всё.

Я набираю полную грудь воздуха, шумно выдыхаю и выхожу из дома. Конечно, я сказала бабушке, что Влад приедет за мной, а так бы она меня одну не выпустила со двора. Но на мою удачу, бабушка уже ушла к соседке, и теперь я спокойно вышла за калитку и зашагала по заснеженной тропинке в сторону леса. Я хочу устроить сюрприз, а заодно проверить, ждал ли меня любимый или пустился во все тяжкие, позабыв о нашем уговоре — встретить Новый год вдвоём в домике на дереве. Ах, нет же, втроём — мы собирались пригласить белку, лесную подружку Влада.

Сегодня необыкновенно тепло. Жаль, что мало снега, и хоть над городом нависли снежные тучи, пока снегопад не наблюдается. Может, ближе к ночи природа порадует нас сказочно пушистыми хлопьями с небес.

До улицы Новой, недалеко, но этот заросший мостик из прошлого века меня пугает. Я намеренно не пошла в обход, через новый мост, потому что это займёт слишком много времени, а если идти через старый, то до шумиловских владений рукой подать — вон, я уже вижу крайний дом на улице Новой, а за ним сразу дом Шумиловых.

Речка не замерзает в этом месте — течение сильное, да и морозов таких не было, чтобы сковать её льдом. Журчит водичка в тишине. Нет, на счёт тишины я погорячилась — в крайнем доме, на улице Новой уже провожают Старый год. Люди празднуют — музыка, смех на всю округу. А собственно, чему радуются? Минус один год из жизни, вот счастья-то

привалило. Человек странное существо, по сути, радуется там, где нужно плакать, а плачет, когда радоваться надо.

— Стой, — услышала я незнакомый женский голос, как только сошла с моста. — Стой и не дёргайся.

Серьёзно? Это Новогодняя шутка? Я уже хотела обернуться, но голос предупредил меня.

— Не оборачивайся.

Я так и застыла. Вот и начала жизнь с чистого листа. Зачем только пошла одна? Неразумная я и Влад так всегда говорил. Почему не позвонила ему и не попросила, чтобы он приехал за мной? От страха у меня затряслись руки и ноги, а сердце пустилось по бездорожью, отбивая тревожную дробь: началась паническая тахикардия. В этом случае нельзя стоять на месте, надо двигаться, чтобы облегчить нагрузку на сердце и сосуды, а мне приказано стоять. Так и сознание можно потерять. Потихоньку стала переминаясь с ноги на ногу, что бы устоять и не упасть.

— Торопишься?

Кто она, эта женщина? Что делает в лесу, одна и что ей нужно от меня.

— Тороплюсь, и у меня нет ни малейшего желания, вести с вами диалог, — дрожащим голосом ответила я незнакомке.

Надеюсь, что женщина одна и с ней нет мужика-маньяка, для которого она старается привлечь жертву.

— А у меня достаточно времени и мне есть, что сказать тебе, — произнесла женщина.

Речь у неё заторможенная. Она неправильно ставит ударения и слова произносит, как-то лениво или неумело. Так разговаривают люди перенесшие инсульт в лёгкой степени. Может, ей помощь моя нужна?

— Хорошо, — согласилась я. — Я выслушаю вас, если ваша речь будет краткой.

— Я попробую, хоть и не думаю, что у меня получится. Что тебе нужно от него? — буквально прошипела незнакомка. — Уехала, вернулась — зачем это?

Она ненавидит меня? Но за что? Чёрт, может, это тайная поклонница Влада? Он не ответил ей взаимностью, и она решила разделаться со мной, потому что считает меня помехой к сердцу парня. Или, может, пока меня не было, Влад встречался с ней и теперь, когда я вернулась, этой девушке не пришлось по вкусу моё возвращение?

Будь, что будет.

Я резко обернулась. Передо мной женщина, лет сорока, а может и сорока пяти: не очень-то она смахивает на поклонницу Влада. Волос чёрный, смоляной, что называется, как грива у лошади и они грязные, скомканные. Когда она мыла их в последний раз? Джинсы драные, курточка коротенькая смотрится тесной на достаточно объёмной груди женщины. Да и одета она не по погоде, наверное, ей холодно.

— Что вам нужно? — как можно мягче спросила я.

— Вопрос мой — что тебе нужно от него?

— Мне? Я вас не знаю и уж точно не имею никаких претензий к вам и к тому, о ком идёт речь.

Женщина почесала голову и раздражённо передёрнула плечами. Что-то не так с этой дамой. Да и пахнет от неё... чёрт, от неё пахнет псиной... Полина? Да, это она. И повадки звериные, и одета она не по погоде, и неуютно ей в человеческом теле — всё сходится.

— Ты погубишь его и сгинешь сама, — предупредила незнакомка. — Я могла бы разделаться с тобой прямо сейчас, не знаю только, что останавливает меня.

— Любовь материнская, — ответила я.

— Что? — почти крикнула незнакомка, в которой я признала Полину. Алиса Витальевна хорошо описала её внешность, когда рассказывала о подруге, так что это она, Полина и сомнений быть не может.

— Любовь останавливает тебя, — ответила я ей. — Сын всё ещё дорог тебе и ты не сделаешь ему больно, обидев меня, — перейдя на «ты» выпалила я.

Женщина застыла. А меня колотит от страха, я ведь впервые столкнулась лицом к лицу с оборотнем. Там в лесу, она была волчицей, и я знала, чего ожидать — зверь, он и есть зверь. И там был Влад. А тут женщина, агрессивно настроенная и я одна.

— Я должна идти, Влад ждёт меня, а ты не причинишь мне вреда, — спокойно произнесла я и сделала шаг, но волчица преградила мне дорогу.

Трудно говорить со зверем. Она давно не обращалась в человека и теперь ей сложно отличить добро от зла. Она подчиняется лишь инстинктам, а мыслить, видимо, разучилась.

— Ты можешь охранять границы, но не вмешивайся в его жизнь, — осмелев, сказала я. Вспомни, как больно терять...

— Если ты не замолчишь, я разорву тебя здесь и сейчас, — оцетинившись, как зверь, предупредила меня Полина.

— Оставь её, — приказал звучным голосом Влад. А потом перешёл на дружеский тон. Зачем ты пугаешь девушку?

Мой любимый, мой драгоценный мужчина, он всегда рядом. Как он узнал, где меня искать? Неужели, почувствовал?

— Ты не понимаешь, — сникла женщина. — Она принесёт тебе несчастье.

— Пусть так, тебе какое дело?

— Хорошо, — отступила женщина. — Я слышу, как сильно бьётся твоё сердце — она волнует тебя.

Полина молчала целую минуту, шныряя волчьим взглядом между мной и Владом. Страшное зрелище. Она оборотень и это так непонятно и тревожно одновременно. Поверить трудно, но приходится верить.

— Я отступлю, но если ситуация выйдет из-под контроля, я вернусь и убью её, — предупредила Полина и зашагала прочь.

Ничего себе! У меня от страха душа ушла в пятки. И это называется, «начать жизнь с чистого листа»? Не запятнает ли дерзкий оборотень «чистый лист» свежими каплями крови? Кстати, моей крови.

Я гляжу ей вслед. Мягкими шагами, женщина поднялась на пригорок и скрылась в лесу. Ей не страшно — там её дом. Где-то в кустах прячется другой оборотень, Глеб. Им нравится такая жизнь. Почему они не выстроили себе дом, где-нибудь поблизости? Ведь можно было совмещать жизнь человеческую с жизнью оборотня: как они это делали в Сибири. Почему навсегда ушли в лес? Полина потеряла всё человеческое, и только любовь к сыну ещё теплится в её сердце. Но где гарантии, что в какой-то момент, она не потеряет связь с сыном.

Меня даже озноб пробил от одной только мысли, что оборотни могут напасть на Шумиловых, они ведь бродят рядом с домом.

— Она оборотень, — чуть слышно произнесла я.

— Я знаю, — ответил Влад.

Он обнял меня за плечи и прижал к груди. Вот так хорошо. Так спокойно. Полина не

оставит меня в покое, я знаю, но Влад защитит меня от неё. Что она имела ввиду, когда сказала, что не тронет меня, пока ситуация не выйдет из-под контроля? И почему ей обязательно надо убить меня?

— Как ты догадался, что я иду к тебе? — старательно пряча волнения после жуткой встречи, спросила я.

— Я почувствовал тебя, — поцеловав меня в макушку, ответил Влад. — А если честно, я знал, что ты вернулась. Даже не сомневался, что ты решишь устроить мне сюрприз, а так как я был уверен, что ты не станешь идти в обход через новый мост, вышел встретить тебя сюда. Я уже около часа брожу по лесу. — Он обнял меня и прижал к груди. — Хорошо, что ты вернулась.

Он знал, что я вернулась, так что сюрприз не получился. Народ у нас болтливый, кто-то уже донёс слух, но я благодарна доносчику, иначе Влад не вышел бы меня встречать.

— Мы же договорились встретить Новый год в домике на дереве, я не могла нас подвести.

— Ты умная девочка, всегда мыслишь в правильном направлении, — похвалил меня Влад

— Ты знаешь, что ей нужно от меня? — поинтересовалась я.

— Сколько помню себя, она всегда рядом. Охраняет меня и это страшно напрягает. — Ему неприятно говорить о Полине, и я решила больше не приставать к нему с вопросами о ней. — Да уж, хороший сюрприз ты мне устроила за час до боя курантов.

— Я себе это не так представляла. Думала, подойду к домику на дереве, а там ёлочка в огоньках и ты с белкой, ждёте меня с подарками.

— Вот как? С подарками, говоришь? — Влад рассмеялся.

— Ты научил меня так жить, — кратко ответила я. — Ну, я могу и без подарков обойтись, ты ведь не знал, что я приеду, но ведь потом ты всё равно подаришь что-нибудь.

— Ладно, пойдём, посмотрим, что там у нас есть, — улыбнувшись, предложил Влад.

— Мы пойдём в лес? — спросила я. Не то, чтобы я передумала встречать Новый год в домике на дереве, но Полина и её выходка... даже не знаю. — Ладно, мне не страшно идти в лес, ради любви и жизнь не жалко отдать.

— Ну что ты, ради любви надо жить, а ты о смерти заговорила, — пожурил меня Влад.

— Да, конечно, надо жить, — согласилась я.

Только вот, проблематично жить, когда вокруг тебя бродят оборотни, которые каждую минуту готовы вонзить клыки в твоё горло.

— Ёлочка, — воскликнула я, когда сквозь голые ветви деревьев увидела огонёчки. Они поблёскивают, переливаются, подмигивают, словно приглашают в праздничный хоровод.

— Так ты ждал меня? — обрадовалась я.

— Не факт, — ответил Влад, хитро улыбаясь, с высоты своего роста.

— Ты не ждал меня?

— Меньше разговоров, детка. Я не видел тебя, целую вечность. Я скучал, и знаешь, я всё ещё хочу тебя.

— «Всё ещё»? То есть, я рисковала, когда уехала от тебя?

— Идём в дом, — приказал Влад.

— В домик? — переспросила я.

— Осталось тридцать минут, а мы разговариваем о пустяках.

Влад взял меня за руку и повёл к дому Шумиловых. Значит, никакой романтики.

Придётся встречать Новый год в компании с Алисой Витальевной и Игорем Всеволодовичем. Да, ещё Ольга, наверное, присоединится к нам. Весело, прямо обхохочешься.

Издали видно, что дом украсили к Новогодним праздникам. Как в кино, когда жители небольших городков украшают дома к Рождеству. Сколько же гирлянд нужно было повесить, чтобы огромный дом превратился в сказочный уютный домик?

— Невероятно красиво, — захлопала я в ладоши.

— Внутри дом ещё краше, я сам его украшал, — похвастался Влад.

— Ладно, — кивнула я. — Веди меня в дом.

А в доме никого. Не знаю, где остальные жильцы, да и не интересно знать, когда видишь такую красоту. Конечно, если есть деньги устроить карнавал из огоньков и мишуры ничего не стоит. Помню, как мы с мамой покупали гирлянды к Новому году, ходили, выбирали, чтобы не слишком дорого. Приходилось довольствоваться китайскими огоньками и дешёвыми игрушками. А потом шли в мясной павильон и выбирали гуся — самого маленького. Иногда, обходились уткой, потому что на гуся банально денег не было. Это потом, когда в доме появился мужчина, Владимир Иванович, мой отчим, мы стали жить хорошо, а до него мы с мамой жили очень скудно.

Прочь дурные мысли — жизнь с «чистого листа» и больше никаких воспоминаний.

— Какая красота, — воскликнула я.

Свечи на полу выложены дорожкой, а дальше уходят на лестницу, и ещё дальше по ступенькам вверх. Я иду и чувствую, как моя душа обретает покой. Я люблю Влада. Люблю всем сердцем. Мне нравится эта роскошь. А ещё, Влад непревзойдённый романтик, и он любит меня. Как не поверить в его любовь, если сама Полина, его кровная мать признала это. Я запомнила её слова — «я слышу, как сильно бьётся твоё сердце» разве это не подтверждает искренность его чувств?

Любить Влада опасно, но ведь я стремилась открыть для себя «сумеречные дали» и вот они распахнулись для меня, и теперь манят в неизвестный, неизведанный мир. Серость будней канула в Лету. И пусть опасность бродит рядом, но ведь тем и ценней жизнь, если в любой момент ты можешь распрощаться с ней.

— Это платье, — прошептал Влад. — Мне жаль его снимать с тебя, но придётся.

— А как же Новый год, шампанское? — спросила я.

— Встретим позже. И шампанское будет и всё, что полагается к Новогоднему столу, — пообещал Влад.

Мы вошли в комнату Влада. Тут ничего не изменилось, не считая груды подарков упакованных в золотистые обёртки с красными ленточками, сложенных у прозрачной стены.

— Ого! — воскликнула я. — Сколько подарков.

— Я не мог разочаровать тебя, — посмеиваясь, заметил Влад. — Когда узнал, что приехала, пришлось подсуетиться.

— У меня руки «чешутся», хочу распаковать всё.

— Всё потом, — не выпуская меня из объятий, сказал Влад.

Он снял с моих плеч пальто и отбросил его в кресло. Склонился к моим ногам и снял белые ботильоны. Влад не выпускает меня из виду — смотрит прямо в глаза. Снизу подбирает подол платья и, поднимаясь сам, тянет его вверх.

О боже, мне нравится всё, что он делает со мной. Вспомнила, как он сказал, что невероятное счастье доставлять удовольствие партнёру — так и есть, я на всё готова, только

бы угодить Владу. Больше месяца я жила, как в аду и вот он рай — мой любимый «охотник», мой властелин.

— Ну вот, дело осталось за малым, — улыбнувшись, произнёс Влад и снял с меня лифчик.

Неожиданно, мне нравится моя нагота. Я даже испытываю восторг. Влад смотрит на меня, словно изучает или вспоминает моё тело. Не отрывая от меня глаз, он сбрасывает с плеч пиджак, расстёгивает рубашку — мучительно медленно, но и она падает на пол. Я теряю терпение и хватаюсь за пуговицу его брюк, расстёгиваю, дальше тяну молнию, и брюки падают с его бёдер: никогда не думала, что раздевать любимого мужчину так волнительно. Осталась последняя деталь, и я встречаюсь с самой сокровенной частью его тела.

И я бежала от этого мужчины? Да я, просто сумасшедшая, если подумала, что смогу обойтись без него.

Бой курантов и наши тела слились в волнительной близости. Это Влад так задумал и у него всё получилось. Он непревзойдённый романтик и выдумщик. Плевать, что по округе бродят оборотни, я люблю его и приму любые невзгоды, только бы нам быть вместе.

Глава девятнадцатая

— Может, поспишь немного? Устала, наверное, — предложил Влад, когда мы после бурной Новогодней ночи приехали в наше «тайное местечко», в нашу квартирку на улице Молодёжной. Я люблю этот дом. Он хранит столько воспоминаний. Особенно запомнился тот день, когда Влад пригласил массажиста. Ну и цирк мы тогда устроили.

Все подарки взяла с собой и теперь стала всё раскладывать по местам. Украшения, бельё, духи — я с недавних пор обожаю распаковывать подарки. Мало того, среди прочего мне подарена беленькая короткая шубка — моя мечта и ещё много вещей, потом всё рассмотрю и примерю.

— Я хочу некоторое время пожить здесь, в этой квартирке, — радостно поделилась я своими мыслями.

— Одна? — вскинув бровь, поинтересовался Влад. Я вижу, что он шутит.

— Нет, конечно, — возмутилась я. — Здесь нам будет хорошо вместе.

— Хорошо, я подумую, — пообещал Влад.

— От Молодёжной улицы, до Новой пять минут езды — твои родители рядом, если что, — сказала я. — Пока твоя мама с тобой, тебе нечего опасаться. Ну, кроме обращения в оборотня, конечно, но это вряд ли, тебе уже столько лет и ничего.

Влад взглянул на меня с удивлением, он даже рот приоткрыл.

— Ты откуда знаешь?

— Знаю и всё. И не пытай меня, я тебе ничего не стану рассказывать.

Влад притих, закусив нижнюю губу. Пытается разгадать, откуда у меня столько информации.

— Может, ты сам мне всё расскажешь? — предложила я.

Пришло время раскрыть тайну. Да, я узнала обо всём из других источников, но очень важно, чтобы Влад сам признался. Раз уже решили начать с «чистого листа», пусть так и будет.

— В моих жилах течёт кровь оборотня, — признался Влад и затравленно взглянул на меня.

Я улыбнулась ему и целомудренно поцеловала в губы, лишь прикоснулась.

— Значит, тебя лучше не злить, а то, кто его знает, как ты отреагируешь, — в шутку заметила я.

— На меня это не действует. И, кстати, я не обращаюсь в оборотня.

— Я знаю, но мало ли что.

Теперь Влад почувствует свободу, потому что ему больше нечего скрывать от меня. Нам будет проще понимать друг друга — нет секретов, нет и ссор.

— Тогда, кто ты? Объясни.

— Человек с магической кровью оборотня, — улыбнувшись иронично, признался Влад. — Всё это странно, да?

— Всё это нереально, — улыбнувшись, ответила я. — Но разве меня это удержит? Алиса Витальевна мне всё рассказала и, тем не менее, я здесь.

— Мама во всём преуспела, — покачав головой, сказал Влад. — Мои родители опасались, что оборотни найдут меня и убьют.

— Почему убьют?

— Принято считать, что у оборотней рождаются дети «охотники», от которых у магических существ могут быть сильные проблемы. Но, время показало, что это не так, вот стая и отстала от меня.

— Стая, что обосновалась в дальнем лесу? — уточнила я. Об это Алиса Вячеславовна мне не рассказывала.

— В дальнем лесу их логово, а вожак из местных. Пока мы не можем его вычислить, но я всё равно узнаю, кто он.

— А браслет? Зачем ты его носишь?

— С ним, я точно знаю, что ко мне приближается оборотень, даже если он в человеческом облики.

— Понятно, — сглотнув образовавшийся комок в горле, сказала я. — Значит, опасность не миновала.

— Ты просила рассказать тебе всё, — тревожно взглянув на меня, заметил Влад.

— Ты всё правильно сделал, спасибо, — успокоила я его.

Мне нравится видеть его свободным. Он сбросил с плеч пуд соли и теперь всё изменится. Влад удивительный человек — свободный и независимый, таким я и хочу его видеть. А ещё он властный и мне это ужасно нравится.

— А Ольга? Почему она живёт с вами. Здесь ведь небезопасно. Или ей нравится жить у дяди, который балует её с детства?

Влад улыбнулся и покачал головой, понял, что мне известно всё: ну, почти всё.

— Да, она привязана к моему отцу. Он с детства баловал её, относился, как к дочери.

Вот, почему бог не дал детей этим людям? Они искренне любят даже чужих ребятишек. Иные семьи не заслуживают такого счастья, а им ничего не стоит завести ребёнка, рожают, а потом бросают, а дети после страдают в приютах. Хотя, может, судьба Алисы Витальевны и Игоря Всеволодовича была predetermined, и им не суждено было иметь детей, чтобы они Влада взяли к себе и чтобы любили, как своё собственное дитя. Говорят же, что случайностей не бывает.

Я взглянула на Влада. Ему повезло с приёмными родителями. Они его любят, как родного. И не потому баловали и балуют, что родители-оборотни контролируют их — они дорожат им реально и этим всё сказано.

— Что? — смущённо спросил Влад.

— Ты мой, — тихо произнесла я. — И я не устану повторять, что люблю тебя.

Он улыбнулся и, откинувшись на спинку кресла.

— Что же мы будем с этим делать? — вздохнув, спросила я.

— А ты сама, что думаешь? — перенаправил он вопрос.

— Минутку терпения, я придумаю, что мне с тобой сотворить, — ответила я.

— Я захватил с собой завтрак и сейчас сварю кофе, это первое, что мы сотворим.

— Ты прелесть, — послала я ему воздушный поцелуй.

— И не надейся, что ухаживать за тобой войдёт в мою привычку.

— С завтрашнего дня я буду паинькой и всю домашнюю работу взвалю на свои хрупкие плечи, — пообещала я.

— С таким арсеналом технических новинок, которым оснащён дом, это будет несложно и твои хрупкие плечики не испытают всех тягот домохозяйки.

— Самолюбование? — упрекнула я его.

— Нет, это называется самодостаточность.

И то верно. Зачем притворяться, что ты не рад своим успехам, что не ходишь с протянутой рукой, а можешь жить полной жизнью здесь и сейчас.

— Чем сегодня займёшься? — спросил он.

— У меня есть одно дело, — предупредила я — А ты пока можешь съездить к родителям, они, наверное, уже приехали из Тамбова. Кстати, я давно не видела Ольгу, где она?

— Уехала в Сибирь навестить родителей.

Сбежала, не иначе. Я всегда знала, что распущенность не в цене в любое время.

— Сбежала? — озвучила я свои мысли.

— Отчего же? — удивился Влад. — Ольга замуж выходит, поехала познакомиться родителей с женихом и заодно пригласить их на свадьбу, которую мой отец собирается устроить с размахом.

— Замуж? Ольга?

— А что ты так удивилась? Ольга тебе не нравится, верно? — посмеиваясь, заметил Влад.

Влад поморщился. Конечно, я не стану говорить, как отношусь к его кузине. Они хоть и не родные, но прожили столько лет вместе.

— Просто, я не понимаю её.

— Почему не спросишь, кого она осчастливила? — хитро улыбаясь, спросил Влад.

— Нет, — воскликнула я, догадавшись о ком, идёт речь. — Стёпка?

Я видела их на балу вместе, но и подумать не могла, что они встречаются. Когда это случилось, ума не приложу. Стёпка ходил за мной, дарил цветы, а потом, раз, и уже женится на Ольге. Этих местных не понять. Но я всё равно рада за Ольгу. Теперь она остепенится, повзрослеет. Стёпка ей спуска не даст — жена должна быть женой и точка.

Боюсь только, что Стёпка не по любви женится на Ольге, а из-за денег, которые водятся в семье Шумиловых. Хотя в это верится с трудом. Если же так, то я лично расстрою эту свадьбу. Мне нужно встретиться со Степаном, прежде чем их брак скрепят печатью.

— Значит, на свадьбе скоро будем гулять?

— Если пригласят, — улыбнувшись, ответил Влад. — А ты куда собралась? — спросил он,

— К бабушке пойду, сумку с вещами заберу и побуду немного с ней..

Не стоит говорить Владу, что я собралась навестить тётку Устинью, иначе он не отпустит меня.

— Я заеду за тобой в четыре, — предупредил Влад.

Дом у тётки Устиньи старенький. Крыша прохудилась, а местами мхом поросла. Её избушка самая древняя на улице. Неужели, Полина не могла помочь своей тётке? У неё было столько денег по тем временам, когда она жила у неё. Ну и что, что Устинья ведьма, разве ведьма не человек? Несправедливо.

Подхожу к калитке, поднимаю крючок, просунув руку между штакетником, и вхожу во двор. Тётка Устинья возится в сарае. Иду к ней туда.

— Долго же ты шла ко мне, — не отрываясь от дел, сказала тётка Устинья.

— Я уезжала, — кротко ответила я.

Не знаю почему, но я вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, нашкодившим ребёнком, которому предстоит выслушать тираду нравоучений. Устинья с виду, обычная старушка — сморщенная, сутулая, беспомощная. Не пойму, чего я её так боялась?

— Зачем только вернулась, — покачала она головой. — Помоги мне, — попросила старуха. — Подержи мешок, а я его завяжу.

Тётка Устинья возится с узлом, а я смотрю, как она ловко справляется со жгутом. От мешка пахнет сухой травой. Справившись, Устинья попросила меня перекинуть верёвку через брус, чтобы повесить мешок. Я помогла ей, и старуха поблагодарила меня за помощь.

— Пойдём в дом, — сказала Устинья, и подтолкнула меня к выходу: а старуха сильная, у меня от её кулачка синяк на плече может остаться. Доказывай потом Владу, что синяк оставила древняя старуха.

Я иду впереди, а она позади меня. Не знаю почему, но мне стало страшно, даже озноб по спине пробежал.

— Боязно тебе? — спросила Устинья.

— Да, тётка Устинья, боюсь, а чего боюсь, сама не знаю, — призналась я.

Она издевается надо мной? Я прямо чувствую, как мороз бежит по коже, как есть, она воздействует на меня.

— Стало быть, привязалась уже она к тебе, — вздохнув глубоко, сказала тётка Устинья.

Так и есть — бабка решила запугать меня до смерти. Зачем только пришла к ней, я прямо, сама не своя сделалась.

— Кто привязался? — сдавленным голосом поинтересовалась я.

— Та, от которой не спрятаться, поняла?

Чего уж тут понимать. Ладно, пусть так, кому что на роду написано, а от смерти никто не застрахован. Тем более, я знаю, что по краю хожу с того дня, как познакомилась с Владом. Да и не особо я верю старухе, это она значимости себе нагоняет, устрашить меня вздумала, чтобы страха напустить.

Мы вошли в дом. Темно, сыро и пахнет мышами. Хоть в доме и чисто, но всё такое ветхое.

— Я хотела спросить...

— Знаю, о нём пришла справиться. Так я ничего не знаю. Кто он? Откуда? Одному Богу известно. Скажу только, что вокруг него беда ходит и найдёт, уж я точно знаю.

— А как мне его уберечь? — спросила я в отчаянии.

— Время придёт, сама догадаешься, — строго взглянув на меня, сказала тётка Устинья и усадила за стол. — Ты, девка, вначале о себе подумай. Сейчас я тебе оберег сделаю, посиди пока.

Устинья вышла из комнаты, а я сижу, жду. Стены белёные, пол деревянный, краска стёрлась, только по краям у стен ещё осталась. Телевизор из прошлого века накрыт серой кружевной накидкой. На стене висит портрет — тётка Устинья, молодая ещё, а с ней, наверное, муж её. Чёрно белое фото раскрашено красками — брови и губы подведены, а ещё румянец на щеках. Забавно.

— Мне, почитай, весной сто первый годок пойдёт, а я всё ковыряюсь, живу, сама не знаю для чего, — входя в комнату, прокряхтела Устинья.

Значит, у бабки юбилей «на носу»? Надо не забыть и обязательно поздравить её, как, никак, а она родственница Владу, хоть он и не признаёт с ней родства.

— Ох, девка, не загадывай, дожить бы до весны.

Она, как будто мысли мои читает. Чудеса.

— Доживёте, тётка Устинья. Вы, вон, какая бодрая, вам не дашь сотню лет, и я не кривлю душой.

Тётка Устинья покачала головой и протянула мне тёмный мешочек на тесёмочке.

— На вот, возьми, может, сбережешься. Но мой совет, ехала бы ты домой.

— Нет, тётка Устинья, не уеду я. От судьбы не уйдёшь и от себя не убежишь.

— И то верно, — согласилась она. — Вот и мать твоя увезла тебя, прятала от судьбы, а ты всё равно вернулась.

— Мама из-за меня уехала?

Вот оно что, значит, мои родители из-за меня расстались? Кто же посоветовал маме уехать, не Устинья ли?

— Из-за тебя, из-за кого же ещё, — строго произнесла Устинья. — Ты, девка, всю жизнь по краю ходишь, то твоя судьба.

— Считаете, что мне лучше вернуться в Тамбов?

Я начинаю терять самообладание, потому что старуха совсем запугала меня. Говорит намёками и ничего конкретного так и не сказала. А я ведь за советом к ней пришла.

— Сама думай, — отмахнулась тётка Устинья.

Если бы мне угрожала реальная опасность, ведьма сказала бы, а так сложилось впечатление, что ей не нравится моя связь с Владом. Не так-то просто войти к тётке в доверие, а я рассчитывала на разговор по душам. И всё-таки я попробую, может, разоткровенничается ведьма.

— Вы помните свою племянницу, Полину? — без лишних церемоний спросила я.

— Помню, как не помнить, — садясь за стол, ответила Устинья. — А тебе, что за дело до неё?

О, нас многое связывает с Полиной, например, Влад, её сын.

— Слышала, что она к вам жить приезжала, да не прижилась — через полгода уехала. Вы её выгнали? — бесцеремонно поинтересовалась я.

— Бог с тобой, — отмахнулась Устинья. — Разве я ей указ? Она и мать свою не почитала, а уж меня и подавно. Своенравная девка была, задиристая.

— Люди говорят, что Полина не одна приезжала? — осмелилась спросить я.

— Вижу, тебе всё известно, — вздохнув, сказала Устинья. — Ребёночка она родила, да только отказалась от него. Люди пришлые ко времени подоспели, да ребёночка того и забрали. Уж я горевала и ругала Полинку, что кровь родную от себя оторвала, а она всё плакала, плакала, а потом в Сибирь вернулась.

— А вы не знаете, где теперь тот ребёнок?

— Кто? — переспросила тётка.

— Ну, ребёночек Полинин, — объяснила я.

— Не знаю. Нет, не знаю. Он почитай уже мужчина зрелый, как узнать, даже если и встречу где.

В принципе она права. Родственные связи теряются, если люди не общаются долгое время. Только вот на счёт зрелости, ведьма погорячилась — Владу всего двадцать семь лет.

— А если бы ему ваша помощь понадобилась, помогли бы вы ему?

— А чего не помочь, я всем помогаю.

Понятно — никаких кровных чувств не осталось. Пришла я даром к ведьме. Хотя, она сказала, что всем помогает, значит, я могу обратиться к ней за помощью. Но не теперь. Приду после Рождественских праздников.

— Ты с кавалером осторожней будь, связь с ним бедой может для тебя обернуться, — предупредила ведьма. — Парень, сам себе на уме.

— Тётка Устинья, не ругайте его, нет на нём никакой вины, — вступилась я за Влада.

— Вот и мать твоя всё упиралась, защищала мужа своего. Эх, кабы она послушала меня тогда.

Тётка Устинья покачала головой.

— Так ведь она послушала вас, уехала, — возмутилась я.

— Я не велела ей мужа оставлять, а вместе вы должны были уехать. Она и семью растрепала и тебя не сберегла. Уж и не знаю, что делать с тобой.

— Не надо ничего делать со мной, — поднимаясь из-за стола, сказала я. — От судьбы не уйдёшь...

— Не уйдёшь, это верно, но пробовать не грех, — в горечах произнесла старуха.

— Не хочу, — ответила я ей и вышла из дома.

У калитки старуха меня окликнула.

— Оберег-то возьми, тебе без него никак нельзя. И запомни, теперь ты у самой пропасти стоишь. Не споткнись.

Я вернулась и забрала тёмный мешочек, наполненный не то крупой, не то сахаром, а может, там вообще песок. Положила мешочек в сумочку и вышла за калитку.

Не знаю, куда идти. К Владу не хочу пока, тётка Устинья сильно меня напугала. Странно, что она и словом не обмолвилась про оборотней. Она не поняла, что мне всё известно. Что за ведьма, которая не чувствует оборотней? И Влада не признала, хоть и должна была.

Ведьма она настоящая и это очевидно. Всё видит, да не всё говорит.

Пойду к бабуле, она ждёт меня, наверное. А после уже и Влад заедет за мной. С ним спокойней, с ним я не думаю о плохом.

Глава двадцатая

— Виктория, вы гадаете под Рождество? — спросила Алиса Витальевна за ужином, который она устроила в честь дня рождения Игоря Всеволодовича: сегодня ему исполнилось пятьдесят три года. Они решили отметить событие тихо и в кругу семьи. Ольга ещё не вернулась, поэтому за столом нас четверо — я, Влад, Алиса Витальевна и собственно, сам именинник.

— Нет, ни разу не пробовала. А вы? Неужели гадали? — вскинув на неё удивлённый взгляд, спросила я. Мама мне рассказывала о святочных гаданиях. Во времена её молодости это было актуально для молодых девушек, но сейчас мир изменился — гадания ушли в Лету. Отдельные случаи, конечно, имеют место и к гадалкам девчонки обращаются, но я никогда не обращалась к сакральному миру с вопросами.

— Я и теперь не могу отказать себе в удовольствии, — призналась Алиса Витальевна. — А мир не изменился, нет, мы изменились, а он всё такой же разнообразный, многогранный и удивительно прекрасный. Надо просто относиться к нему с уважением, и он откроет тебе тайны, о которых люди, потерявшие веру, говорят, что этого не может быть, потому что быть не может. Человек возвеличил себя совершенно неоправданно, а между тем, нами правят неразгаданные тайны.

В этой семье всё пропитано магией, и они верят, впрочем, как и я. Да и как тут не поверишь, глупо отрицать очевидное. Я бы могла жить, как живут другие, воображая себя высокообразованным человеком, посмеиваясь в очередной раз, читая информацию с доказательством о существовании магии в природе, но судьба распорядилась иначе, устроив мне встречу с Владом.

— И что же? Вы пытались заглянуть в будущее? — поинтересовалась я.

— А вам разве не интересно узнать, что ждёт вас впереди?

Вся эта хиромантия меня никогда не интересовала, правда, только до известных событий не интересовала, теперь я взглянула на мир иначе, под другим углом, но гадать и пытаться узнать, что тебя ждёт, нет: я считаю так, чему быть, того не миновать.

— Подружки гадали, но я никогда не принимала участия, — призналась я. — Только наблюдала. Зачем знать, что будет завтра? Лучше подождать и удивиться новому дню.

— Разумно, — посмеиваясь, согласился со мной Игорь Всеволодович.

— А я гадаю, — сказала Алиса Витальевна. — И, знаете, посредством магии, я корректирую грядущие негативные ситуации.

— Ты ещё расскажи, как «корректировала ситуацию» перед экзаменами, когда Влад поступал в Университет.

— Да, я нагадала...

— Сегодня мой день и говорить мы будем только обо мне, — бесцеремонно, но в шутку, прекратил сторонние разговоры именинник.

— Но ведь сработало, — вдогонку сказала Алиса Витальевна.

— Наш сын не нуждался в магической помощи — ему помогли усидчивость и знания, которыми переполнена его голова.

— Мне нравится гадать и точка, — заявила Алиса Витальевна. — К примеру, я узнала о вас, Виктория, задолго до того, как вы познакомились с моим сыном.

— Правда? — удивилась я.

— Да, представьте себе. Я волновалась за сына и принялась гадать. Выпала нужная карта и я успокоилась. А через месяц Влад познакомился с вами, вот так.

— Мама, — попытался одёрнуть Влад Алису Витальевну.

— А что? Мне нужна помощница в хозяйстве. Сколько ещё мне одной ухаживать за двумя мужчинами? Да, милый мой, своим поведением ты заставил меня обратиться к гаданию,

узнать, что ждёт тебя впереди.

Мне нравятся Рождественские праздники, и я с удовольствием уплетаю рождественского гуся, но чтобы бегать по улице в лохмотьях и стучать в окна, выпрашивая угощения, или сидеть гадать при свечах — это, нет, увольте. Возможно, Алиса Витальевна сочинила эту историю с гаданием, но мне приятно, что я ей нравлюсь и, что она одобряет выбор сына.

— Не слушай мою маму, она великая выдумщица.

— И всё же, я хотел бы обратить ваше внимание на меня, — снова вмешался в разговор именинник. — Я скучаю в одиночестве.

И правда, нехорошо получилось, говорим о чём угодно, только не об имениннике. А он тем временем, уже пропустил несколько рюмочек виски и теперь улыбается счастливой довольной жизнью улыбкой. Вот так ему повезло в жизни, у человека есть всё и даже больше положенного — он водится с оборотнями, которые охраняют его семью.

— Вы родились шестого января, в канун Рождества и это так замечательно, — поддержала я его. — Этот факт, как-то повлиял на вашу жизнь?

— Я счастливый человек, — признался Игорь Всеволодович. — Что называется, под Богом хожу. Мне на пути встречались только хорошие люди. И с семьёй мне повезло.

— Да, так и есть, — согласилась я.

— Почему горожане не замечают вашей доброты, не оценят ваше участие в улучшении благосостояния городка? Вы не пробовали сами выйти к людям?

— Ты берёшь интервью для местной газеты? — посмеиваясь, спросил Влад.

— Нет, просто обидно, что люди не видят истинную добродетель.

А за глаза говорят, что Игорь Всеволодович «с жиру бесится». Почему же бесится, он живёт свободно и независимо, он вправе гордиться своими успехами. А почему, нет? Человек не ворует, не обманывает, не причиняет зла окружающему миру — он своими усилиями добился положения, в котором теперь живёт, наслаждаясь самой жизнью. А другие завидуют ему, вот и всё.

— Не стоит тратить время, чтобы обелить себя, — ответил мне Игорь Всеволодович. — Я помогаю не из тщеславия, но по воле души и сердца.

Я и раньше заметила, что люди добро воспринимают, как данность. Мало того, их злит благодетель. А вот зло приводит народ в оцепенение, и они склоняют головы, и готовы служить «мраку» верой и правдой. Что изменилось со времён Христа Спасителя?

Шумиловы интересные и многосторонне образованные люди, но и я не могу сказать, что жила в примитивной семье. Да, у нас за ужином говорили о больных, о сложных операциях, о новых открытиях в медицине. Я научилась быть сильной, слушая врачебные истории. И я скучаю без работы, хоть и говорю Владу, что мне нравится бездельничать. Когда выход будет найден, и Владу больше не будет угрожать опасность, я вернусь в профессию. Я стану дипломированным врачом. Влад тоже выйдет на работу — не знаю, какую из двух освоенных профессий он выберет, но обязательно будет работать. У нас будет

здоровая, отличная семья и мы будем жить долго и счастливо.

Ну, не совсем так, как я описала в мыслях, магии мы оставим немножко, для себя.

— Опять блуждаешь в «потёмках»? — спросил Влад.

— Мысли, мысли... — вздохнув, ответила я.

— Тебе скучно? Мы может уйти.

— Посидим ещё немножко. Мне нравится ужинать с твоими родителями. С ними всегда мирно и спокойно.

После торжественного ужина мы с Владом вернулись в квартирку на Молодёжной.

— Кстати, ты не хочешь вернуться в больницу? — как бы, между прочим, поинтересовался Влад. — Тебе не хватает общения, я заметил это. Это я, волк одиночка, а ты типичный представитель социума.

— Я? Вот уж не думаю, — возразила я. — У нас закончились деньги и ты гонишь меня на работу? — в шутку испуганно спросила я.

— Нет, конечно, — улыбнувшись, ответил Влад. — Просто не хочу, чтобы ты страдала. И потом, меня волнует твоё будущее. Учиться на доктора не передумала?

К чему все эти вопросы? Мне, конечно, приятно, что Влад заботится обо мне, но выгонять меня из дома на работу, а тем более в Тамбов, чтобы я продолжила учёбу, это уже слишком.

— Так и скажи, что я надоела тебе — обиженно поджав губы, сказала я. — Хорошо, уеду в Тамбов и продолжу учёбу.

— Мы вместе уедем.

— Вместе? Ты шутишь?

Что он задумал? Разве мы можем уехать из этих мест? Он сам говорил, что ему нельзя отрываться от родителей, что это опасно для всех Шумиловых.

— Ну, если так, то зачем мне работать, занимать чужое место.

— Хорошо, бездельничай, — согласился Влад. — Ты поедешь со мной?

— Куда?

Вроде бы с утра он ничего не планировал.

— Нужно встретить Ольгу. Они сегодня прилетают из Барнаула.

Они? Ах, да, Ольга, а ней Степан, они теперь вдвоём. Не хочу встречаться со Стёпкой и, тем более с Ольгой при таких обстоятельствах. Ребята с дороги, уставшие. Я успею пообщаться с ними.

Интересно, где они жить собираются после свадьбы? Неужели в доме у Шумиловых?

— Поезжай один, — сказала я. — А я пока с бабулей побуду. Я соскучилась без неё.

У бабушки я себе места не находила — вся издёргалась. Не понимаю, зачем отпустила Влада одного? Что мне стоило потерпеть неудобства, но быть рядом с ним. Его телефон не отвечает — он вне зоны доступа. Мне остаётся только ждать и верить, что всё закончится благополучно.

— Ты какая-то заведённая, — сказала бабушка, когда я помогала ей с уборкой по дому.

Не надо, чтобы бабуля видела мои переживания. Я улыбнулась ей и ещё тщательней стала натирать ковёр средством. Мне нравится помогать бабушке. Кто же ещё ей поможет, если не я. Раньше хоть отец к ней заходил, а теперь, как женился на этой Верочке и дорогу к матери забыл. А бабуля у нас уже старенькая, беззащитная и требует должного ухода. Я привожу ей продукты, дом убираю, иногда готовлю, что бы ей у плиты не стоять.

Вообще, что себе позволяет эта женщина? Почему невзлюбила свекровь, которая

обеими руками была за то, чтобы Паша, её сыночек устроил свою жизнь. Откуда вообще взялась эта Верочка?

— Не повезло папе, — озвучила я свои мысли.

— Да, Верочка ещё та штучка, — посетовала бабуля. — Быстро взяла в оборот Пашку моего.

— Лишь бы он был счастлив. Может, ему нравится, что на него давят, — предположила я.

— Хорошо бы если так, — вздохнув, сказала бабуля. — Что за доля ему выпала? Одна жена сбежала, а другая, словно клещ присосалась.

— Я не оставлю тебя. Ты ведь у меня одна, единственная, — пообещала я.

— А вы с Владом думаете расписываться? — поинтересовалась бабушка. — Не знаю, что и говорить людям. Живёшь с ним, а документы не оформлены.

Ох уж эти бумажные условности и люди, которым не даёт покоя чужая жизнь. Что значит заключить брак? Тётя в элегантном костюме, произнесёт, что мы теперь муж и жена. Не вижу смысла. Венчание — это я понимаю, а запись гражданского состояния в книге актов мне не о чём не говорит.

Но, лучше сделать всё по правилам, чтобы люди прекратили «трепать» наши имена.

— Будем бабушка, будем. И тебя за столом на главное место посадим, — пообещала я.

Бабушка перекрестилась и вышла из комнаты. Не понятно, радуется она за меня, или отвести беду просит у Бога.

— Устинья приходила, — вернувшись с веником, как бы, между прочим, сказала она. -

Выспрашивала, кто тебе про Полину, про её племянницу рассказал. Она думает, что ты что-то знаешь, да только молчишь.

— Я к ней заходила, но, знаешь, ничего не выяснила. Она вокруг, да около, ходит, а конкретно ничего не говорит.

— Вот и матери твоей она голову заморочила: «Уезжай, уезжай, а то дочь потеряешь», и что? Разбила семью. Отец-то твой не согласился уезжать из городка.

— Ты его не отпустила? — спросила я.

— Я-то тут причём? — удивилась бабуля. — Жалко ему было с Борками расставаться. Дом вон, какой выстроил. Отец твой рассчитывал, что вы помыкаетесь по квартирам, да вернётесь, а оно вон как вышло.

— Бабушка, а что Устинья имела в виду, когда сказала, что я всю жизнь я по краю хожу?

— Что есть и что ждёт тебя, одному Богу известно. А судьба каждому своя дана. Вот тебя и увезли уже из Борок, а ты вернулась. Ничего спроста не происходит.

— Бабуль, ты меня пугаешь, — насторожилась я. — И Устинья никак не угомонится — ходит, ходит.

— Ох, — вздохнула бабушка. — Слушай себя, так оно лучше будет. — Кто поймёт чужую душу?

Правильно говорят, что чужая душа — потёмки. Бабушка говорит витиевато, как и Устинья, поди, тут разберись. Ладно, поживём, увидим, куда меня выведет.

— Кавалер твой приедет за тобой? — спросила бабуля.

— Приедет.

— И не боишься ты его? — покачивая головой, спросила бабушка. — По мне так лучше бы ты обычного парня себе нашла. А этот...

— Что не так бабушка? — едва сдерживая себя, спросила я. — Ну чем он не обычный?

Богат? Да, я не буду жить в нищете, разве это плохо?

— Хорошо, хорошо, — согласилась она. — Только не о богатстве речь. Не знаю, слышала ты, или нет, но семья его... ну, чудаковатые они.

Открыла Америку. Знала бы бабуля, что я уже успела с обратным пообщаться, по-другому бы заговорила. Но, я ей ничего не ответила на это.

— Кстати, «обычный» парень Стёпка, женится на кузине Влада, на Ольге.

— Да я уже слышала. И он туда же.

— Что ты там про «чудаковатых» говорила? — посмеиваясь, спросила я.

— Говорят, волки стали в город выходить, обнаглели совсем. Горожане «гоблинов» винят, говорят, это они их расплодили. Мужики собираются на охоту.

— Вот и хорошо, — согласилась я. — В заповеднике волк и волчица живут. Они не покидают заповедник. А других пусть стреляют, не жалко.

Вот и я заговорила по-местному. А что делать, обратным, я желаю только смерти: за исключением Полины и Глеба — они охраняют Шумиловых.

— Когда же они выйдут на охоту? — поинтересовалась я.

— Как снег новый выпадет, так и пойдут.

Хорошо бы, поскорей.

Влад приехал за мной в пять. Я повисла у него на шее, счастливая, что он вернулся целый и невредимый.

— Сколько страсти, детка. Не говори и так верю, что скучала. Но я вынужден тебя огорчить, в квартирку мы вернёмся не раньше восьми, так что усьми пока свою страсть.

— Это обязательно? Люди с дороги, им отдых полагается, — воспротивилась я.

Но разве Влад послушает меня? Всегда всё, как он скажет.

— Мы не можем игнорировать мою семью, — сказал он и я сдалась.

Стёпка изменился. Посерьёзшел, что ли.

— Привет, сестрёнка, — сказал он и, обхватив меня за плечи ручищами, закружил вокруг себя.

— Рассказывай, как Сибирь? — спросила я, когда он поставил меня на ноги.

— Это другой мир, — восторженно произнёс он. — Природа, люди, дома всё не как у нас. Я очарован Сибирским краем.

— А родители Ольги остались довольны будущим зятем?

Прямо не верится, что Стёпка женится. Он такой чудной и беззлобный. Ольге будет легко с ним. Из любой ситуации он найдёт выход, и ни при каких обстоятельствах не оставит в беде.

— Встретили осторожно, но приветливо, — ответил мне Стёпка. — А когда уезжали, Ольгина мама, Ирина Матвеевна, даже всплакнула.

Стёпка не может, не понравится, я знаю. Он такой чистый и открытый.

— Значит, мы теперь в родственных отношениях будем числиться? — посмеиваясь, заметила я. — Я всегда считала тебя братом.

— А я попробую относиться к тебе по-родственному, — с некой печалью ответил Стёпка.

Ах, Стёпка, плут, да и только. Надеюсь, он будет счастлив в браке с Ольгой.

— Свадьба назначена на четырнадцатое февраля, — объявила Ольга. — Торжество пройдёт здесь, в доме моего любимого дяди, а жить мы будем...

Ольга хитро взглянула на своего жениха.

— Мы едем жить в Сибирь, — объявил Стёпка. — Я уже и место присмотрел — пойду работать механиком в лесхоз, под начало тестя.

— А я буду сидеть дома, и воспитывать детей, — сказала Ольга.

Она так изменилась и в лучшую сторону. Я очень рада и за неё и за своего друга. Все счастливы вокруг и мне тепло на душе. Дело за малым — устроить нашу с Владом жизнь, что весьма проблематично.

Глава двадцать первая

Ну вот, жизнь потихоньку налаживается. Только не у нас с Владом. Стая вышла из дальнего леса, а это плохой знак, значит, они что-то задумали. Пора действовать, и, кажется, я знаю, где смогу найти ответ на вопрос, как нам уберечься от стаи — это книга. Влад говорил, что если расшифровать иероглифы, то мы найдём путь к освобождению, от стаи, я думаю.

— Мне нужна твоя книга, — сказала я, когда мы вышли пройтись в заповедник.

— Книга? Зачем? — удивился Влад. Он даже остановился, чтобы взглянуть на меня.

— Нужна и всё, — ответила я.

— Эй, что происходит? — потребовал он ответа.

— Я так боюсь за тебя, — призналась я. — Мы, как будто на пороховой бочке сидим. Все вокруг счастливы, кроме нас. Я не могу расслабиться и жить так, как будто ничего не происходит. Оборотни в лесу и они не дадут нам жить свободно.

Я решила поговорить с Владом.

— Они не выйдут в город, а в лесу нас охраняют мои родители-оборотни — они не пропустят стаю.

— Они уже вышли в город, — возразила я. — Горожане волнуются, а охотники собираются дать отпор стае.

— Глеб и Полина уже предупредили бы нас, но они молчат, — задумался Влад.

— А что если твои родители-оборотни, переметнулись на сторону врага? Откуда нам знать, что у них на уме, они ведь, по сути, звери.

Да, что там, они и есть звери.

— Этого никогда не случится, — заверил меня Влад. И больше ни слова. Он считает, что тема закрыта, и обсуждать тут нечего.

— Но ты позволишь мне взять книгу, на время? — спросила я.

— Ладно, пусть будет по-твоему.

После прогулки мы вернулись в дом. Алиса Витальевна передала моей бабушке сибирские травы и сказала, что они ей непременно помогут, если их правильно заваривать. Мы с Владом заехали к бабуле и пробыли у неё до позднего вечера. Я пообещала ей, что приду с утра, и мы с Владом вернулись в квартиру.

К «хорошему», человек быстро привыкает. Я давно не считаю деньги, не задумываюсь, что надеть на себя, что буду, есть за обедом. Даже странно. Теперь вспомнились дни, когда мы с мамой собирали мелочь по дому, чтобы купить хлеба. Да, были и такие дни. Конец двадцатого века я буду вспоминать всю жизнь — трудные были времена.

Вечер таинственный. Я люблю зиму, особенно мне нравится февраль. Позёмка по дороге стелется, снежинки серебрятся в лучах фонаря, а дома тепло и уютно. Влад спит, а я стою у окна «без штор» и гляжу на мир. Поверить трудно, что там снаружи не всё так спокойно, как кажется. Где-то в округе рыщут оборотни, и я встретила одного из них, точнее одну — волчицу Полину. А ведь она когда-то была обычным человеком, и даже ребёнком. Её выбрал оборотень и обратил в зверя. Как несправедлива жизнь. Или это судьба? Кому что на роду написано, того не миновать. Вот и на мою долю выпали испытания — в мою жизнь прочно внедрились магические сущности. Стечение обстоятельств, вот что это. Тётка

Устинья почувствовала опасность, которая нависла надо мной и предупредила мою маму. Мама увезли меня из этих мест, а я всё равно вернулась. Не могу понять, как решилась на такое. Судьба и никуда от неё не уйти. Вот и Полина приняла свою судьбу безропотно. И всё-таки у неё был выбор — она могла отказаться от предложения закончить обряд, но Полина этого не сделала. Она была влюблена в Глеба или хотела принять естество оборотня. И не спросишь ведь, а я бы хотела узнать.

— Интересно, как они обращаются? — нарушила я тишину.

— Укус оборотня это магическая инфекция. Вирус поражает весь организм — он способен манипулировать телом на своё усмотрение.

Не ожидала услышать ответ, но он прозвучал.

— И давно ты не спишь? — улыбнувшись, спросила я.

— Твой силуэт на фоне зимней ночи... иди ко мне.

— Это всё, что ты мне можешь предложить? — в шутку спросила я.

— Этого мало? — поинтересовался Влад.

— В самый раз.

— Ты не разделась.

Голос низкий, властный и ужасно сексуальный. Я охотно подчиняюсь. Встаю и снимаю ночную сорочку, атласную в пол. Никогда у меня не было такого изысканного белья, и теперь я ношу его с удовольствием.

— Тебе нравится мне угождать? — спросил он.

— Да, очень, — сгорая от желания, ответила я.

Я стою неподвижно, но мне так хочется его прикосновений, ласк. Я хочу его всего целиком и полностью.

— Не шевелись, — приказал Влад, когда я чуть подалась вперёд.

Он смотрит и улыбается. О, эта улыбка!

— Долго мне ещё вот так стоять? У меня уже пульс зашкаливает, хочешь, чтобы я взорвалась? — пожаловалась я.

Влад рассмеялся. Хохочет, как ненормальный.

— Что? — почти кричу я.

— Разрушила магическое таинство. Знаешь анекдот про мужика, решил устроить жене романтический вечер.

— Нет, не знаю, — говорю я и сажусь на краешек постели. К чему все эти разговоры, не понимаю.

Влад обнимает меня и укладывает рядом с собой.

— Мужчина услышал, как его коллега рассказывал о романтическом вечере, проведённом с женой — они сначала говорили о литературе, потом о звёздах, потом ужинали и только потом занялись любовью. Мужик думает, надо и мне устроить романтический вечер с женой, чем я хуже? После ужина, он увёл жену в комнату и стал пытаться. «Пушкина читала?» — говорит он. Жена отвечает «Читала». «А Гоголя читала». Та, конечно, отвечает «Читала». «Тогда раздевайся и в койку».

— Не понимаю, к чему ты рассказал этот анекдот, — фыркнула я.

А он хохочет себе, уткнувшись лицом в мои волосы.

— Всё, — строго произнесла я. — Никакой романтики — я сплю.

Влад успокоился, но не сразу. Вот он оставляет дорожку из поцелуев на моей шее. Приятно. Я не могу долго злиться на Влада. Что скрывать, сама виновата — он меня

комплементами решил осыпать, а я стала лепетать, что сгораю от желания. Поверить не могу, что я такой бесстыдной стала.

— Не обижайся, детка, ты всё для меня, поверь. Веришь мне? — неторопливо шепчет Влад.

— Да, — мурлычу я, томясь от желания.

Ничто не отвлечёт меня от Влада. Он непревзойдённый любовник. Руки такие нежные а поцелую обжигают кожу, вот такой он у меня «горячий».

— Мы с тобой идеально подходим друг другу, — шепчет Влад. — Мы оба ненасытные.

— Да, я тоже это заметила, — бормочу я.

Влад целует мой животик — нежно, чуть касаясь только. А я нетерпеливо прижимаюсь к нему всем телом.

— Ты такая развратница, — хохочет он.

— Ты хотел меня видеть такой вот и получай плод своих стараний.

Позже, мы лежим, обнявшись, в постели. Мне хорошо и грустно одновременно. Почему мы не можем жить обычной жизнью? Даже пожениться пока не можем, а о детях и думать нечего — это слишком опасно. Кровь «охотника» распространяется на многие километры и если стая почует её, они придут, и убьют, и меня, и ребёнка, который даже не успеет зародиться во мне.

— А чем опасны охотники для оборотня? — спросила я.

— Они ходят с ружьями и убивают диких зверей. А оборотни, как не крути, звери, — ответил Влад.

— А как же серебряные пули, вода святая.

— Бред, — пробормотал Влад. — Главное попасть оборотню в голову и всё. А теперь засыпай, детка. Всё у нас будет хорошо, я обещаю.

С утра, когда Влад уехал по делам, я воспользовалась моментом и побежала к тётке Устинье. У меня есть книга Таинств, и есть действующая ведьма, почему бы не предложить ей прочитать знаки.

— Тётка Устинья, я к вам. По делу пришла, — крикнула я старухе.

Устинья убирает снег от крыльца. Она бросила на меня строгий взгляд и продолжила скрежетать лопатой. Ну, конечно, я взялась помогать старухе, осталось немного, не переломлюсь.

— Спасибо, милая, — сказала ведьма и отошла в сторонку.

Хорошо, что я в «походной» одежде — пуховик короткий, обувь на плоской подошве и варежки из козьего меха — бабушка мне связала их. В этом городке я привыкла одеваться «удобно». Сюда бы валенки в самый раз подошли. Снега жуть, как много. Хорошо хоть проезжую часть от снега очищают, а тропинки горожане сами протаптывают.

Старуха молчит, а я делаю своё дело. Наконец, она заговорила со мной.

— Зачем пришла, мне известно, — сказала тётка Устинья. — Вижу, запуталась ты в мыслях своих.

— Нет, тётка Устинья, мне-то известно, чего я хочу, — уверенно ответила я.

Я прислонила лопату к стене дома и взглянула на свою работу. Теперь тётка Устинья сможет и в сарай выйти и до калитки доберётся без труда. Я привыкла к физическому труду, у бабушки столько работы накопилась и только мы с Владом помогаем ей. Бабушка говорила, что раньше ей Стёпка помогал, отец мой реже, а теперь и Стёпка не появляется, и папа к ней дорогу забыл.

— Ладно, пойдём в дом, чего мёрзнуть-то, — предложила хозяйка.

В доме тепло и пахнет пирогами. Теперь не надо печь топить углем или дровами — дома, даже самые старые, оснащены индивидуальным газовым отоплением. И вода есть в доме. Жить стало легче. А ведь я ещё помню, как бабуля печь дровами топила и за водой к колодцу ходила. В наш дом, когда ещё строили, папа сразу провёл и отопление и газ и воду, а потом только года через два все дома оборудовали.

Смешно подумать, но мне нравится крестьянская жизнь. Понятия не имею, откуда взялось это пристрастие. Мама исконно городской житель. Значит, я в Архиповых пошла — от сохи, что называется. Кажется, мне стало ясно, почему я вернулась в Борки.

— Садись к столу, чай будем пить с пирогом, — пригласила меня тётка Устинья. — Вот, уже хожу еле-еле, но желудок свой балую иногда. Я ведь хорошей хозяйкой была, — постилая на стол чистую скатерть, похвалилась тётка Устинья. — Муж мой, Алексей, не жаловался на меня. Что щи сварить, что пирог испечь — я была первой мастерицей. Жаль бог деток нам с мужем не дал. Теперь маюсь одна, а так бы... эх, чего попусту Бога гневить разговорами, — отмахнулась Устинья.

У каждого свои печали.

Устинья налила в чашки чай — травяной, по запаху слышно. Поставила на стол пирог на плетёном подносе. Правду она говорила, что пироги печь мастерица — румяный пышный и пахнет аппетитно.

— Бери нож, да отрезай ломоть, — предложила хозяйка и передала через стол нож.

Я отрезала от пирога кусочек и взяла его в руку — тарелок бабка не предложила. Ну и так

сойдёт. С удовольствием пробую на вкус.

— Вкусно, — похвалила я хозяйку. — Только горячо.

Странно, что старуха сама не ест.

— Я потом поем, когда пирог остынет. Горячее тесто, хуже не придумаешь для старого желудка.

И то верно. Свежеиспечённое тесто плохо действует на поджелудочную железу и даже может спровоцировать приступ. А ещё может затормозить работу кишечника, а там не дай бог закупорка. Кстати, в любом возрасте не стоит есть свежеиспечённый хлеб. Но так вкусно — не могу отказать себе в удовольствии.

После чая с пирогом, я поблагодарила старуху и предложила ей посмотреть книгу.

Устинья насупилась. Взяла книгу в руки, положила перед собой и приложила к странице руку.

— Эта книга не поможет твоему кавалеру, — помотав головой, сказала она. — Да, сильная ведьма владела ею, — без особого интереса перелистывая страницы, сделала вывод Устинья.

— А вы? Разве вы не сильная... колдунья? — нашлась я. Как-то неудобно старуху ведьмой называть прямо в лицо.

— Ведьма я сильная, да вот вижу, что хозяйка символы все перепутала, чтобы защитное заклятие, которое она наложила на дочь свою, никто не сумел отменить. «Зашила» она книгу.

Откуда Устинье известно, что заклятие наложено на «дочь»? Выходит, ведьма реально настоящая.

— Всякая книга должна только хозяйке подчиняться, — добавила Устинья. — А теперь,

после ведьмы, книге суждено перейти к новому хозяину, так ведьма велела.

— К кому? — поинтересовалась я. Может, разгадает Устинья имя.

— К тому, кто принесёт с собой избавление. Всё. Больше ничего не скажу, и не настаивай.

Вот и всё. Я так надеялась, что Устинья поможет мне, но не случилось, что называется.

— Не печалься, милая. Скоро охотники выйдут в лес, там всё прояснится.

Тётка Устинья перекрестилась, хоть в её доме я и не увидела ни одного образа. Не понятно, знает Устинья про оборотней или нет? Если заговорила об охотниках, значит, ей что-то известно. Но пока мне лучше помолчать — послушаю ведьму, что она скажет.

— Это опасно? — спросила я.

— Что ж головы считать, коли беда такая пришла.

Ей всё известно и это очевидно, но делиться видениями Устинья отказывается. Может, ей кто-то не велит раскрывать все карты?

— Откуда они взялись, оборотни? Это ведь противостоит природе.

— Откуда нам знать, что естественно, а что противостоит природе, — глухо отозвалась тётка. Пока живёшь без забот, так и думаешь, что человек сам себе хозяин, а как увидишь чего так тебя и настигнет прозрение. Думаешь легко жить, когда два мира у тебя перед глазами суетятся? Так ведь живу.

Два мира? Не понимаю, о чём это говорит бабка?

— Есть и другие миры? — спросила я.

— Хочешь знать? — хитро взглянула на меня старуха. — Приходи, когда я помирать буду, я тебе и передам свой дар.

Вот уж нет. Кому нужны такие знания. Я не могу осознать существование в природе оборотней, а обо всём другом не знаю и знать не хочу.

— Значит, охотники на человека в волчьем облики пойдут? — наконец, решилась я спросить в лоб.

— Ну что ж, раз тебе известно всё. Старшой у них, Арсений, зверь он и есть зверь. Давно всех потерял и теперь из леса носу не высовывает. Другие по-разному. Один из стаи даже домой приходит, мать навещает. А та не догадывается даже, говорит, сынок её такой заботливый, да такой удачливый, что, мол, работает в селе соседнем и деньги приносит в дом.

— Значит, вам известно о стае.

— Знамо дело, известно. Я ведьма и такие события не пройдут мимо меня.

— А у вас есть такая книга?

— Моя книга у меня в голове, — постучав указательным пальцем себя в темечко, ответила бабка. — Мне мой дар бабушка одна передала. Помню, мучилась старушка, никак смерть не приходила к ней. Родственники не подходили к ведьме, боялись, чтобы она их «не замарала». Как-то я пришла к ним в дом за солью, меня мать послала. Вышла тётка Леська в кладовку за солью, а ведьма уловила момент и попросила меня воды ей подать. Мне тогда всего шестнадцатый годок пошёл, да она уже и не выбирала, мучилась сильно. Я ей кружку с водой подала, а она ухватила костлявой рукой за рукав моей кофточки и к себе притянула и говорит: «Не бойсь, теперь с тобой сила».

После слов этих тётка Устинья умолкла.

— А дальше, что было? Как вы поняли, что стали ведьмой?

— А никак. Стала людям помогать вот и вся история.

Лукавит Устинья, моя бабушка сказывала, что Устинья по началу «чёрной» ведьмой слыла.

— Не знаю, чего ждать, тётка Устинья — пожаловалась я. — Может, правда, домой вернуться?

— Не знаешь, где упадёшь, — сказала бабка. — Мешочек мой при тебе?

— При мне, — кивнула я. — Он у меня в сумочке лежит.

— Лучше его на теле носи, так вернее будет.

— Хорошо, — приняла я бабкины назидания. — Я придумаю, куда его положить.

— Мать-то твоя куда глядела, когда сюда отпускала? Я ведь ей наказывала.

Мама и думать, наверное, забыла о наказаниях бабкиных, иначе не отпустила бы меня в Борки.

— Ты вот что, милая, — сказала старуха, поднимаясь из-за стола. — На ночь сегодня повесь эту безделушку над головой — Устинья протянула мне амулет «ловец снов». — А книгу в ноги положи. Перед сном скажи — «сон-трава, правда, твоя, из памяти лет, раскрой свой секрет». Авось, покойница явится к тебе, да подскажет, как быть.

Даже не знаю, осмелюсь ли я вызвать покойную мать Алисы Витальевны.

— Только никому не говори о том, что сделать собираешься. Не спугни.

Конечно, Влад догадался, куда я ушла. Вышла из калитки, а он уже поджидает меня. Ну, ничего от него не утаишь.

— Ну что? Помогла тебе бабка? — спросил Влад, когда я забралась в машину. Он подъехал за мной к назначенному времени.

— Помогла, — устало ответила я.

— Так, что в книге прописано?

— Скоро придёт тот, кто принесёт избавление. Кто он, Устинья не сказала.

— А помогла чем? — удивился Влад.

— Советом, Влад. Простым, человеческим советом.

— А ведьма-то не настоящая, — в шутку заметил Влад.

— Точно, — поддержала я его. — И пироги печёт великолепные. Разве ведьмы пекут пироги? Хотя... пирог с грибной начинкой, надеюсь, это были не мухоморы.

Всё это шутки, конечно. Но я не перестаю думать, о предстоящей ночи — кто-то ко мне явится и подскажет, как быть. Конечно, если я решусь сделать так, как велела тётка Устинья.

Глава двадцать вторая

Не думала, что Ольга со Степаном так спешно назначат дату свадьбы. Неужели, Ольга беременная? Они вернулись из Сибири, а уже через неделю Шумиловым пришлось спешно готовиться к торжеству. Алиса Витальевна, которая так щепетильно относится к вопросам устройства торжеств, откровенно выразила недовольство, но в конечном результате смирилась и взялась за дело. И только мы с Владом остались в стороне. Влад не позволил мне волноваться по этому поводу и мы с ним пришли на торжество, как гости.

Посмотреть, с каким размахом местный миллионер выдаёт замуж свою племянницу, собрался чуть ли не весь городок. Мне стало грустно. Я тоже хочу вот так же подъехать к ЗАГСу, и чтобы на нас с Владом смотрели любопытные горожане, и чтобы я была одета в самое изысканное свадебное платье. И Влад — серьёзный и немножко грустный рядом в отличном костюме от ведущих кутюрье.

Влад заметил мой страдающий взгляд и подмигнул мне. Вот он умеет успокоить меня. На душе стало легче — всё у нас будет даже лучше, чем у Ольги со Стёпкой, я уверена. Уж Влад постарается удивить публику.

— Тебе нехорошо? — спросил Влад. — Ты бледная.

— Да, наверное, — кивнула я. — Я сегодня плохо спала.

Всё из-за этого сна. Я ведь целую неделю не могла собраться с духом и выполнить указания тётки Устиньи. Угораздило же меня устроить «магическую встречу» перед свадьбой друга. Как и велела тётка Устинья я повесила у изголовья «ловца снов», у изножья книгу положила и слова сказала. Что-то видела во сне, а вспомнить не могу. Спала плохо, ворочалась, просыпалась и снова проваливалась в сон. Наверное, придётся повторить обряд. Хотя, кое-что удалось вспомнить. Саму ведьму я не видела, только её руки — сморщенные, костлявые. Она раскрыла передо мной книгу и указала на иероглифы. Кажется, это была латынь, но я как не старалась, не смогла прочитать текст. Вот, пожалуй, и всё, что удалось вспомнить.

— Скоро всё закончится, — сказал Влад, наверное, имея в виду торжество.

— Всё только началось, — улыбнувшись, ответила я.

— Успей поймать букет, — улыбнувшись, предупредил меня Влад.

— Уж я постараюсь, — пообещала я.

Ольга отвернулась и бросила букетик в толпу. Я видела, как он пролетел над моей головой, и к моему огорчению его поймала рыжеволосая девушка, которая стояла у меня за спиной.

— Мазила, — прошипел Влад, взглянув на сестру. Та лишь пожала плечиками. Ничто сегодня не омрачит ей настроение — она невеста и это так волнительно.

— Прости, что не оправдала твоих надежд, — сказала я Владу. — Только я не суеверная и наша свадьба состоится в скором времени.

Влад улыбнулся и поцеловал меня в щёчку на глазах у всех.

Гостиная в доме Шумиловых, преобразилась в торжественную залу. Шары, фонарики, светящиеся вертушки и цветы — много цветов, запах свежий и дурманящий одновременно. Столы расставлены строго по кругу, а центр остался свободным для танцев и общения. На каждом столике букетик фиалок в крохотной фарфоровой вазе на белоснежной скатерти. У каждого стола стоят парни в белых перчатках — это служба. Когда они успели

подготовить всё, не понимаю. Или, деньги решают всё?

Мы сели за столик с родителями Влада. Стол сервирован на шесть персон и Игорь Всеволодович предложил присоединиться к нам ещё и моего отца с его новоявленной супругой. Мне нравится, что папа со мной, но Вера — она меня ужасно раздражает. Кроме как «болонка» я её никак не могу называть.

— Теперь очередь за вами, — не преминула вставить своё слово «болонка». — Могу представить, что будет твориться на вашей свадьбе, если племянница в роскоши утопает.

Никто не отреагировал на её замечание, и женщина сникла: поделом ей. Терпеть не могу женщин, которые стараются из всех сил быть на виду, а в результате оказываются предметом осуждений.

Как только гости расселись по местам, парни в белых перчатках ожили. Одни стали наливать гостям спиртное, а другие приносили угощения, а после уносили пустую посуду.

Я бы теперь отдохнула в комнате Влада, но как уйти? Меня воротит от еды, хоть закуски и выглядят аппетитно. Я устала, а от чего устала не пойму. Скорей всего, это сон на меня подействовал. С магией шутки плохи.

— После свадебного торта мы сможем подняться в мою комнату, — шепнул мне Влад.

— А призы будут разыгрываться? — поинтересовалась Верочка.

«Болонка» совсем совесть потеряла. Куда смотрит папа?

— Это свадьба и всё внимание сегодня молодожёнам, — сдержанно ответил Игорь Всеволодович. — Когда проводим новобрачных в Свадебное путешествие, будут танцы и развлечения.

— Они едут в Свадебное путешествие? — хлопнула в ладошки «болонка». Куда, если не секрет?

Ну, ты подумай, тётке под пятьдесят, а ведёт она себя, как малолетка бестолковая. Не думала, что у папы такой дурной вкус на женщин.

— На Сейшельские острова, — ответила за мужа Алиса Витальевна. — Пусть погреются на солнышке. Они ведь потом в Сибирь едут, а там такие холода.

Мой папа молчит и смущённо улыбается. Что с ним стало? Он боится потерять и вторую жену, потому закрывает глаза на бесцеремонные выходки Верочки? Как жаль, что ему попала такая недалёкая женщина.

— Ты выйдешь со мной? — спросила я Влада.

— Сначала я попробую свадебный торт, — ответил он.

— Милая, вы совсем ничего не едите, так нельзя, — проявила заботу обо мне Алиса Витальевна. — Весь день на ногах, надо восполнить силы.

Я взяла вилку и принялась за еду. Изумительные рулетики, политые ароматным винным соусом. Как вкусно. Все блюда изысканные. В другой день я бы, наверное, облопалась, но сегодня мне нездоровится, и аппетит пропал.

— А почему нет Анфисы Ивановны? — спросила Верочка.

— Анфиса Ивановна захворала, просила от её лица пожелать новобрачным счастья, — объяснила Алиса Витальевна.

Верочке стыдно не знать, что бабуля второй день с давлением мается.

Стёпка всё-таки улучил момент и пригласил меня на танец. Я попыталась отказать ему, но на свадьбе это не положено — жених и невеста должны успеть потанцевать с каждым из родственников. Влад улыбнулся и великодушно позволил Стёпке пригласить меня на танец, а сам ушёл танцевать с Алисой Витальевной. Загляденье, — как мой любимый

прекрасно танцует.

А Стёпка ещё тот танцор.

— Ты любишь Ольгу? — спросила я.

— Нам хорошо вместе, — ответил Стёпка и улыбнулся.

— Надеюсь, ты станешь для Ольги отличным мужем, — сказала я.

— Обещаю не обижать жену, тем более что она сама не даст себя в обиду, — пошутил Стёпка.

— Да, Ольга девушка боевая.

— А ты? Надеюсь, будешь счастлива, с Владом, — сдержанно произнёс Стёпка.

— Да, Стёпочка — он для меня всё. Я пробовала жить без него и это ужасно.

— Да, я помню, ты уезжала на пару месяцев из Борок. Я буду скучать без тебя, сестрёнка, — признался Стёпка.

— Я тоже, — ответила я.

Хорошо, что Стёпка определился. Мне приятно видеть его сильным и ответственным — теперь он женатый человек. Жалко, что уезжает в Сибирь, мне реально будет не хватать общения с ним.

— Ещё свидимся, — подмигнул мне Стёпка, когда прозвучали последние аккорды вальса. — Я всегда буду рядом, — пообещал он. — Никогда не угадаешь, как жизнь повернётся.

Рядом? Нас разделит ни одна тысяча километров, даже не поняла, о чём это он?

Под аплодисменты и восторженные возгласы гостей, вынесли свадебный торт. Трёхслойное произведение искусства. Белоснежный крем с ярко красными розочками, а на верхушке жених и невеста из белого шоколада. Новобрачные вдвоём взяли за рукоять ножа и разрезали торт. Через час, Ольга и Стёпка переоделись в дорожную одежду, и мы проводили их в Свадебное путешествие. Такси умчало новобрачных в ночь навстречу счастью.

— Ты с ума сошёл? — на выдохе произнесла я, когда мы поднялись в комнату к Владу. — Это всё мне?

Я ещё от рождественских подарков не оклемалась, а тут уже новых привалило.

— Тебе, — улыбнулся Влад и сел в кресло. Теперь он ждёт, когда я стану разбирать подарки. Что ж, не разочарую любимого и устрою шоу.

— Знаешь, я могу спокойно без всего этого обходиться, — указав на коробочки в ярких упаковках, сказала я.

— Я знаю, — кивнул Влад. — Но я не могу обходиться без этого, — добавил он. — Меня заводит твоя радость. С днём Святого Валентина, детка.

Ах, да, праздник всех влюблённых. Если я могу доставить ему удовольствие, распаковывая коробочки с подарками, я буду делать это ради него.

Влад потратил целое состояние. Столько золота в своей ладошке я ещё не держала никогда. А все эти кружева, рюшечки, стразики на дорогом белье, оказывается, могут доставить истинное удовольствие. Чёрт возьми, мне нравится вся эта роскошь.

Помню, он как-то сказал, что когда-нибудь я буду получать удовольствие, угождая ему — так и есть, я в восторге.

Я устроила шоу для любимого, примеряя наряды и демонстрируя золотые украшения.

Влад улыбается, откинувшись на спинку кресла. Он нервно постукивает пальчиками по широкому деревянному подлокотнику. Я завела его и это так приятно.

В конце концов, я устала и устроилась у него на коленях, обхватив руками за талию. Мне неловко, потому что я забыла купить подарок Владу. Я такая рассеянная, не понимаю, что со мной творится.

Нет, кажется, есть у меня кое-что для него. К свадебному подарку я хотела прикрепить золотую подвеску — два скреплённых между собой сердечка, предполагалось, как украшение к упаковочной ленточке. Но потом передумала — «это слишком», посчитала я. Теперь так, кстати, вспомнила о подвеске, которая лежит в коробочке в моей сумке.

— Тебе известна история Валентина? — спросил Влад.

— Отдалённо, — ответила я, любуясь, как играет камень разноцветными лучиками в колечке на моём указательном пальчике. — У меня тоже есть подарок для тебя. Я вскочила и метнулась к моей сумочке. Кулон мне продали в коробочке — так удачно. Я вернулась к Владу и протянула ему свой подарок.

— Ты делаешь мне предложение? — пошутил он.

— Думай что хочешь, — беззаботно ответила я и вернулась к нему на колени. Я уже привыкла к его шуткам, поэтому не реагирую на них.

Осторожно Влад открыл коробочку. Он смотрит на скреплённые между собой сердечки и молчит. Ему понравился мой подарок и это очевидно. Кулон недорогой, в нём золота всего полтора грамма, но не в этом его ценность. Я так рада, что не отдала его Стёпке с

Ольгой — это наши сердечки и наше счастье.

— Спасибо, — растроганный подарком, поблагодарил меня Влад. — Твой подарок, стоит всего этого «барахла», — кивнул он на разбросанные по комнате коробочки и ленточки.

— Эй, — прикрикнула я. — Не обижай мои подарки.

Влад снял с шеи цепочку и прикрепил к ней подвеску.

После торжественного ужина, я ужасно устала. Теперь бы лечь в постель, но лучше не разрушать романтический настрой. Кажется, Влад предлагал мне послушать историю, связанную с именем Святого Валентина — пусть расскажет, а я послушаю, лёжа у него на коленях.

— Давай, рассказывай историю про Валентина, я слушаю.

Влад улыбнулся, поцеловал меня в макушку и хотел отпустить очередную шутку по поводу моего «романтического» настроения, но я остановила его.

— И не думай рассказывать анекдот по случаю, — предупредила я.

Влад рассмеялся в голос, но потом всё-таки взял себя в руки и озвучил свою версию, связанную с праздником всех влюблённых.

— История корнями уходит в Древний мир, — начал свой рассказ Влад.

Мне нравится слушать Влада. Его голос, словно нектар по венам разливается.

— Подожди, — остановила я его. Вскочила с его колен и погасила свет. Взяла спички в комод и зажгла свечи, которые мы не убираем, а лишь меняем, если какая сгорела дотла.

Я вернулась к Владу на колени, поцеловала его и великодушно позволила продолжить рассказ, про Валентина.

— И что мне с этим делать? — глядя на меня спросил Влад.

— С чем? — не поняла я.

— Разве могу теперь отвлекаться на разговоры, если ты так близко.

— Нет, — захныкала я. — Я хочу слушать твой голос. Не разрушай романтический настрой.

— Хорошо, — кивнул Влад и поцеловал меня в макушку. — Валентин был священником. Он

дал обет безбрачия, но к любящим душам относился с пониманием и венчал тайно молодые пары. Помимо всего он ещё занимался врачеванием, что считалось признаком одержимости.

— Короче, по тем временам, он считался неформалом, — вставила я своё слово.

Влад рассмеялся и целомудренно поцеловал меня в макушку.

— Конечно, в конце концов, его схватили и посадили в тюрьму. Уже сидя в тюрьме, молодой священник влюбился в Юлию, дочь тюремщика.

— Что она делала в тюрьме? Ходила на экскурсию?

Нет, правда, как такое могло случиться?

— Виктория, ты последний романтик на земле, — посмеиваясь, заметил Влад. — Наверное,

под окнами прогуливалась, а заключённые смотрели в окна.

— Она их поддразнивала? — в шутку спросила я. У меня великолепное настроение и я не могу серьёзно воспринимать историю, которую знаю и сама.

— Девушка была слепая, — объяснил Влад.

— Ой, всё. Я молчу, — зажала я рот рукой. — Рассказывай дальше.

— Тогда Валентин вылечил несчастную, и когда она увидела молодого священника, сразу влюбилась в него, с первого взгляда.

— Дочь тюремщика входила в камеры к заключённым? — удивилась я.

Влад тяжело вздохнул.

— Тюремщик позволил Валентину вылечить дочь, когда тот предложил свою помощь.

— Дальше мне известно. Валентин не мог позволить себе принять любовь девушки. А та страдала, думала, что её чувства не нашли взаимности. Но перед казнью Валентин послал ей трогательное письмо с признаниями в любви. Представляешь, какую боль он ей причинил? Лучше бы она не узнала никогда.

Влад молчал целую минуту.

— Никогда не смотрел на историю с этой стороны, — наконец, признался он. — А ведь верно — нет ничего ужаснее, чем остаться без любимого человека. Не представляю, как жить? Одно дело, если любимый человек уходит от тебя, но если он умирает, это...

Влад развел руками не найдя нужных слов.

— Хорошо бы вместе погибнуть, а так, я согласна, что это самое ужасное, что может случиться с любящими душами.

Мы замолчали. Я свернулась калачиком у Влада на коленках, а он стал разбирать мои кудри — локон за локоном. Приятно. Я подумала, что не стану жить, если с Владом случится беда. Зачем? Всё лучшее со мной уже случилось. Жить воспоминаниями — скучно и убого. Всё к чему я стремилась, сбылось. Я приехала в этот городок с одной целью — узнать, на что я гожусь, понять, что мне нужно в жизни. И вот выяснилось, что я могу и хочу любить. Я люблю так сильно, что меня не пугают даже оборотни, которые рыщут в округе. Мы справимся, иначе и быть не может.

Глава двадцать третья

Тётка Устинья выбивает ковёр во дворе. Какая неугомонная старуха. Говорит, что ей весной «стольник» исполнится, но с виду не скажешь — она ещё полна жизненных сил.

Неужели, она заставит меня чистить ковёр? В нём, наверное, столько клещей и бактерий, и ещё куча столетней пыли.

— Тётка Устинья, здравствуйте.

— Говори, с чем пришла, — между делом спросила бабка.

— Я сделала, как вы велели.

— Ну и что? Кто пришёл?

— Не знаю, я только руки видела и раскрытую книгу Таинств.

— И что там было написано?

— На латыни. Кажется, что-то про чашку или чашу.

— Так и есть, — сказала тётка Устинья и оторвалась от дела. Она думает о чём-то тихонечко, постукивая выбивалкой, по своей ладошке.

— И, как это понимать? — спросила я

— Нужно освободить чашу, чтобы налить новой воды, — объяснила тётка Устинья. — Мысли бродят и всё они бестолковые, из пустого в порожнее льёшь воду. Выкинь всё из головы и наступит ясность — тогда и поймёшь, что делать.

Устинья всегда выражается метафорично. Почему нельзя объяснить простым языком?

— Ты поняла? — спросила тётка Устинья.

— Понять-то поняла, а как убрать нежелательные мысли не знаю, — вздохнув, ответила я.

— Вот ты глупая, — бранится тётка Устинья. — Не думай и всё тут.

— Как же не думать? — говорю ей. — Разум на то и дан, чтобы думать.

— Вот когда выплеснешь стоялую воду из чаши, тогда чистая водица и придёт.

От Устиньи шла пешком. А снегу-то прибавилось. С утра такой снегопад зарядил, белоснежными хлопьями на потемневшие сугробы. Я вспомнила, что по «новому» снегу охотники пойдут в лес. Им неведомо, с кем придётся столкнуться — они на волка идут. Влад, когда я ему рассказала о затее горожан, сказал, что людям в одиночку не справиться со стаей, и что им помогут Глеб с Полиной.

Конечно, по пути я зашла к бабушке. Померяла ей давление, дала лекарства и напекла блинов. Сидим, ужинаем. Я решила переночевать у бабушки, а то она уже обижается на меня. И, кстати, Владу тоже нужен «глоток воздуха» — пусть отдохнёт от меня, расслабитесь. Зато как соскучится!

— Бабуль, ты не знаешь, когда охотники в лес пойдут, на волка? — спросила я.

— Обещали по новому снегу, чтобы следы свежие видеть. Отец твой тоже собрался идти.

— Зачем ему? — всполошилась я. — Пусть молодые идут, а ему не зачем в лес соваться.

— Попробуй, удержи его, — вздохнув, сказала бабуля. — Он в первых рядах. Волки-то, вон, как с ума сошли, ходят у кромки леса, людей пугают. А вчера у Голубевых козу утащили из сарая. Голодно им в лесу видать.

— А раньше они таскали живность? — поинтересовалась я.

— Всё было, — покачав головой, ответила бабушка. — Волк, он и есть волк, всегда

голодный.

Ночь я провела без сна. Вот так, не привыкла я спать без Влада. Или для точности - отвыкла спать одна. А ещё метель на улице была. Так завывал ветер, что мороз по коже побегал — было страшно и волнительно. Влад приехал за мной ранним утром. Оказывается, он тоже не спал всю ночь. Мы уже не можем обходиться друг без друга.

Ночью такие сугробы намело. Ветер стих, но снег всё падает и падает на выбеленную, можно сказать, стерильную землю. Мне нравится такая погода — тепло и тихо, как в сказке. Могу представить какая теперь красота в лесу.

— Хочу увидеть сказку, — сказала я Владу после завтрака.

— И что это значит? Мы идём в кино? — поинтересовался он.

— Нет, мы пойдём в лес.

— Хорошо, — согласился Влад. — В лес, так в лес. Но сначала ты подаришь мне незабываемые счастливые минуты, — хитро прищурившись, сказал Влад.

О, нет, только не сейчас.

— Что ты так уставилась на меня? — хохочет Влад. — Иди, готовь нам завтрак. Кофе я сам приготовлю, — успокоил меня он, потому что уже понял, как я отношусь к кофе машине: а у меня с ней тяжёлые взаимоотношения.

Зимний лес, величественный и суровый. Немножко страшно, но я не одна и теперь с удовольствием вдыхаю свежий морозный воздух. Есть в зимнем лесу что-то особенно притягательное. И холодно и сумрачно. Красота невнятная, но такая милая.

— Интересно мне знать, кто проложил тропы после снегопада? — поинтересовалась я.

В лесу проложены тропинки, а в городке снега по колено. Какая несправедливость!

— Прогулка в зимнем лесу должна быть приятной, — улыбнувшись, ответил Влад. —

Есть люди, которые с удовольствием выполняют любую работу.

— Понятно. Значит, заповедник очищают от снега рабочие?

— Только тропы прокладывают.

— Волчий овраг, — сказала я, когда мы подошли к «нехорошему», по мнению местных жителей, месту. — Как неуютно здесь, — поёжившись, заметила я. — Вернёмся? Мы давно не были в домике на дереве.

— Любой каприз, принцесса, — вспомнил он Стёпкины слова.

Да, Стёпка называл меня принцессой. Чудной парень. Ухаживал за мной, а потом женился на Ольге. Всё случилось так быстро. Когда они сошлись? Может, когда я уезжала в Тамбов — меня не было в этих краях почти два месяца. В принципе, они подходят друг другу — Степан душа и суровая Ольга.

— Завтра мне надо в Тамбов ехать, ты со мной? — спросил Влад.

— Надолго? — поинтересовалась я.

— С утра и до позднего вечера. Теперь у меня будет мало свободного времени, работы привалило.

— Ты ведь не работаешь? — удивилась я. Он устроился и ничего мне не сказал?

— Я работаю, детка. Мне приходится много работать, чтобы ты ни в чём не нуждалась. Это бизнес и тебе лучше не вникать в подробности.

— Твои поездки в Тамбов? Там у тебя есть своё дело?

— У нас семейный бизнес. Деньги, как вода в бочке — если не пополнять её запасы ёмкость опустеет и дно высохнет.

Это хорошо. А я думала, что семья Шумиловых бездельничает. Конечно, деньги должны

работать, иначе их в какой-то момент просто не останется.

— Я с тобой — запоздало ответила я. — Маму навещу, а ты потом приедешь за мной.

— Заодно познакомлюсь с твоей мамой, — улыбнувшись, сказал Влад. — Цветы, или золото?

— Цветы, — серьёзно предупредила я, чтобы Влад даже не думал дарить моей маме золотое украшение. Она не примет, я знаю, и получится неловкое знакомство.

Однако Влад идёт слишком медленно. Волчий овраг произвёл на меня сильное впечатление — романтического настроения, как небывало. Когда-то детьми, мы часто прибегали сюда, и я никогда не испытывала страха. Но теперь лес стал опасным.

Волки совсем обнаглели и лучше нам не выходить за пределы заповедника. Стёпка показал мне линию границы, и мы теперь находимся далеко за её пределами. Лучше нам поторопиться и уйти, от греха подальше.

Эх, Стёпка теперь греется на солнышке, а я перепуганная иду по заснеженной лесной тропинке.

— Хочу на юг, — сказала я. Разговор на отвлечённую тему поможет избавиться от приступа паники, который вот-вот случится со мной.

— Хорошо, — кивнул Влад. — Куда полетим?

— Сейчас вернёмся домой, я запущу поисковик, и выберу какое-нибудь чудесное местечко для нас.

Нет, в самом деле, почему бы нам не поехать куда-нибудь? В конце концов, он может взять отпуск — дело семейное и не перед кем отчитываться не придётся. Влад обещал показать мне мир, почему не теперь? Если честно, мне надоели все эти «страхи и охи», пора забыться где-нибудь на средиземноморском побережье, на знойном пляже с прохладным напитком в одной руке и книгой в другой.

— Странно, что ты сам мне не предложил поехать куда-нибудь, — упрекнула я Влада. — Стёпка с Ольгой нежатся на горячем песочке, а я преодолеваю километры в заснеженном лесу.

— Я никогда не уезжал от родителей, — стал оправдываться Влад. — Наверное, это глупо, но мне не нравятся уезжать из дома, тем более лететь за тридевять земель.

— Лучше останемся в Европе, — предупредила я. — Я не переношу длительные перелёты.

— Мне нравится, твоё милое ворчание, — посмеиваясь, признался Влад. Он остановился,

взял меня за плечи, и некоторое время смотрел на меня. — А это может приносить удовольствие, — наконец произнёс он.

— Что именно? — спросила я, не в силах справиться с улыбкой, которая предательски прорвалась наружу.

— Выслушивать претензии от любимой женщины.

— А я любимая? — не преминула я спросить, хоть и знаю ответ.

— Ты мне очень дорога, Виктория. Не знаю, есть ли ещё что-то, чем бы я мог дорожить так, как дорожу тобой.

Птицы расшумелись неподалёку. Не иначе спугнул их кто-то. Может, охотники вышли на промысел? Зачем я сегодня пошла в лес? Велено же было сидеть по домам, снег выпал, и охотники пошли в лес. Надо поскорей отсюда убираться, чтобы не оказаться в центре событий.

Мы продолжили путь, но не прошли и десяти метров, как Влад неожиданно остановился и замер. Он прислушался. Я хотела спросить, в чём дело, но он остановил меня жестом руки. — Тише.

Что-то не так. Влад насторожился, а взгляд у него стал напряжённым. А теперь он закрыл глаза и слушает тишину. Прошла целая минута. У меня сердце стучит так сильно, что даже рёбрам больно.

— Ничего, — наконец, сказал он. — Всё тихо. Не бойся, мы на границе заповедника. — Нет, он снова стал прислушиваться. — Чёрт, что-то не так, — зло выпалил он.

Я и сама чувствую, что кто-то следит за нами, хорошо, если это Полина. Она больше не беспокоит меня, думаю, смирилась, что сын стал взрослым, и у него появилась я. Устинья, как-то говорила, что оборотни бывают двух типов — одни «надевая» шкуру зверя теряют человеческую память, другие напротив сохраняют и память и чувства. Полина верна своему сыну, а, значит, относится ко второму типу оборотней.

Вот, я чувствую её — она, где-то рядом. Скорей бы выйти на полянку, а оттуда до домика на дереве метров двадцать останется.

— Ты что-то слышал? — спросила я.

— Ничего не слышал. Браслет, как будто стиснул запястье.

Влад так и носит браслет, который нацепил на запястье в тот вечер, когда показывал мне книгу в домике на дереве. Устинья говорила, что браслет без книги не работает, а он сработал. И, как это понимать? Устинья та ещё ведьма.

— Он сработал, да? — поинтересовалась я.

— Я не уверен, — ответил Влад. — Может за рукав зацепился, а мне показалось, что он стиснул запястье.

— Да, наверное, — согласилась я, хоть от ужаса и засосало под ложечкой, возможно, он предупредил хозяина, что опасность близко.

А я ещё, как назло сумку не взяла с собой, а там мой оберег остался, который мне тётка Устинья дала. И ведь она сказала, чтобы я его у тела держала, а я оплошала.

Я остановилась. Сильное волнение или беспокойство, прямо зашкаливает.

Влад обнял меня и прижал к своей груди.

— Не бойся, трусиха — принялся он успокаивать меня. — Всё хорошо.

— Да, всё хорошо, — согласилась я хоть и не уверена.

— Я мечтал контролировать тебя, а теперь... не могу совладать с собой, — признался Влад. Он тоже чувствует опасность? — Завтра же отправимся в путешествие. Ты права, нам нужен отдых.

— По крайней мере, не раньше, чем через неделю, — сказала я. — У меня нет загранпаспорта.

— Ничего, я всё устрою, — успокоил меня Влад. — Значит, завтра едем в Тамбов, а послезавтра — в путешествие.

Мне повезло с Владом. Небывалое сочетание природной красоты, благородства и ума. Каждый день спрашиваю — за что мне такое счастье выпало? И не нахожу ответа. Надеюсь, что это не случайная встреча, и мы предназначены судьбой друг другу. Не знаю, что чувствует ко мне Влад, но мне без него уже не обойтись.

Взявшись за руки, мы пошли дальше.

— Люблю белый цвет, — сказал Влад.

— Я это заметила, — согласилась я, вспомнив его комнату в доме Шумиловых. — А

мне уже глаза слепит эта белизна. Скорей бы добраться до дома. Хочу ярких красок.

Влад рассмеялся.

— Будут тебе яркие краски — очень скоро. Я обещаю.

— Алого цвета будет достаточно, — заметила я.

— Корзина роз, я думаю, тебя устроит. — Влад сразу понял, на что я намекаю.

— Корзина роз и шопинг. Завтра в Тамбове. — Влад закатил глаза — он терпеть не может ходить по магазинам. — Мне нужно купить всё необходимое для поездки, — объяснила я.

— Ты у меня такая забавная. Мне легко и просто с тобой, хоть ты и капризная бываешь.

— Я? Капризная? Побойся бога — ты не знаешь, какие бывают взбалмошные девицы.

— Хочу, чтобы ты была моей, — признался Влад. Он остановился, обнял меня и прижал к груди так крепко, что я почувствовала силу этого парня.

— Я и так твоя, — прохрипела я, потому что он слишком сильно стиснул мне грудную клетку. Влад улыбнулся и ослабил хватку.

— Нет, моя по-настоящему. Ну, чтобы платье свадебное, фата и торт, в несколько ярусов.

— Давай не будем торопиться. Не теперь, — попросила я.

— Когда же ещё говорить, как не теперь? Может, ты сомневаешься в своих чувствах ко мне? — спросил Влад.

— Шутишь?

— Конечно, шучу, — ответил Влад самодовольно.

— Как же не любить тебя. Ты такой сильный, смелый, любящий и в твоих жилах течёт кровь оборотня.

— Это-то меня и тревожит. Я не знаю, чего ждать от себя. Иногда я сдерживаю себя, и это становится всё труднее и труднее, — признался Влад.

— Сдерживаешь от чего?

— Раньше я никому не говорил про это.

— Ну, говори, — стала торопить я Влада. Надеюсь, это не то, о чём я подумала, и Влад не собирается примерить шкуру оборотня.

— Кажется, во мне дремлет «охотник».

— Не бойся, — стала успокаивать я Влада. — Если даже он вырвется наружу, самое страшное, на что ты будешь способен, так это убьёшь оборотня.

— Убить оборотня? — произнёс Влад. — Думаешь, я смогу?

— Когда-нибудь инстинкты тебе подскажут, что с этим делать, — сказала я.

— Надеюсь, — глухо отозвался Влад. — И что ты думаешь на этот счёт?

— Я хочу, чтобы мы жили в городе. Там люди и мы сможем укрыться, затеряться в толпе. А лес, он скрытный. Никогда не знаешь, кого встретишь на пути.

— Может, ты и права, — неохотно согласился Влад.

— Так и есть, лес опасное место для прогулок, — нарушил лесную тишину голос, сорвавший стайку мелких птиц с рябины. В ту же секунду на нашем пути возник мужчина. Наверное, это охотник, они ведь собирались выйти в лес по «новому» снегу. Но почему он без ружья? И одет он, не по погоде.

Чёрт, это оборотень? Нет, не хочу даже думать об этом.

— Всё чисто, зови жоака, — сказал незнакомец вышедшему вслед за ним поджарому волку.

Чёрт возьми, это оборотни из дальнего леса. Влад схватил меня за руку и перебрросил за спину. Не представляю, что делать. Сейчас я понимаю только одно — Влад в опасности, потому что стая нарушила границы заповедника. Почему это случилось? Полина, Глеб, где они? Где родители, которые обещали оберегать сына?

— Не прячь её, пусть уходит, — беззлобно произнёс мужчина.

Зверь оскалится и чуть подался вперёд, а после скрылся в зарослях кустарника. Побежал за вожаком? Или теперь сюда прибежит вся стая? Чёрт, это не шутка. Нет, это слишком настоящему. Но я не уйду, пусть даже не надеются. Теперь меня ничто не оторвёт от Влада: я вцепилась в него обеими руками.

— Виктория, уходи, — приказал Влад.

— Я не уйду, — ответила я и прижалась к нему всем телом.

— Глупо, — заметил мужчина. — А ты девушка молодая, тебе жить да жить.

Я знаю его. То есть, я помню этого человека из далёкого детства — он работал в нашей школе. Да, я видела его в школе, но он не учитель — хозяйственник. Он ходил в синем халате, а за ним бегала стайка мальчишек его помощники. Он чинил парты, двери и прочие поломки, а мальчишки помогали ему. Он был добрым человеком, но теперь всё изменилось.

О боже, мы сейчас умрём. Как странно. Я ничего не чувствую — страх сковал моё тело. По мне так лучше бы всё случилось в мгновение ока, ненавижу ждать.

О чём я думаю, мы же не в очереди к стоматологу, сейчас мы на волосок от смерти и каждая минута бесценна. Да, так и есть — каждая минута бесценна, потому что есть надежда на спасение. Глеб и Полина должны появиться с минуты, на минуту. Надеюсь, они знают уже, что стая нарушила границу.

Почему я такая глупая? Зачем мне этот лес, я ведь, домоседка, по сути. С каких пор мне стали нравится зимние прогулки? Меня раньше зимой из дома не вытаскишь — только на учёбу и обратно, в тёплый дом. Плед, кофе, книги...

Пока я оценивала степень собственного идиотизма, из леса вышли два волка. Они сели по обе стороны от мужика, который в любой момент может принять облик зверя.

— Виктория, уходи сейчас или будет поздно, — шепчет Влад, но по голосу слышу, он не уверен, что это правильное решение. Влад растерян. Таким я его вижу впервые. Его тело такое напряжённое, как будто окаменело. Что он может сделать? Как защитит меня и себя? Он всего лишь человек, хоть он и признался, что в нём подаёт голос «охотник» на оборотней. Это в теории дети оборотней рождаются «охотниками», но ведь никто не проверял. Влад что-то чувствует, но можем ли мы теперь довериться его ощущениям?

— Чёрт, — выругался Влад. — Если бы не ты...

— Что тогда? — выпалила я. — Я не уйду, и не надейся.

И незнакомец, и волки застыли в ожидании. Мы тоже стоим не шелохнувшись. И вот, я заметила, как в кустах с боку мелькнула чёрная тень. Полина, не иначе. Значит, где-то рядом и Глеб затаился. Волки насторожились. Что же она медлит? Сейчас сюда прибежит стая, и время на спасение будет упущено. Нет, она не мать — материнские чувства покинули её.

Или стая уже здесь? Они ведь не появляются сразу — выжидают, затаившись, а потом появляются по одному, я в кино видела, как это происходит. Да, в кино, но теперь я сама оказалась в центре сюжета. Даже не верится. От страха я готова сорваться с места и бежать, куда глаза глядят, но чувствую, что ноги не слушаются меня — они сделались ватными: я теперь и шага не ступлю, свалюсь в снег.

Странное чувство. Прошло всего минуты три, не больше, а я уже столько всего

передумала. Вот так, наверное, и происходит на пороге неизбежности — время замирает, чтобы человек мог осмыслить ситуацию. Только я не могу понять, к чему это? Уж лучше бессознательно, как в омут с головой.

— Полина подала знак, — прошептал Влад.

А я не могу произнести ни слова. Я так дрожу, что слышно, как щёлкают мои зубы. Это уже не страх — это ужас и безысходность. Правильно говорят, что от судьбы не уйти. Меня увезли из Борок, а я вернулась сюда. Устинья предупреждала меня, но я не прислушалась к её словам. Я всю жизнь хожу по краю, а теперь подошла к самому обрыву и спасение не предвидится.

— Стой смирно и не дёргайся, — предупредил меня Влад. — Пора.

Волк, что сидит по правую руку от мужика оцетинился, и сделал шаг, а потом неожиданно остановился, как будто наткнулся на препятствие. Глеб и Полина воспользовались замешательством и бросились в атаку. На моих глазах, мужик в диком прыжке обратился в оборотня, а одежда, что была на нём, разлетелась в клочья. Началась настоящая бойня. Я, как-то наблюдала, как грызутся псы, но эта битва во сто крат ужаснее. Мои глаза затуманились, и я стала медленно опускаться на землю, покрытую белоснежным ковром, а ещё через мгновение, тёмный силуэт слева от меня, нацелился на Влада, как будто в затяжном прыжке, словно в замедленном кадре — это волк. Вот он обнажил клыки. Он уже так близко.

Говорят, что выбор есть всегда и не надо прежде времени отчаиваться. Выбор есть лишь тогда, когда есть выход, а если его нет, то и выбирать не из чего.

С реакцией кошки я выпрямилась, чтобы защитить Влада и встретила острые клыки, которые вонзились в мой бок. Я услышала мерзкий хруст — это мои рёбра трещат под острыми клыками оборотня.

Белый снег и капли крови — это так красиво. Я вижу, как падает огромный зверь, кто-то из стаи, а может Глеб, или Полина. Нет, не могу разглядеть. Где-то рядом звучат выстрелы, скулят псы, рычат оборотни, кричат люди, но меня это больше не заботит — всё кончено. И только голос любимого ещё на миг задержал меня в этом мире.

— Виктория, нет...

Темнота. Покой.

Глава двадцать четвёртая

Ярко алые пузырьки пляшут перед глазами — вверх-вниз, вверх-вниз. Эта картинка повторяется снова и снова — ни одной мысли, только движение пузырьков имеет значение.

Пробовала запустить их в обратном направлении — влево-вправо, но ничего не вышло. Однообразная, монотонная реальность, длилась целую вечность, пока на смену надоедливый пляшущим пузырькам не пришёл мрак — тяжёлый, тесный, как будто на грудь лёг груз весом в несколько тонн, и разом исчезли все чувства. Пробовала сопротивляться, но тщетно. Лучше уже сдамся, и будь, что будет... и всё-таки промелькнула мысль — только бы не исчезнуть вовсе.

Бесконечный космос, мрак. Ты не чувствуешь рук, не можешь пошевелить ни одним бесследно исчезнувшим пальцем. Нет ног, нет тела, осталась только голова и пустота в ней. Освободилось столько пространства, но ты не знаешь, чем его заполнить. Обострился слух и ты слышишь биение своего сердца — редкие удары звучат в голове. Я потерялась в ощущениях и это очевидно.

Гнёт по-прежнему давит. Сколько ещё будет длиться эта мука? Один, два, три... мама... надо же, осталось что-то в памяти. Мысль дотянулась, ухватилась за краешек реальности и это успокаивает. Там есть ещё что-то яркое, приятное, жизненное... нет, не дотянусь, слишком далеко.

А потом снова вернулись ярко алые пузырьки — вверх-вниз... они вернулись, но тело по-прежнему отсутствует — исчезло и не желает возвращаться. Но я довольствуюсь малым — мыслью, значит, всё ещё жива. Чтобы оставаться в сознании, я стала придумывать, как изменить движение пузырьков. Влево-вправо, влево...

Нет, ничего не получается. Досадую, что не могу справиться с такой лёгкой задачей. Но вскоре, ярко алые пузырьки застыли, а потом опустились на выбеленную снегом землю. Красиво. Жизненно. А следом мрак — увесистый, плотный. Пустота. Только биение сердца — ухает, как будто кузнец отбивает молотом по наковальне — звучное «тук» и звонкое короткое «тук-тук». Чудно. Разве сердце может биться так?

Власть над собственным телом возвращалась постепенно. Груз ослаб, и я почувствовала собственное тело. Я слушала своё сердце, но теперь к этому звуку добавились и другие удары — ровные, спокойные, без «звонкого короткого «тук-тук». Появилась надежда, но эта тяжесть.

Никакого груза не было, и нет, это твоё тело. Такое тяжёлое...

Часть четвёртая. Из истории

— Вперёд! — плеть со свистом опустилась на взмыленный бок рысака. — Вперёд, я сказал.

Конь встал на дыбы, отпрянул назад и замер, шумно выдохнув воздух из расширенных ноздрей.

— Чёртово отродье, погубить меня вздумал?

Всадник нанёс плетью ещё три удара, но конь под седоком не сдвинулся с места.

Где-то далеко заходятся гончие лаем, значит, зверь загнан и охотникам осталось только прикончить добычу. Всадник тяжело вздохнул. Кажется, пришёл его час.

Куда бежать? Позади напавшая на его след стая оборотней, а впереди три болота, чёртов треугольник, из которого никому не выбраться, если только окажешься в проклятом месте. Как ни крути, а гибель всё одно его настигнет. Конь испуганно всхрапнул и покосился на седока, который лёгким привычным движением спрыгнул на землю.

— Подвёл ты меня, старина, — потрепав за гриву коня, произнёс всадник. — Но я не держу на тебя зла.

Конь фыркнул и опустил голову, как будто извинялся за свою беспомощность.

Погода в этот день выдалась мерзкая — моросящий дождь и липкий туман.

Теперь от силы часа три дня, а сумрачно, как будто вот-вот землю накроет вечерняя мгла.

Всадник прислушался. В соседних кустах послышался шорох.

«Вот и смерть настигла меня» — подумал он. Встал, широко расставив ноги, прикрыл грудью своего коня, и приподнял подбородок — он примет смерть с честью, не уронив достоинства.

Но к его удивлению из ближних кустов вышел мальчик лет двенадцати. Он остановился на тропе и, устремил небесно голубой взгляд вглубь леса — туда, откуда только что прискакал всадник. В следующее мгновение на тропинке показались оборотни. Их пара, но эти звери стоят десятка малорослых особей. Всадник хотел было схватить мальчишку и посадить на коня: может, хоть ему удастся скрыться, пока оборотни займутся им, но мальчик бесстрашно шагнул навстречу оборотням, а его глаза приняли огненно красный цвет.

В ужасе, всадник, кое-как всунул ногу в стремя и вскочил на коня, хлестнул его, но тот не сдвинулся с места и никак не отреагировал на удар нанесённый плёткой. Всадник взглянул на оборотней, а те оцетинились, а дальше произошло нечто невообразимое — звери припали к земле и стали вертеться, как будто страшная боль терзала их тела. А ещё через мгновение оба замертво свалились на землю.

Всадник, приоткрыв рот, наблюдал за происходящим, но как только мальчуган обернулся и взглянул на него, стеганул коня и умчался прочь по освободившейся тропе вглубь леса.

Только у окраины села, он остановил запыхавшегося и хрипящего коня. Да он и сам едва переводил дух. То, что произошло в лесу, никак не вязалось с реальностью. Для верности, он даже ущипнул себя, чтобы проверить, не сон ли это был? Мальчишка с огненно красным взглядом, одолел пару отборных оборотней, даже не приблизившись к ним, разве такое возможно?

Отдышавшись, всадник поскакал к дому, но толпа на сельской площади привлекла его

внимание. Он спрыгнул с коня и подошёл ближе, чтобы узнать, по какому случаю собрался народ.

Другие охотники вернулись раньше него и теперь рассказывают о чудесном мальчишке, который помог им. Оказывается мальчуган с огненным взглядом, помог не только ему одному — он уничтожил ещё четверых оборотней, которые преследовали других охотников. Люди переговаривались, думали, гадали, откуда появился мальчишка и почему помогает селянам. Очевидно, что парнишка связан с магией и по всему должен быть на стороне оборотней, так нет, он людям помогает.

Кто-то из селян сказал, что в лесу поселилась женщина, а мальчуган тот её сын, что женщина та ведьма и может обращаться в зверя, или в предмет какой-нибудь. Стоит ей сложить двенадцать ножей, перепрыгнуть через них и начинается превращение. Живут они в дальнем лесу, а от оборотней женщину защищает её сын — урлап, по нашему «охотник». Теперь это имя стало нарицательным, а некогда жил на месте Тамбова охотник, Урлап, который прославил имя своё в отчаянной борьбе с оборотнями. Иные предложили разыскать ведьму и расправиться с ней и с её сыном, но местный дьякон не поддержал предложение селян и приказал не трогать лесную семью. Для верности, он пригрозил расправой, если кто сунется в лес и потревожит «заступников».

Люди разошлись по домам.

Всадник взял коня под уздцы и тоже направился к своему дому. Мысли о чудесном мальчишке не отпускали его. Вместе они могли бы очистить лес от скверны. Мужчина он молодой, не женатый и если ему суждено будет погибнуть за правое дело, никто не прольёт по нему слёз. Родители уже давно отошли в мир иной, а зазноба его Аришка, как-нибудь переживёт потерю жениха. Да и не складываются у них отношения — больно она заносчива, а он человек спокойный и не любитель выяснять отношения.

С утра пораньше, мужчина оседлал коня и поскакал в лес. Где искать дом колдуньи он понятия не имел, пробирался по тропам лесным наобум, авось повезёт и какая-нибудь тропинка приведёт его к дому лесной ведьмы.

Когда он уже отчаялся и решил передохнуть на чудесной поляне, а заодно позволить коню полакомиться сочной лесной травой, прежде чем вернуться домой, среди зарослей акации он увидел избушку. Взяв коня под уздцы, он осторожно приблизился к дому. Заглянул в окошко и увидел того самого мальчишку с огненно красным взглядом. Только теперь глаза мальчика излучали нежно голубое сияние. Рядом с мальчуганом возилась женщина лет тридцати — русая коса, точёное личико, стройная фигура и совсем она не была похожа на ведьму. Завидев молодого человека, женщина встrepенулась, но не испугалась. Она вышла из комнаты в сени, а оттуда во двор.

— С добром или со злом явился? — задиристо спросила она.

— С добром, — очарованный красотой ведьмы, смущённо улыбаясь, пробормотал тот.

— Входи в дом, — пригласила его ведьма.

А тот отпустил коня и вошёл в дом вслед за хозяйкой.

— Садись за стол, — приказала ведьма. — Будешь обедать с нами.

Тот мужчина не смог вымолвить ни слова супротив колдуньи, так она ему приглянулась.

— Тебя привёл в мой дом сын — из-за интереса к нему ты здесь, — сказала ведьма, раскладывая по мискам гречневую кашу.

— Так и есть, — кивнул он. — Но теперь не знаю, из-за него ли я здесь, — вздохнув, признался молодой человек. Уж больно ему понравилась ведьма.

Ведьма улыбнулась и стала наливать из кувшина молоко, сдабривая кашу. Затем ловким движением отрезала каждому по краюхе свежее испечённого хлеба.

— Спасибо, — поблагодарил женщину гость и взял ложку.

Ели молча. Мальчишка поглядывал искоса на чужака и даже пару раз улыбнулся ему. Когда миски опустели, ведьма вытерла рот рукавом и обратилась к мужчине с вопросом.

— Рассказывай, с чем пришёл?

— Я знаю, где прячутся оборотни, а мальчик наделён силой, убивать их. Я мог бы выманить псов, а твой сын уничтожил бы гадов.

— Хочешь избавить лес от оборотней? — хитро улыбнувшись, спросила ведьма.

— Так и есть, — ответил гость.

— Попробовать, конечно, не грешно, — сказала она. — Но если ты погибнешь, я ответ за твою смерть держать не буду, — предупредила колдунья. — Тогда мы уйдём. Мой сын — урлап — он в любом краю в цене.

— Урлап? Кто же он такой, урлап?

— Потомок древнего охотника, имя которого Урлап. Не тот, что охотится на дичь лесную, а тот, кто с оборотнями не мирится.

— Никогда не слыхивал о таком чуде, — ответил гость.

— Дочь знатного охотника, Цна была ведьмой. Так вот, она наложила заклятие на оборотней. И если они задумают родить дитя, так у них непременно родится «охотник» и станет грозой для них же, для оборотней. Урлап не потерпит рядом с собой магического зверя и обязательно убьёт его.

Селянин с интересом взглянул на мальчугана, а тот сидит себе на стульчике и мастерит что-то, постукивая камнем по деревяшке.

— А отец его кто? — поинтересовался гость.

— А он нам на что? Разве наш сын оставил бы его в живых. Сделал своё дело и ступай себе с миром.

— Так ведь ты не оборотень, — удивился гость.

— Я полукровка, — призналась ведьма. — Урлап и так родился, без поганой волчьей крови, которую я отказалась испить, для завершения ритуала перевоплощения.

Крутого нрава ведьма, хоть с виду и кажется тонкой, и изящной.

На следующее утро, они отправились в лес, оборотней искать. На главной тропе разделились — ведьма с сыном остались на тропе, а селянин ускакал на коне в глухой лес, чтобы оборотней привлечь и как раз вывести на мальчика, который одним только взглядом может прикончить зверя.

Долго всадник плутал по чащам лесным, но оборотней не смог отыскать. Ушли звери. Урлап вынудил их покинуть лес.

Встретились мужчина с ведьмой и её сыном на тропе и обрадовались, что не пришлось им воевать.

Ведьме приглянулся молодой человек, конечно, она согласилась на его предложение стать ему верной женой. Он привёл ведьму в село и представил селянам, как свою жену. Ведьму не трогали, ибо все знали, что оборотней из леса прогнал мальчуган с огненно красным взглядом — её сын. Были у них и другие дети, но они уже не имели магической силы.

Тамбовские леса долго оставались под защитой урлапа, но мальчик вырос и пошёл своей дорогой — уехал в иные края, а со временем в лес вернулись оборотни.

Глава двадцать шестая

Я открыла глаза. Не сразу поняла, где я и почему не дома. Скромное убранство комнаты в доме бабки Устиньи заставило напрячь мозг и подумать, как я могла оказаться в доме ведьмы. Последнее, что помню — пятна крови на заснеженной земле. И голоса...

Влад. Да, он звал меня.

— Очнулась? — прокряхтела тётка Устинья.

А я не нашла сил, чтобы ответить ей. Я словно окаменела — чувства покинули меня, а тело мне больше неподвластно.

— Не бойсь, скоро поднимешься, — успокоила меня Устинья. — Насилу отбила тебя. Отец твой настаивал, чтобы тебя отвезли в больницу, так я не позволила, разве они помогут тебе?

Почему? Мне нужна помощь, а эта старая ведьма подвергает меня опасности, занимаясь народным лечением. Меня укусил волк, а это чревато последствиями.

Я попыталась сказать ведьме, чтобы она немедленно вызвала доктора, но губы мои остались неподвижны, а голосовые связки предательски бездействуют — словно я онемела вдобавок к тому, что не могу пошевелиться даже.

— Нельзя тебе в больницу, милая. Никак нельзя. Вот, как поднимешься, тогда посмотрим, как тебе в мир выйти. Кабы волк укусил, это ещё ничего, а вот ежели оборотень, тут другое лечение нужно.

Какой бред она несёт. Подумать только, двадцать первый век, а мои родственники позволили колдунье лечить меня — неграмотной и старой женщине. А мама? Она ничего не знает, конечно. То есть, ей даже не сообщили о том, что на меня набросился волк. Если бы она знала, ни за что не оставила меня в избушке у ведьмы.

Чёрт, меня укусил оборотень, а значит, беды не миновать.

— Фиска каждый день приходит. Сидит часами у твоей постельки. Скоро придёт, вот обрадуется, что ты ожила.

Боже, что происходит? Они сговорились что ли? А Влад? Куда он смотрит?

— А Влад... теперь он первый враг твой.

Я взглянула на Устинью молящим взглядом, чтобы она объяснила мне, что случилось, и почему Влад отвернулся от меня.

— Так и есть, отвернулся. Теперь вы с ним первые враги.

Ничего себе! Это благодарность за то, что я приняла удар на себя?

Может, волк изуродовал моё тело, поэтому Влад отвернулся от меня. Мои ноги, руки — что со мной не так?

— Цела ты, не волнуйся. Шрамы остались, но не те, что в больнице — уродуют тело нитками, — выругалась тётка Устинья.

Выходит дело не в уродстве моём. Тогда что? И это называется «мы созданы друг для друга»? Вот гад, так я и знала, что он играет со мной. Я бросилась спасти его, прикрыв своим телом, а он решил, что если я так сильно его люблю, значит, он добился своего и я ему больше не интересна. А как ещё прикажете понимать его поступок?

— Говорила я тебе, по краю ходишь, а ты, вон как подвела себя.

Тётка Устинья одной рукой подхватила меня за плечи и приподняла, а другой поднесла кружку к моим губам. Напиток терпкий, я бы даже сказала, что он терпкий с примесью

горечи. Меня тошнит, но старуха не отнимает кружку от моих губ, заставляет всё выпить.

— Авось справимся с тобой. Пей, милая, пей, не отказывайся от блага, — приговаривает ведьма. — Мой совет тебе, как встанешь на ноги, беги к матери, она первая твоя защитница.

Так и сделаю. Довольно с меня скитаний. Я уверена, что мама, не позволила бы старухе забрать меня к себе, и тем более поить сомнительным отваром.

— Не бойсь, пей, — не устаёт приговаривать Устинья. — Травы «умные» они помогут тебе. А матери твоей лучше не знать о твоих бедах. Зачем сердце материнское зря тревожить. Станет жалеть, себя изводить, что не послушалась меня. Говорила ведь ей, чтобы в Борки вы обе дорогу забыли, ан нет, видать, чему быть того не миновать.

Странное дело, если ведьма знала, что со мной такая беда приключится, почему не предупредила меня заранее? Я ведь к ней обращалась за помощью.

— Эх, знать бы, где упасть, соломки бы подстелила, — сказала Устинья и поставила пустую кружку на стол. Она уложила меня обратно на подушку и поправила одеяло. — Если бы я могла знать, а то вижу, что ты у края, а что ждёт тебя, не разобрала. Не все карты судьба открывает перед нами.

Теперь понятно. А мне нужно было послушать старого человека, тем более что она ведьма. Видно, что тётка зла мне не желает. Вот только поправлюсь и в Тамбов в первый же день уеду. Больше мне здесь нечего ждать. Стану радоваться, что осталась жива, а Влад найдёт себе ещё одну дурочку, которая доверившись ему, окажется «на краю», как это случилось со мной.

И всё равно не пойму, почему Устинья забрала меня к себе. Что-то ведь не так со мной, верно?

— Теперь не осуди, но на ночь я тебе снадобье сонное стану давать, — предупредила тётка. Случись чего, так я с тобой не совладаю — сбежишь и ищи потом тебя.

Как же я сбегу, вот глупая баба, я же не ходячая.

— А, ежели и случится чего, очнёшься на воле, не пугайся. Первым делом обходи стороной «охотника». Он теперь злой стал, так и рыщет по лесу. А оборотни ушли из заповедника — опасно там стало.

Охотник? То есть, Влад? Чёрт, это случилось — «охотник» проснулся в нём.

— Он, как кровь твою увидел, так и голову потерял совсем. Двух волков своими руками сломал, как есть погубил. Мужики из посёлка подоспели, а убивать-то некого — другие оборотни разбежались, кто куда. А тот, что тебя ранил, сразу сбежал, хоть Влад и пытался достать его. Знаю я его, из местных он. А ещё знаю, что Арсения и его самку он порешил, а потом вожаком себя установил в стае.

Теперь не понятно, кто за кем охотится. Раньше Влад укрывался от оборотней, а теперь оборотни бегут от него. Ничего не понимаю.

А я помню волчьи глаза перед укусом. Как будто он не желал мне зла, но остановиться уже не успел. Значит, его цель был Влад. Вожак, против «охотника».

— Теперь оборотни ушли в дальний лес и в заповедник даже носа не суют. Слава тебе господи, — перекрестилась Устинья. — А то я уже думала, что они всех мужиков наших перетаскают в лес.

Вот оно что. Значит, Влад сделал благо для горожан, и помогла ему в этом я. Почему же я осталась живая — клыки оборотня пронзили моё тело с левого бока, а, значит, должно было пострадать сердце — жизненно важный орган. Неужели, оборотень пожалел меня, успел затормозить и ослабил укус. А я теперь обращусь в оборотня, если закончу обряд?

Бред.

Однако мои веки отяжелели и неожиданно сомкнулись: ведьма, наверное, напоила меня сонным отваром, и я заснула.

— Бабуля, не плачь, не надо.

Способность говорить ко мне вернулась вчера ночью. Я спала и вдруг проснулась от резкого толчка, как будто меня кто-то разбудил. Бледная луна в окошке и я почувствовала невероятную, нестерпимую тоску. Душу словно полосовали тупым ножом в мелкие клочья. Я позвала тётку Устинью, и она подошла ко мне по первому зову, села на краешек моей постели и взяла за руку. Так она просидела со мной до рассвета. Той ночью я узнала много интересного. Тётка Устинья помогла мне остаться собой после укуса оборотня. Яд подействовал, но теперь застыл, не принимает его мой организм — борется с ним. Устинья снадобьем да заговорами помогает мне выстоять против инфекции. Что ж, может и так. Лично я ничего не чувствую: жар, ломота, депрессия — это посттравматический синдром. Только одно не поддаётся объяснению — почему утрачена способность, управлять своим телом. Позвоночник цел, а значит, нет предпосылок для парализации. Тётка Устинья успокаивает меня, говорит, раз я заговорила, значит, дня через два встану на ноги, но я не представляю, зачем? Что ждёт меня в новом мире, без прежних привязанностей.

— Успокойся, бабуль.

Хочу взять её за руку и не могу. Конечно, бабушка переживает. Не факт, что я поднимусь с постели, и что тогда? Ей перед моей мамой ответ держать, да и меня ей жалко по-настоящему, это очевидно.

— Как же мне не плакать, — хнычет бабушка. — Чувствовала я, что этот парень до добра тебя не доведёт. Надо было мне сразу тревогу бить, а я всё ждала, думала, обойдётся.

— Бабушка, я сама виновата и поделом мне. Знаешь поговорку — ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. Вот, теперь буду знать, что лучше пройти мимо чужой беды и не совать свой нос куда попало, — попыталась шутить я, но бабушка опять расплакалась.

— Мать твоя звонила, ругается. Грозится приехать, если ты не позвонишь ей. Я телефон твой принесла, так ты поговори с ней. Только я не знаю, на какую кнопку жать.

Кое-как я объяснила бабуле, как набрать номер. Мама ответила сразу. Значит, телефон при себе держала, ждала моего звонка.

— Виктория, немедленно возвращайся домой. Слышишь? Хватит с меня переживаний. Я не могу, есть без тебя, спать не могу, работу забросила, кто так поступает? Уехала отдыхать и ни слова мне не сказала. Хорошо Анфиса позвонила, предупредила.

— Мама, я тоже рада слышать тебя, — сказала я, выслушав тираду обид. — Всё хорошо, мам. Я скоро приеду.

— Вы поссорились с Владом? Из-за чего? Я не давлю на тебя, просто ты должна звонить мне, чтобы я не волновалась, — стала оправдываться мама.

— Мама, ты здесь не при чём. Мы с Владом разные люди, потом я решила продолжить учёбу, а отношения могут помешать мне.

— Отношения только помогут, разве Влад помеха?

Она не понимает, что произошло, вот и пытается образумить меня. Мою маму не понять — только что твердила, чтобы я вернулась домой и вот уже уговаривает остаться с Владом.

— Мама я вернусь домой, и это не обсуждается, — твёрдо заявила я.

— Как скажешь детка, — согласилась мама, услышав в моём голосе стальную нотку.

— Всё. Я тебя целую. Бабуль, а откуда у тебя мой телефон? — запоздало спросила я.

— Ухажёр твои вещи твои перевёз ко мне, — неохотно призналась бабушка.

Вот как. Быстро он среагировал. А что я хотела, любви до гроба? Влад избалован женским вниманием, наверное, уже нашёл мне замену.

Бабушка просидела у моей постели до позднего вечера. Потом Устинья попросила её уйти. Ведьма напоила меня сонным отваром, и я уснула.

Луна заглянула в окошко, и я проснулась. Теперь это будет каждую ночь? Почему Устинья не повесит тёмные шторы. Я взяла подушку, которая лежит сбоку и отделяет моё тело от холодной стены. Положила её рядом, чтобы перекрыть ею лунный свет.

— Нельзя тебя от луны прятать, — услышала я голос Устиньи. — Она первое лекарство для тебя.

Не понимаю, чем может помочь мне луна? Издревле считается, что луна способствует обращению человека в оборотня. Но с Устиньей лучше не пререкаться — она этого не любит.

Чёрт возьми, я смогла взять подушку? То есть, ко мне вернулась способность владеть своим телом. О боже, я уже не надеялась, думала, что так и пролежу до скончания дней моих. Попробовала пошевелить одной ногой — получилось, другая тоже отозвалась на приказ нейрона. Мало того, я смогла повернуться на бок: не на тот, в который впился клыками оборотень, ранки зажили, но боль осталась.

Кажется, Устинья достаточно крепко заснула. Я слышу посапывание из угла, где стоит её койка. Она не знает, что я могу подняться с постели, значит, останусь незамеченной, если теперь уйду. Я хочу спросить, почему Влад не хочет знаться со мной. Это очень важно. Может, все вокруг наговаривают на него, а он просто не знает, где я? Почему они прячут меня в доме ведьмы?

Мои вещи, они ведь рваные, наверное, и в моей крови. Нет, свитер другой и джинсы другие висят на спинке стула. Осторожно сняла ночную рубашку, натянула джинсы, свитер на голое тело: сойдёт и так. Обувь нашла у порога, там же на вешалке висела моя меховая курточка с капюшоном: кто-то принёс вещи. Наверное, бабушка, она верила, что я поднимусь на ноги и не зря верила — я поднялась.

Я выскочила из дома и бегом за калитку. Снег серебрится под ногами, но не скрипит, на мою удачу. Конец февраля морозы остались в январе. Чувствуется веяние весны и это так волнительно.

Прохожу мимо бабушкиного дома. В её комнате горит свет. Она не спит, молится, наверное. Теперь бы зайти к ней, но я тороплюсь. Придётся идти через старый мостик, но мне не страшно. Страх вообще больше не тревожит меня, напротив, я чувствую небывалую власть над мраком и силу пред теми, кто скрывается в темноте. Кажется, что сейчас могу сразиться с кем угодно: даже с оборотнем.

Подошла к владениям Шумиловых со стороны леса. Яркая луна мне в подмогу — тропинку видно, как днём.

В домике темно, значит, Влад в большом доме. Смело иду туда. Я не знаю, который теперь час. Плевать. Я должна поговорить с Владом.

Дёргаю за дверную ручку. Закрыто. А что я хотела? Это когда Полина с Глебом охраняли дом, Шумиловы не запирали дверь, а теперь всё изменилось.

— Что ты делаешь одна, ночью в лесу?

Влад? Моё сердце забилося так сильно, а, значит, Влад не утратил своей власти надо мной. Чтобы не случилось между нами — я люблю его и любить буду вечно.

— Я искала тебя, — робко произнесла я.

— Я знал, что ты рано или поздно явишься сюда, — чужим незнакомым голосом сказал Влад. — Где они тебя скрывали?

Вот, я так и знала, что Влад не знал, где я пропадала всё это время. Они меня прятали?

— Тётка Устинья помогла мне.

— Понятно, — недобро ухмыльнувшись, ответил Влад. — Ведьма «запечатала» свой дом от всякого глаза.

— Значит, ты искал меня? — Как же я хочу прижаться к нему, почувствовать его сильные руки, насладиться жаркими поцелуями — я ужасно скучала без него.

— Уходи, — неожиданно поменявшись в лице, прохрипел Влад. — Беги, Виктория, беги.

Чёрт возьми, значит, это правда? Он отказался от меня и теперь готов даже убить.

— За что ты гонишь меня? Я не понимаю, — заливаясь слезами, спросила я.

— Ты вынуждаешь меня навредить тебе, — зло выпалил Влад.

Вот как? Значит, я всё это время не понимала, что навязываюсь ему?

— Я не пара тебе? — спросила я.

Влад ничего не ответил. Он отвёл взгляд в сторону, а когда вновь посмотрел на меня, я заметила в его глазах зелёные огоньки, которые свидетельствуют о его сильном возбуждении: я давно заметила эту особенность его глаз. Значит, огоньки появляются и в момент раздражения, не только в момент возбуждения. Влад так сильно ненавидит меня? За что?

— Ты же обещал...

Даже не знаю, что сказать. Какая нелепая ситуация. Больше всего я боялась, что когда-нибудь может состояться этот ужасный последний разговор, иными словами — объяснение.

— Значит, ты не хочешь больше знать меня? — потерянным голосом спросила я.

— Тебе лучше уйти, Виктория, — теряя самообладание, выпалил Влад.

Слова болью легли на сердце. Я непонимающе взглянула на Влада, а он без стеснения смотрит на меня. В его безжалостных глазах я прочла приговор — он уже всё решил для себя.

— Хорошо, — кивнула я. — Если ты так хочешь...

— Да, я так хочу. И лучше тебе уехать из городка, — добавил он.

— Скажи мне, — набравшись смелости, спросила я. — Полина и Глеб, где они?

Устинья говорила, что Влад убил двоих волков в тот день и мне даже страшно подумать, кто они.

— Они вернулись в Сибирь, — с недоброй ухмылкой ответил Влад. — Хочешь присоединиться к ним?

Он думает, что я "обратилась"? Глупец. Что ж, нам больше не о чем говорить с ним.

— Ненавижу тебя, — прошептала я и вышла на тропинку.

— Прощай, Виктория, — услышала я голос за спиной, но я даже не обернулась. Я должна забыть этот голос, забыть этого парня, и я должна покинуть городок.

Слёзы текут по моим щекам. Шаг за шагом я навсегда удаляюсь от дома Шумиловых. Я ухожу. Что мне ещё осталось? Только идти в никуда. Жизнь потеряла смысл. Всё потеряло смысл.

Из ближних кустов слышалось сопение — звериное дыхание, вот, что это. Испугалась ли я? Нет, конечно. Мёртвой душе не страшен зверь лесной — ей больше нечего терять. Сопение постепенно стихло. Вот, даже зверь лесной не стал меня трогать, подумал, что мёртвая, наверное.

Я продолжила путь. Не знаю, куда и зачем я шла, но через время набрела на логово зверя. Как раз по мне. Я встала на колени и протиснулась в ход.

Кажется, тут ступеньки — спускаюсь вниз. Интуитивно нахожу опору — это стол. Выходит, это не логово, а землянка. Ощупываю стол и нахожу на нём спички и свечу. Зажгла одну спичку и поднесла к свече. Вот так лучше.

Осмотрелась. Здесь и кровать есть и стол и два табурета. Полки с посудой. Чёрт, это логово Полины и Глеба, я почуяла их запах.

Вернулась по ступенькам к выходу из логова и приставила деревяшку, которую обнаружила рядом со ступеньками. Вот так лучше.

Свернулась калачиком на кровати и уснула. Хорошо. Спокойно. И совсем не страшно.

Глава двадцать седьмая

Время идёт. Идёт вопреки всему. Кому нужны мои страдания. Мама твердит, чтобы я садилась за учебники — скоро вступительные экзамены, а мне ничего в голову не лезет.

Я даже предположить не могла, что будет так больно. Как долго ещё терпеть эту боль?

Снадобье, которое приготовила Устинья перед моим отъездом из Борок, помогает избавиться от «дурной» крови, но не снимает боль, которая буквально истязает душу.

В остальном моя жизнь течёт размеренно и невероятно медленно. Мама говорит, всё потому, что я закрылась в четырёх стенах. Тщетно пытается выпроводить меня на улицу, предлагает погулять с друзьями, а я никого не хочу видеть.

— Встретила сегодня Светочку, и она поделилась со мной последними новостями, — сказала мама за обедом. Светочка, моя подруга и бывшая сокурсница. — Помнишь, Антошку? Кажется, вы дружили. Так вот, он вернулся в Тамбов.

О, боже, Антон? Он лишил меня девственности, вот и всё, и если бы мама это знала, не стала бы говорить о нём с таким восторгом.

— Помню, конечно, — буркнула я.

— Светлана сказала, что Антон хочет встретиться с тобой, он тоже поступает в Медицинский институт. Вы могли бы готовиться вместе.

— Хотел бы, сам пришёл, и не стал бы передавать привет через Светку, — огрызнулась я.

— Ты стала очень раздражительная, — покачивая головой, сказала мама. — Зачем оставила Влада, если так переживаешь.

— Больше не произноси его имя при мне, — жалостливо попросила я.

— Вчера, когда ты переодевалась ко сну, я случайно увидела у тебя...

— Мама, — остановила я её. — Не надо.

— Хорошо, — кивнула она. И всё-таки не удержалась, спросила. — Он бил тебя?

— Нет, мама, не бил.

Что за глупости, неужели не видно, что это шрам. Тоже мне, медицинский работник. Хирургическая сестра называется.

— Владимир Иванович просил передать тебе это. — Смущённо улыбаясь, мама передала мне розовый конвертик. — Это наш подарок к твоему дню рождения. Ты не захотела отмечать, но подарок принять обязана. Сам он вернётся только в среду, поэтому я решила не дожидаться его и так задержались с подарком.

— Спасибо, — приняв конверт, поблагодарила я.

— Пойди, пройди по магазинам, там достаточно денег, чтобы побаловать себя

Она уже не знает, как вытолкать меня на улицу. Что ж, успокою её, выйду ненадолго.

— Хорошо, мама. Сегодня же и потрачу всё, до копеечки, — пообещала я.

— Светочке позвони, вместе погуляете, может, посидите в кафе, — посоветовала мама.

Одной выходить в город мне нельзя — за два месяца проведённые в затворничестве у меня развилась агорафобия. Это же надо так себя истязать. Что я делаю? Он, наверное, обо мне уже и думать забыл, а я убиваюсь, идиотка. Да гори оно всё огнём. С меня хватит, довольно лить слёзы.

К вечеру позвонила Светке.

— Это я, Виктория.

— Думаешь, у тебя изменился голос, — в шутку заметила она. — Неужели решилась выйти из дома?

— Представь себе, — ответила я подруге. — Предки подарили немного денег, не знаю, на что их потратить.

— Я буду у тебя через пятнадцать минут, — пообещала Светлана. — Я придумаю, как мы их потратим.

Идём со Светкой по Набережной. Весна в полном разгаре. Снег уже давно сошёл. Мне нравятся сумерки над рекой. Тихо, свежо и тепло. Светка делится со мной последними новостями, но я не слушаю её, и только киваю изредка, даже не пытаюсь скрыть безразличие.

— Ну что? — Светлана остановилась. — Гуляем сегодня?

Я пожалала плечами.

— Сейчас я тебя развеселю. Сюрприз, — произнесла Светка и указала рукой в сторону группы парней и девчонок.

Вот чёрт, она собрала всех наших. И что прикажете делать? Что она задумала?

— Мы идём в кафе «Этюд». Ты не пригласила нас на свой день рождения, и мы решили пригласить тебя на твой день рождения. — Ничего себе поворот. Я даже не знаю, какая сумма в конверте. — Не бойся, все при деньгах, — успокоила меня подруга.

— Ладно, — согласилась я. — День рождения в начале месяца был, если помнишь.

— Ничего, — с оптимизмом ответила Светка. — Апрель ещё не закончился.

Хорошо хоть оделась прилично: мама настояла. И денег мама подсунула, как бы ненароком. Она так старается вернуть меня к жизни, что, пожалуй, один вечер я выдержу, чтобы успокоить маму.

К нам подбежали все наши и стали громко кричать кто «С днём рождения», а кто «С возвращением». Приятно.

В другой жизни (до моего отъезда в Средние Борки), мы всей нашей компанией часто приходили сюда. Уютный зал и изумительная кухня. А ещё здесь самые вкусные чебуреки. Но сегодня, я не испытала тех чувств. Теперь мне, кажется, что здесь слишком громко играет музыка, и эти громкие голоса. Одичала я в Борках, привыкла к тишине.

— Хочешь уйти? — взглянув на меня, спросила Светка. — Ты такая бледная. Я могу проводить тебя домой.

— Нет, — испуганно ответила я. — Хочу остаться.

Лучше мне остаться с друзьями — боюсь своих мыслей.

— А вот и Антошка. Помнишь его? — подмигнув, спросила Светка.

— Как же не помнить, помню. Жених прибыл, — иронично, заметила я.

Антон изменился и, должна заметить, в лучшую сторону. Возмужал, окреп. Куда он уезжал? Где скитался? Но ведь всё равно вернулся домой. Правду говорят — где родился, там и сгодился. А меня моя родная земля не приняла, буквально отвергла и чуть не погубила.

— Привет, красавица.

Он в курсе, что мы три года не виделись? Ведёт себя так, как будто только вчера расстались.

— Привет, скиталец, — без особого энтузиазма ответила я.

— Серьёзно, тебя не узнать. Ты расцвела.

Ещё бы не расцвести с таким «садовником», как Влад. Он одним только взглядом мог завести меня, а его поцелуй, даже самый целомудренный разжигал во мне такое желание, что от страсти с ума можно было сойти.

— Стол уже заказан, так что прошу, — пригласила всех Светлана.

Надо же, как они всё устроили. И стол в кафе, и друзья, и Антон. Ладно, попробую расслабиться, хоть и не думаю, что у меня получится. Я ведь понимаю, что Влад мне мешает вернуться к прежней жизни. Но ведь для того, чтобы жить дальше спокойно, достаточно помнить, что он существует, живёт своей жизнью, уединяется в домике на дереве. С кем-нибудь.

Нет, конечно, нет. Влад моногамный и я это знаю. Не думаю, что он так быстро забыл меня — прошло всего два месяца. Ведь это не он отверг меня — это в нём говорил «охотник». Я знаю, что он страдает, как и я. Мы оба мучаемся. Неужели, нам не удастся найти компромисс?

— Ты так и будешь «зависать»? — выдернула меня из мыслей Светка. — Всем весело, кроме тебя.

— Прости, я просто подумала...

— А ты не думай, ты отдыхай, — посоветовала она.

Ко мне подскочил Антон. Он галантно подал руку, приглашая меня на танец. Ох, не знаю, хочу ли идти с ним. Но подруга подтолкнула меня, и мне ничего не оставалось, как согласиться на танец.

Танцуем молча. Не знаю, о чём говорят с «бывшими». То есть, Антон никогда и не был моим, так, мимолётное увлечение, юношеская влюблённость и «пьяный секс». Я даже и не

помню, как это было.

— Я вспоминал тебя, — нарушил молчание Антон.

Так я и поверила. Дежурная фраза не более того.

— А я нет, — ответила я и удивилась собственной бесцеремонности.

Конечно, Антон опешил от моего ответа. Он растерялся, но быстро собрался и вернул прежнюю беспечность.

— Я слышан о твоём романе. Ты его «на дне» отыскала?

«На дне», значит, в глухомани, по-нашему. Я это помню, мы так говорили раньше, но теперь я так не считаю.

— В Средних Борках, я там родилась, — едва сдерживая гнев, ответила я. Не понимаю, что меня злит больше, то, что он плохо отозвался о моём родном городке, или то, как он сжимает ладонями мой зад. Откуда столько злости во мне? Изнутри я пылаю, а пуки так и чешутся, хочу врезать этому парню, чтобы он теперь заткнулся.

— Неужели, он бросил тебя?

Лучше бы он не касался этой темы. Не знаю, что на меня нашло и не помню, как всё случилось. Мой гнев вырвался наружу, и я набросилась на Антона, словно зверь. К нам подскочила Светка, но было уже поздно, Антон корчился на полу, а я обратила внимание его руку, неестественно вывернутую в сторону.

— Ты с ума сошла? Ты сломала Антону руку, — выругалась Светка. — Блин, повеселились. «Скорую» вызывайте, чего уставились, — орёт Светка на зевак, собравшихся вокруг Антона.

Я выскочила из зала в небольшой холл, а оттуда на улицу. Без куртки, без сумочки. Плевать. Бегу по Набережной. Чёрт возьми, я монстр и мне не место среди нормальных людей. Как стыдно. Стыдно и в душе образовалась пустота. Устинья предупреждала меня, чтобы я не торопилась выходить к людям, а я вот не послушала ведьму, поддалась на

мамины уговоры. Если бы только могла повернуть время вспять.

— Не торопись, принцесса, подожди.

Стёпка? Что он делает в Тамбове?

— Думаешь, я пропустил бы твой «хук» слева и этот неподражаемый хруст сломанной кости. Видела бы ты обезумевшие глаза парня, когда он понял, что с ним без усилий справилась хрупкая девушка.

Не знаю почему, но я рассмеялась. Стою и хохочу, как ненормальная. Такое ощущение, что перепалка в кафе вернула меня к жизни. Я чувствую, как силы наполняют моё тело, как уверенно забилося моё сердце, как кровь, буквально, вскипела в моих жилах. Неужели, для того, чтобы снять стресс, мне достаточно было сломать кому-то руку?

— Не замёрзла? — спросил Степан.

— Нет, ни сколечко, — ответила я.

Моя душа так истосковалась по эмоциям, — неважно каким эмоциям, главное, что я вернулась к жизни.

— Возьми, а то люди подумают, что ты сумасшедшая.

Стёпка отдал мне куртку и мою сумочку. Он был в кафе? Почему я его не видела там?

— Когда ты взял мои вещи?

— Номерок у меня в сумочке лежал. Это было легко сделать, — подмигнул мне Стёпка. — Я провожу тебя, — предложил он.

— Ты не ответил мне, что ты тут делаешь?

— Живу, — посмеиваясь, ответил он.

— Живёшь? В Тамбове? А как же нелюбовь к суете? — вспомнила я его слова.

— Я здесь ненадолго, — объяснил Стёпка.

— А Ольга? Она с тобой?

— Ольга осталась в Сибири.

— Понятно. Значит, не прижились вы в Сибири?

— У Шумиловых тут квартира, наверное, ты в курсе. В центре Тамбова, на улице Горького, в новом доме. Они позволили мне пожить там, пока не разберусь с делами.

— Торгуешь сибирским лесом? — догадалась я.

— Вроде того, — уклончиво ответил Степан.

Интересно, как он нашёл меня? Как оказался в кафе в то время, когда туда пришла я. Всё это странно. Я рада встретить друга, но какую цель он преследует. Его объяснения похожи на правду, но я перестала верить людям, разочаровалась.

— Ты следил за мной? — спросила я.

— Вовсе нет, — запротестовал Стёпка. — Мне нравится лопать чебуреки в «Этюде», а тут ты и эта странная компания. А потом ты разозлилась и...

— Не напоминай, — прикрыв лицо рукой, попросила я. — Это ужасно.

Хотя, вспомнив, как захрустели кости, я поняла, что мне нравится этот звук. Бред.

— А с этим, с Вадом, ты завязала? — осторожно спросил Степан. — Мне рассказывали, что произошёл инцидент, будто на тебя напал волк, что живёт в заповеднике, и ты уехала, не желая больше подвергать себя опасности.

Хорошая версия. Шумиловы, как всегда, на высоте. Значит, я сбежала, так они выставили мой отъезд.

— Так я провожу тебя? — снова спросил Степан.

— Пожалуй, я соглашусь. Уже недалеко. А Влад, что тебе сказал? Ты виделся с ним?

— Влад уехал. У него какие-то дела в столице, я его не видел. Теперь он уже вернулся. На следующей неделе я вернусь в Борки, может, ему что передать?

— Нет, ничего не надо, — ответила я. — Пусть всё остаётся так, как есть.

— Ну, как хочешь, — почему-то недовольно произнёс Степан.

Поверить не могу, что Степан хочет помирить меня с Владом. Зачем ему это? Сам же отговаривал и вот, решил посодействовать к примирению. Что-то тут не так.

— Бабушку приедешь навестить? — спросил он.

Да что такое, Степан старается вытащить меня в Борки. Что он задумал? Тоже мне, друг называется. Теперь Шумиловы хорошие? Не он ли крыл их семью самыми жуткими словами.

— Вот мой дом, — сказала я, остановившись у моего подъезда. — Дом не такой классный, как у Шумиловых, но мне нравится.

— Значит, тут ты росла.

— Нет, конечно, эту квартиру дали Владимиру Ивановичу, когда он обзавёлся семьёй. А мы с мамой жили в крохотной квартирке, на улице Московской, рядом с клиникой.

— Увидимся ещё? — спросил Степан.

— Звони, если что, — ответила я. — Номер телефона я не поменяла.

Степан ушёл. А я ещё долго стояла у подъезда. Не могла никак успокоиться из-за инцидента в «Этюде», а тут ещё эта встреча со Степаном. Что-то со мной не так. Озноб пробивает и ещё этот жар, как будто у меня поднялась температура. Воспоминания нахлынули с яростной силой.

Прошлое не оставляет меня. И не оставит, я думаю, пока я не поставлю на нём жирную точку.

Глава двадцать восьмая

На Автовокзале пусто, хоть всего десять часов вечера. Конечно, об автобусе не может быть и речи — иду к стоянке такси.

— Девушка, опять в Средние Борки собрались? На ночь глядя?

Знакомый таксист. Он уже подвозил меня от Автовокзала, когда я приезжала к маме на день рождения. И вот снова он — какая удача. Денег у меня нет, конвертик у меня забрала Светка, когда мы шли в кафе. Придётся обратиться к Владу с просьбой, оплатить дорогу.

— Я вам заплачу по приезду, — пообещала я. — Сейчас у меня нет денег.

— Ладно. Ты не обманешь, а если что, потом отдашь.

Набираю номер Влада. С замирание сердца жду, когда услышу его голос. Два месяца разделяют нас, это не так много, но в нашем случае, это целая жизнь.

— Что случилось, Виктория?

Он не удалил мой номер из списка? Ничего себе.

— Я еду в Борки. В такси. Денег у меня нет, — коротко объяснила я.

— Хорошо, — ответил он. — Я буду ждать тебя в Центре, у супермаркета.

Всё. Я спокойна. Он оплатит дорогу и уж точно не оставит меня ночью одну, замерзать на улице.

— Говорят, в Борках расплодились волки, это правда? — поинтересовался водитель. — Друг рассказывал, что зимой охотники даже выходили в лес на отстрел.

— Было дело, — вздохнув, ответила я.

— Умный зверь, волк. Умный и гордый, — высказал своё мнение водитель. Плохо когда ему, он к людям идёт, помощи ждёт, а люди с ружьями на них. Эх, нехорошо это.

— Да, нехорошо — согласилась я. — Только волки в Борках особенные, не очень-то жалуют людей. И гордости у них ни на грош.

— Чем вам так волки насолили? Знаете легенду о волках местных? — Я ответила, что не знаю и водитель решил рассказать мне её. — Во времена нашествия монголо-татар, наряду с жителями с врагами сражались и волки. Люди в благодарность, считали волка священным животным и прекратили на него охоту. С тех пор расплодились они в наших краях. Только не волки это были, а оборотни. Вот и думай, какой зверь оборотень, а какой волк неразумный.

— Интересная версия, — задумчиво произнесла я.

— И поверьте, в ней больше правды, чем вымысла. Вы всё ездите туда-сюда, а выводы не делаете, — заметил мужчина.

— Точно, — кивнула я. — А вы случайно приезжаете на мой вызов или целенаправленно? — поинтересовалась я.

— Со мной надёжнее, — посмеиваясь, ответил он. — У меня дочь вашего возраста.

— Ну, тогда спасибо за заботу — ответила я и улыбнулась. Есть на свете добрые и ответственные люди. Этот водитель заметил меня ещё в первый мой приезд в Тамбов и теперь всячески старается помочь, чтобы я не влипла в историю. Остаток пути ехали молча, каждый думал о своём. Наконец, мы подъехали к супермаркету. Влад вышел из своей машины, подошёл к такси и в окошко сунул водителю деньги. Я выбралась из машины и поспешила за Владом, который уже направился к своему автомобилю.

— Здесь слишком много, — открыв дверь, испуганно крикнул шофёр.

— Денег много не бывает, — ответила я ему. — Свидимся ещё.

Ну, конечно, Шумиловы не считают деньги.

— Зачем ты дал ему столько денег? — спросила я, поравнявшись с Владом. — Это не скромно.

— Я заплатил ему достаточно. Это моя благодарность за то, что довёз тебя целой и невредимой. Но это ничего не меняет, — добавил он.

Влад неприступен, непреклонен — он чеканит каждое слово, как будто мечом из камня искры высекает. Непростую «амбразуру» мне придётся брать. Непросто совладать с «охотником». Почему просто не прикончит меня?

— Я приехала проститься, — не уступая ему в жёсткости, сказала я.

— Не слишком поздно? — зло, прищурившись, поинтересовался он. Как же я люблю, когда он вот так смотрит. Только теперь взгляд не тёплый, как это было раньше, а холодный и презрительный. — Тебя не было ровно два месяца в этих краях, так что привело тебя сюда снова. Кто надоумил вернуться в Борки?

Не уверена, но, кажется, я поняла, кто вернул меня в Борки.

— Ваш родственник, Степан. Я встретила его в Тамбове. Ты его подослал ко мне? Слишком отчаянно он добивался от меня «привет» для тебя.

Нападение лучшая защита, мне это известно не понаслышке. Если бы только Полина не замешкалась, я была бы цела, и у нас с Владом не возникло бы этих проблем, а теперь мы оказались по разные стороны баррикад — он охотник, а я без пяти минут оборотень.

— Степан? — удивился Влад. — Он в Тамбове?

— Да. Он остановился в вашей тамбовской квартире.

— Садись в машину, — приказал Влад и открыл передо мной дверцу.

— Я не поеду с тобой, — отступив назад, запротестовала я.

— Ольга правильно заметила, что вы два сапога пара.

— Ольга? Она вернулась? — спросила я.

— Да, у них не сложилось со Стёпкой, и она вернулась в Борки.

А Степан сказал, что супруга его осталась в Сибири. Соврал? Но, зачем? И вообще, что он делает в Тамбове? Теперь уже я не уверена, что Шумиловы в курсе, что он живёт в их квартире. Но мне всё равно, пусть сами разбираются, а я тут не при чём. Неприятно только, что друг мне соврал.

— А со Степаном я разберусь — пообещал Влад. — Не представляю, как он оказался в нашей квартире в Тамбове. — Влад тяжело вздохнул и посмотрел на меня потеплевшим взглядом. — Значит, не поедешь со мной, — спросил он.

— Зачем? Я ведь больше не интересую тебя.

— Что будешь делать? — сглотнув образовавшийся ком в горле, спросил Влад.

— Вернусь в больницу, буду жить у бабушки. Пока поживу. Появились новые обстоятельства, которые не позволяют мне вернуться домой.

— Можешь, остановиться в квартире на Молодёжной. Я не стану тебя беспокоить, — пообещал Влад. — Ключи ведь у тебя есть?

— Остались, — ответила я. — Но я не стану пользоваться Шумиловской благотворительностью.

— Ты ведь понимаешь, что теперь должна держаться от меня подальше, — не выдержал Влад.

— Не представляю, почему, — с наивной улыбкой сказала я.

— По воле судьбы, мы оказались по разные стороны баррикад. Прости.

Влад уехал. Я ещё долго стояла на Центральной площади одна. Страшно мне не было, это чувство больше мне неведомо, мне было больно. Почему случилось так, как случилось? Чем я прогневала небеса? Как теперь жить, я понятия не имела. Побрела по дороге в сторону леса. Остановилась лишь у дома Шумиловых. Обошла дом и осторожно потянула входную дверь на себя — на заднем дворе, дверь всегда остаётся открытой, но об этом никто не знает, кроме меня. Дверь оставляли открытой для Полины и Глеба. Я помню всё. Я вошла в дом и осторожно поднялась на второй этаж по винтовой лестнице.

Влад спит. У него спокойное умиротворённое лицо. Я могу любоваться им дни и ночи напролёт. С рассветом я исчезну из его жизни. Не знаю, смогу ли когда-нибудь ещё прикоснуться к нему, поэтому осторожно провожу пальчиками по его плечу, по щеке и прикасаюсь к шелковистым волосам. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не разбудить его. Как жаль, что всё изменилось. И мы изменились.

Осторожно покидаю комнату любимого. У меня холодеет кровь, так больно уходить. Надеюсь, мы расстаёмся ненадолго, иначе я умру.

Теперь я должна выяснить, что задумал Степан. Он солгал мне, и я хочу выяснить, зачем? Степан явно нервничал, но я не придавала этому значения, а надо было. Меня не оставляет мысль, что мой друг, как-то связан с происшествием, которое случилось со мной в зимнем лесу. Я разберусь со всем этим, чего бы мне это не стоило.

Больше книг на сайте — Knigolub.net